Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»

И.Х. Тхамокова

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XXI В.: ДИНАМИКА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ГРАНИЦ

УДК – 39:94(470.64) ББК – 63.521(=411.2)-3+63.3(2Р.К-Б) Т – 92

Печатается по решению Ученого совета ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»

Научный редактор доктор исторических наук С.И. Аккиева

Рецензенты:

кандидат исторических наук З.А. Кожев кандидат исторических наук Д.Н. Прасолов

Т – 92 Тхамокова И.Х. Русское население Кабардино-Балкарии в XIX – начале XXI в.: динамика этнокультурных границ. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. – 152 с.

В монографии исследуются этнокультурные границы – незримые барьеры, разделяющие людей разных национальностей. Чаще всего эти границы образованы теми или иными особенностями культуры, языка, которые осознаются как наиболее значимые. Они отделяют русских жителей региона, с одной стороны, от украинцев, а с другой – от народов Северного Кавказа, прежде всего – от кабардинцев и балкарцев. Первая граница разделяет близкородственные восточнославянские народы, а вторая – народы, существенно различающиеся по своему языку, культуре, религии. Прослеживается динамика изменений этих двух типов границ на протяжении двухсот с лишним лет.

Издание адресовано как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся историей и этнографией Северного Кавказа.

ISBN 978-5-91766-087-5

[©] Тхамокова И.Х., 2014

[©] КБИГИ, 2014

The Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardian-Balkarian Institute of Humanitarian Research

I.H. Tkhamokova

THE RUSSIAN POPULATION OF KABARDINO-BALKARIA IN XIX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: DYNAMICS OF ETHNO-CULTURAL BORDERS

UDK – 39:94(470.64) BBK – 63.521(=411.2)-3+63.3(2Р.К-Б) Т – 92

> Printed according to the decision of the Scientific Council of The Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardian-Balkarian Institute of Humanitarian Research

> > Scientific editor: the doctor of historical sciences S.I. Akkiyeva

Reviewers:

candidate of historical sciences Z.A. Kozhev candidate of historical sciences D.N. Prasolov

T – 92 Tkhamokova I.H. The Russian population of Kabardino-Balkaria in XIX – the beginning of the XXI century: dynamics of ethno-cultural borders. – Nalchik: Publishing department of KBIHR, 2014. – 152 p.

In the monograph ethno-cultural borders – the hidden barriers dividing people of different nationalities are investigated. Most often these borders are formed by these or the other features of culture and language which are perceived as the most significant. They separate the Russian inhabitants of the region, on the one hand, from Ukrainians, and on the other – from the people of the North Caucasus, first of all – from Kabardins and Balkars. The first border divides closely related East Slavic peoples, and the second – the people significantly differing in their language, culture, religion. Dynamics of changes of these two types of borders for more than two hundred years is traced.

The publication is addressed to specialists and a wide range of readers interested in the history and ethnography of the North Caucasus.

ISBN 978-5-91766-087-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

введение	6
ГЛАВА 1. ДИНАМИКА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ГРАНИЦ В XIX – НАЧАЛЕ XX в	14
1.1. Терское казачество: этнокультурные или социальные границы?	14
1.2. Этнокультурная граница: русские и украинцы	28
1.3. Этнокультурные границы: русские и народы Северного Кавказа	37
1.3.1. Кавказская линия и межэтнические отношения (конец XVIII – начало XIX в.)	37
1.3.2. Социально-политические преобразования и этнокультурные границы (20–60 гг. XIX в.)	50
1.3.3. Усиление межэтнических контактов и этнокультурное развитие (конец XIX – начало XX в.)	60
ГЛАВА 2. ДИНАМИКА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ГРАНИЦ В XX – НАЧАЛЕ XXI в	74
2.1. Казачество КБР в XX в.: эволюция идентичности	74
2.2. Русские и украинцы: этнокультурные трансформации	85
2.3. Русские, кабардинцы и балкарцы: динамика этнокультур- ных границ	92
2.3.1. Социально-политические и этнокультурные трансформации (1917–1945 гг.)	92
2.3.2. Советское общество: динамика и итоги социального и этнокультурного развития (конец 40-х – 80 гг.)	107
2.3.3. Мобилизация этничности, глобализации и этнокультурные границы (конец XX – начало XXI в.)	116
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	130

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к этнокультурным границам существует в этнографии со времени издания известной работы норвежского ученого Ф. Барта (и его соавторов), который предложил перенести фокус исследовательского внимания с культурного инвентаря этнической группы на этническую границу, определяющую эту группу. При этом этническая граница понималась как граница социальная. Ф. Барт важнейшую роль в установлении этнической границы отводил самосознанию или самоидентификации. Идентичность, по его мнению, основана на особенностях культуры, но не на всех, а только на тех, «которые сами люди считают значимыми» 1. При этом в разные периоды истории и для разных групп могут оказаться значимыми различные культурные признаки.

В отличие от многих других этнологов, Барт полагал, что «сохранность этнической группы зависит от устойчивости ее границы. Культурные признаки, сигнализирующие о границе, могут меняться, и точно так же могут трансформироваться культурные характеристики членов этнической группы; более того, может поменяться даже ее организационная форма»². Тем не менее, пока существует граница, отделяющая этническую группу от всех других групп, существует и сама группа.

После работы Барта этнологи стали уделять большое внимание изучению национального самосознания или этнической идентичности. Получили распространение субъективистские подходы, в которых «этничность определяется не в терминах объективных общностей, а в терминах верований, восприятий, пониманий и идентификаций участников»³.

Некоторые из современных ученых не применяют понятие «идентичность» как слишком нечеткое и противоречивое. Они предпочитают говорить об идентификации и категоризации или о самопонимании⁴. В отличие от идентичности, которую принято считать постоянной, идентификация может различаться в зависимости от конкретной ситуации.

При изучении этнокультурных границ необходимо также учитывать различия между самоидентификацией человека и категоризацией его другими людьми⁵. В некоторых случаях они не совпадают.

Идентификация и категоризация, (а значит и этнокультурные границы) определяются несколькими факторами. Одним из важнейших является политика государств, поскольку государство имеет власть «именовать, идентифицировать, категоризировать и устанавливать, что есть что и кто есть кто» 6. При этом, как отмечал В.А. Тишков, отношение государства к этничности, определяется несколькими факторами, в частности, отношением между государством и национальными элитами. Если они «носят лояльный характер, государство чаще всего содействует укреплению этнических общностей и даже может спонсировать «этническое возрождение». В противном случае государство может «подавлять или отказывать в признании существования подобных групп» 7.

Национальная политика советского государства получает в современной научной литературе очень разные оценки, но многие авторы так или иначе признают, что она оказала большое влияние на развитие народов страны, а значит и на их этнокультурные границы. Как полагают Р. Брубейкер и Ф. Купер, «советский режим, хотя и антинационалистический и, конечно, брутально репрессивный во всех возможных отношениях, совсем не был антинациональным. Далекий от безжалостного подавления национальности, режим сделал беспрецедентно серьезные шаги к ее институционализации и кодификации» Если и не все, то многие народы Советского Союза пользовались автономией того или иного уровня, имели закрепленную за ними территорию. Каждому жителю страны приписывалась национальность, зафиксированная в паспорте и других документах. Все это не могло

не отразиться на самоидентификации людей и способствовало сохранению и укреплению этнокультурных границ.

Подобное мнение высказывает также один из известных специалистов по истории СССР Т. Мартин. Он пишет, что политика советского государства «предполагала систематическое поощрение национальной идентификации не только путем образования национальных территорий и расширения сферы применения национальных языков, но также с помощью пропаганды таких характерных национальных символов как фольклор, музеи, одежда, кухня, революционные герои, важные исторические события и классические литературные произведения». Иными словами, государство содействовало «развитию неполитических смыслов национальной идентичности», но в то же время стремилось предотвратить «возникновение «националистической элиты, политизирующей национальную идентичность»9. Существуют и другие оценки национальной политики Советского Союза, но все они, так или иначе, признают влияние государства на этническую идентичность, на устойчивость или изменчивость этнокультурных границ.

В российской науке изучение этнической идентичности ведется чаще всего в рамках этносоциологии или этнопсихологии, в качестве источников используются материалы массовых опросов, и затрагивается только современный период. Исследование этнических групп и социальных границ в динамике на протяжении длительного времени – большая редкость для российской этнологии. По отношению к русскому населению Кабардино-Балкарии этот подход применяется впервые. Он позволяет по-новому осмыслить некоторые проблемы, связанные с этнической историей и с межнациональными отношениями на Северном Кавказе, что придает ему особую актуальность. Решение этих проблем имеет не только теоретическое, но и немалое практическое значение.

Целью данной работы является изучение социальных границ, отделявших русское население от других народов Северного Кавказа, и изменение этих границ на протяжении, приблизительно, двухсот лет, от начала XIX до начала XXI в.

Социальная граница, помимо народов, может разделять также и социальные группы или категории (классы, сословия). При

изучении восточнославянского населения Северного Кавказа очень важно различать эти собственно социальные границы и границы, разделяющие отдельные этнические общности. Эти последние границы во избежание путаницы можно назвать этнокультурными границами, тем более что этот термин уже применяется в российской этнографии¹⁰.

При этом имеются в виду именно социальные, этнокультурные границы, т.е. особенности языка, культуры, самосознания, разделяющие соседние народы. Такие проблемы как расселение, миграционные процессы, динамика численности того или иного народа выходят за рамки настоящего исследования, тем более, что они уже рассматривались в многочисленных, хотя и очень неравноценных работах. Изучением территории расселения и численности народов Кабардино-Балкарии занимались В.Х. Кажаров, К.Ф. Дзамихов, Б.Х. Бгажноков, З.А. Кожев, П.А. Кузьминов и другие авторы¹¹.

Русское население Кабардино-Балкарии состоит из нескольких различных по происхождению групп. Раньше всего, в конце XVIII – первой половине XIX в., на этой территории сформировалось казачество, в состав которого вошли волжские и «малороссийские» казаки, а также бывшие крестьяне, отставные солдаты, однодворцы. В конце XIX – начале XX в. на Северный Кавказ переселились тысячи русских и украинских крестьян, а в советский период появились города и городское население.

В задачу настоящего исследования входит изучение этнокультурных границ, отделявших русских жителей региона, с одной стороны, от украинцев, а с другой – от народов Северного Кавказа, прежде всего – от кабардинцев и балкарцев. Первая граница разделяла близкородственные восточнославянские народы, а вторая – народы, существенно различавшиеся по своему языку, культуре, религии. Устойчивость, динамика изменений этих двух типов границ, естественно, были разными.

Еще одна граница отделяла казачество от других групп восточнославянского населения Северного Кавказа. Но вопрос заключается в том, можно ли считать эту границу этнокультурной или же социальной, сословной. Ответ на этот вопрос позволит приблизиться к пониманию статуса казачества – являлось ли

оно сословием, особым народом или этнографической группой. На этот счет, как известно, существуют различные мнения.

При этом необходимо учитывать, что статус казачества в различные периоды его истории мог изменяться, на что обращают особое внимание современные исследователи¹². Действительно, в советское время казачество никак не могло быть сословием. Соответственно должна была измениться и граница, отделявшая его от других групп населения Северного Кавказа.

Хотя этнокультурные границы в Кабардино-Балкарии никогда не являлись предметом специального научного исследования, все же в некоторых работах по истории, этнографии, культурологии содержатся как интересные материалы, так и важные для изучения этой темы выводы. Так, в монографии Г.Х. Мамбетова приводятся примеры влияния русского населения Кабардино-Балкарии на материальную культуру кабардинцев и балкарцев¹³. Эта же тема была продолжена в коллективной монографии «Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев», изданной в 1986 г. В этой работе, основанной на массовых опросах, выявляются изменения не только материальной культуры, но и обычаев, обрядов, духовной культуры двух народов. Отмечена роль русского языка и культуры¹⁴.

В работах историков и этнографов рассмотрены проблемы трансформации традиционного хозяйства, социальных отношений, правовой культуры кабардинцев и балкарцев в XIX–XX в. в результате интеграции в структуру Российской империи 15. Межэтнические контакты и их влияние на материальную и духовную культуру народов Кабардино-Балкарии затронуты в той или иной степени в ряде научных статей и монографий 16.

В работах З.М. Налоева исследуются труды $\hat{\mathbf{\Pi}}$. Ногмова и баксанских просветителей и проявление в них национального самосознания авторов¹⁷. Другие ученые также затрагивают эту тему¹⁸.

Г.Д. Базиева в своих монографиях и статьях отмечает как влияние русской культуры на искусство кабардинцев и балкарцев, так и проявление этнической идентичности в творчестве современных деятелей культуры КБР¹⁹. Современные религиозные процессы в контексте межнациональных отношений рассматривают в своих статьях Д.Н. Прасолов и Л.Х. Сабанчиева²⁰.

А.Х. Боров исследует процесс модернизации Кабардино-Балкарии, включающий экономическое развитие, изменение социальной структуры, рост уровня образования кабардинцев и балкарцев, что не могло не оказать влияние на этнокультурные границы²¹. С.И. Аккиева изучает этнополитические и этносоциальные, а также миграционные процессы, этническую идентичность народов Кабардино-Балкарии²².

Свое видение проблемы этнического самосознания кабардинцев и его изменения в советский и постсоветский период представлено в работе В.Х. Кажарова 23 .

Данное исследование основано на использовании широкого круга разнообразных источников. Среди них:

- 1. Архивные документы по истории русского населения Северного Кавказа и соседних народов, хранящиеся в Российском Государственном военно-историческом архиве, в Центральном Государственном архиве КБР, а также в Центральном государственном архиве древних актов и в Краевом Государственном архиве Ставропольского края. Они охватывают как ХІХ в., так и советский период. Документы содержат сведения о численности и расселении, о политических и экономических отношениях народов региона, особенностях их хозяйства и материальной культуры.
- 2. Политические и правовые акты, документы по истории Кавказской войны, опубликованные в сборниках и многотомных изданиях, таких как «Акты, собранные кавказской археографической комиссией» в 12 томах и «Полное собрание законов Российской империи». В первом из этих изданий содержатся сведения о политических и этнических границах на Кавказе, в частности, Кавказской Линии. Второе содержит ценные сведения о создании казачьих станиц, об особенностях социального положения казачества, о его сословном статусе. Положение казачества и русского населения Кабардино-Балкарии в советский период можно изучать по документам, собранным и изданным А.М. Гоновым и Н.Ф. Бугаем²⁴.
- 3. Статистические материалы, прежде всего переписи населения. Они содержат сведения о динамике численности, расселения, социального состава, уровня образования народов

Кабардино-Балкарии. Все эти показатели в той или иной степени влияют на этнокультурные границы.

- 4. Нарративные источники. В XIX начале XX в. было написано множество очерков, статей о материальной культуре, обычаях, обрядах народов Северного Кавказа, в том числе и русского населения региона. Эти работы были напечатаны в различных изданиях, прежде всего - в 44 томах «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа». Они содержат ценные сведения для сравнительного изучения традиционной культуры разных групп терского казачества, а также казачества и русского и украинского крестьянства. К этому же типу источников можно отнести труды кабардинских и балкарских просветителей, по которым можно изучать самосознание, этническую идентичность этих народов, а значит и этнокультурные границы. Еще одной разновидностью нарративных источников являются мемуары. Примером могут служить «Записки атамана» М.М. Клевцова. Они содержат сведения о современном казачьем движении и о поисках идентичности современным казачеством.
- 5. Полевые этнографические материалы, собранные автором в городах, станицах и селах Кабардино-Балкарии. Они дополняют материалы архивных и нарративных источников в том, что касается традиционной культуры казачества и крестьянства и социальных границ, разделявших эти две группы населения, а также этнокультурных границ, отделявших их от других народов Северного Кавказа.
- 6. Материалы массовых опросов. В 1987 г. автор этой работы провела массовый опрос русского населения Кабардино-Балкарии. Всего было опрошено 1600 человек. Им задавались, в частности, вопросы о том, что отличает их от людей других национальностей и что сближает с людьми своей национальности. Ответы на этот вопрос позволяют уточнить, какие именно особенности культуры являлись наиболее важными для поддержания устойчивости этнокультурных границ. В 2006 г. сотрудниками сектора этнологии КБИГИ был проведен массовый опрос студентов по проблемам современной семьи. Анкета содержала вопросы о национальности самого студента и его родителей, что позволяет использовать материалы опроса для изучения этнической идентичности студентов.

Использованные источники позволяют изучить динамику изменчивости этнокультурных границ русского населения Кабардино-Балкарии в XIX–XX в. Не все проблемы и не все периоды истории отражены в источниках с одинаковой полнотой. Однако основные факторы устойчивости и изменчивости этнокультурных границ и основные этапы изменений выявить можно.

Drope R

ГЛАВА 1 ДИНАМИКА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ГРАНИЦ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

1.1. Терское казачество: этнокультурные или социальные границы?

Терское казачество на протяжении многих лет являлось предметом исследования историков и этнографов, но до настоящего времени не существует единой точки зрения на эту группу населения Северного Кавказа.

Основной вопрос можно сформулировать следующим образом: отделялось ли терское казачество от других групп восточнославянского населения Северного Кавказа социальными или этнокультурными границами? Существуют различные мнения по этому поводу, которые можно свести к 5 основным вариантам:

- 1. Согласно законам Российской империи казаки считались особым сословием наряду с крестьянами, дворянами, мещанами и т.д. Эта точка зрения нашла свое отражение во всех официальных документах, в большинстве исторических трудов, и являлась если и не общепринятой, то наиболее распространенной. Свидетельством тому служит словарь В.И. Даля, который дает следующее определение слову «казак»: это «войсковой обыватель, поселенный воин, принадлежащий к особому сословию казаков, легкого конного войска, обязанного служить по вызову на своих конях, в своей одежде и вооружении»²⁵.
- 2. Иное мнение представлено в работах отдельных историков казачества, которые считали казаков особым народом²⁶.

- 3. Советские этнографы считали этнографической или этнической группой (группами) 27 , субэтносом. При этом они отнюдь не отрицали того факта, что казачество одновременно представляло собой и сословие 28 .
- 4. Еще одно, очень близкое к предыдущему, определение гласит: казаки это «этносословные группы в составе русского и некоторых других народов»²⁹.
- 5. Наконец, согласно другой точке зрения, казаки к началу XX в. «не представляли собой единой этнической общности, а ряд локальных культурно-территориальных групп сложного этнического состава, в основе своей русского»³⁰.

Некоторые исследователи подчеркивают, что в разные периоды истории казачество имело различный статус³¹.

В XIX в. статус казачества был четко сформулирован и закреплен в законах Российской империи. Главной обязанностью казака была военная служба. В годы Кавказской войны она была очень долгой. 25 лет продолжалась полевая служба и еще 5 лет – внутренняя. Только после этого казак выходил в отставку³².

После окончания войны срок полевой службы сократился до 15 лет. При этом в мирное время из числа служащих казаков только третья часть находилась на службе, а две трети оставались дома «на льготе», т.е. фактически каждый служил 5 лет³³. Такой порядок с небольшими изменениями сохранялся и в начале XX в.

Казачье сословие пользовалось рядом льгот – оно было освобождено от податей, поставки рекрут в армию и от денежного сбора на содержание земской полиции³⁴.

Казаки имели сравнительно большие земельные наделы, хотя в этом отношении между отдельными станицами и между отдельными казачьими полками существовали большие различия. В 1845 г. казаки большинства станиц Кавказской линии имели право на 30 десятин земли, в Гребенском и Кизлярском полку – 36 десятин, в Моздокском – 50 десятин и только во Владикавказском полку – 15 десятин земли³⁵.

В станицах только казаки имели право на получение земельного участка. Жители станиц, не относившиеся к казачьему сословию и не служившие в казачьем войске, не могли претендовать на землю. В лучшем случае им разрешалось арендовать ее.

Только казаки были полноправными участниками станичного самоуправления. Они принимали участие в станичных сходах или посылали своих представителей на эти сходы, которые принимали решения по важнейшим вопросам внутристаничной жизни: о переделе станичной земли, о выборах атамана или станичных судей. Жившие в станицах «лица невойскового сословия» тоже посылали своих представителей на станичный сход, но они участвовали «в обсуждении и решении только дел, по существу своему касающихся вышеупомянутых лиц»³⁸. На решение других вопросов они не могли оказать никакого влияния. Все эти различия между казачеством и другими группами населения были зафиксированы в законах.

Казаки стремились сохранить свою обособленность от других сословий. В большинстве станиц неказачье население было малочисленным, но там, где его было сравнительно много, оно нередко селилось отдельно от казачества. Так, в станице Екатериноградской существовала особая слободка, в которой жили отставные солдаты, т.е. в данном случае социальная граница выражалась в границе территориальной, делившей станицу на две части.

Ярко выраженное казачье самосознание было, в первую очередь, самосознанием сословным. Казаки противопоставляли себя, прежде всего, «мужикам», то есть крестьянам, а также ремесленникам и торговцам, проживавшим в станицах. Казачек никогда не выдавали замуж за иногородних. Сами казаки объясняют это обычно тем, что иногородние не получали землю. Но и казаки тоже не женились на девушках из других сословий, хотя женщины, как иногородние, так и казачки, права на землю все равно не имели. Государство тоже, если и не запрещало, то затрудняло браки между казачеством и представителями других сословий: «Выход казачек замуж не за казаков дозволять не иначе как с разрешения Г. Наказного Атамана»³⁹.

Иногородние, занимавшиеся ремеслами и торговлей, нередко были зажиточнее казаков, но, несмотря на это, не только браки между ними не допускались, но и общение ограничивалось. Например, для девушки-казачки считалось предосудительным даже просто разговаривать с иногородним. С точки зрения казаков, «мужики» составляли низшую социальную группу. В станицах

считалось, что «мужик» – ругательное слово» и «наибольшее оскорбление – сказать казаку, что он не казак, а «мужик» 40. Складывается впечатление, что даже о народах Кавказа, несмотря на различие языков, религий, несмотря на многолетнюю Кавказскую войну, казаки были более высокого мнения, чем о русских «мужиках». Во всяком случае, многие казаки имели кунаков среди горцев, а дружбу с «мужиками» считали невозможной.

Казаки отличались от других групп русского населения Северного Кавказа и своей одеждой. Только они были одеты в черкески и бешметы. Но это была не просто одежда, а военная форма, которую казаки обязаны были носить, когда находились на службе: «Урядники и казаки, несущие внутреннюю службу при караулах в станицах и на посылках, а также при войсковом Правлении и Дежурстве и всех прочих местах, в одеянии своем непременно должны соблюдать установленную форму и опрятность.

Употребление крестьянской одежды, как несвойственной военным людям, во все время действительного отправления чинами внутренней службы, равно и при явке к начальству, совершенно запрещается» Так гласило «Высочайше утвержденное положение о Кавказском линейном казачьем войске», принятое в 1845 г. К этому положению прилагалось описание, регламентировавшее покрой и цвет всех предметов казачьей одежды. «Все офицеры и нижние чины войска, состоя на службе или являясь к начальству, обязаны иметь обмундирование, вооружение и конскую сбрую непременно по образцам и описаниям» 22.

С 1856 г., в соответствии с приказом военного министра, линейные казаки должны были носить «полукафтан парадный» длиной «на два вершка ниже колена...Полукафтан застегивается крючками от середины груди до талии. На обеих полах, ниже середины груди, нашиваются наискось, вниз к бокам, по одному напатроннику, по 8 патронных гнезд каждый. Напатронники обшиваются черною замшею. Под каждым напатронником имеется прорезной карман». Патронные втулки – деревянные с верхушками, оправленными черною костью, или серебром с чернью» Казаки 1–6 бригад (т.е. западной части Кавказской Линии) носили темно-синий – «полукафтан», казаки 7, 8 и 9 бригад (восточной части) – темно-коричневый. Строго регламентировалась отделка

в зависимости от чина. Каждая бригада Кавказской Линии имела свой определенный цвет бешмета. Повседневный «полукафтан» или черкеска был «одного покроя с парадным полукафтаном. Сукно на черкеску дозволяется употреблять домашнего изделия и цвета неопределенного»⁴⁴.

Повседневная же (не форменная) одежда казаков нередко отличалась от крестьянской лишь деталями – поясом или головным убором. Крестьяне обычно подпоясывали свою одежду простым кожаным ремешком. У казаков были пояса с серебряным или костяным набором, такие же, как у народов Северного Кавказа. Эти пояса носили не только с черкеской или бешметом, но даже с рубахой-косовороткой. Казаки многих станиц никогда не надевали фуражку, считая ее «мужичьим» головным убором.

В XIX в. терское казачество отделялось от других групп населения Северного Кавказа очень жесткими социальными границами, которые были зафиксированы в законах, т.е. определялись и поддерживались государством. Но это не означает, что границы были непреодолимыми. Напротив, в первой половине XIX в. очень многие крестьяне, отставные солдаты, однодворцы стали казаками. Поскольку государство устанавливало социальные границы между казачеством и крестьянством, то оно же позволяло или запрещало пересекать их. В годы Кавказской войны государство было заинтересовано в увеличении численности казачества на Кавказе, в том числе и за счет других групп населения региона.

В 1823 г. комитет министров принял решение, утвержденное царем: несколько сел Моздокского уезда (Павлодольское, Солдатское, Прохладное и Приближное) и село Александрия Кизлярского уезда «причислить к селениям казачьим, и жителей обратить в звание казаков» 45. Жившие в этих селах русские и украинские крестьяне, отставные солдаты и однодворцы стали казаками. Одновременно в состав казачества были зачислены жители абазино-кабардинского аула Бабуковского, двух осетинских сел (Черноярского и Новоосетинского), а также выходцы из других народов Кавказа 46.

В 1832 г. еще 31 село на Кавказе царским указом было превращено в станицы, а их жители вошли «в сословие линейных казаков» 47 .

В 1842 г. был принят указ о присоединении к Владикавказскому казачьему полку военных поселений Владикавказское, Николаевское, Александровское и Котляревское, «с переименованием военных поселян в казаки» 48.

В 1845 г. Кавказскому линейному казачьему войску дозволялось «принимать по-прежнему в свое сословие: 1) Малороссийских казаков, однодворцев и казенных крестьян... 2) Мещан по увольнительным свидетельствам обществ, где они записаны. 3) Вольноотпущенных, по узаконенным бесспорным актам» и других людей, в том числе, «азиатцев разного наименования» В соответствии с этими правилами, в 40 – начале 50 гг. XIX в. тысячи бывших крестьян, в основном переселившихся с Украины, были зачислены в состав Кавказского линейного казачьего войска.

После окончания в 1864 г. Кавказской войны дальнейшее пополнение рядов казачества за счет других социальных групп стало ненужным. Если в первой половине XIX в. казаками легко могли стать государственные крестьяне, отставные солдаты, однодворцы, то, начиная с 60-х гг. доступ в казачье сословие был затруднен. В состав казачества могли быть приняты «нижние чины» регулярной армии, если у них были родственники-казаки и если в той станице, где они намеревались поселиться, было достаточно свободной земли. Но и при соблюдении всех этих условий каждое прошение о зачислении в казачье сословие должно было пройти через множество инстанций, и окончательное решение принимал лично царь⁵⁰. Терские казаки превратились в замкнутую сословную группу.

Но если зачисление в ряды казачества в последние годы Кавказской войны и после ее окончания стало редкостью, то противоположный процесс, напротив, усилился. В этот период немало казачьих станиц Северного Кавказа потеряло свой статус. В 1860 г. Александр II подписал указ об упразднении станицы Бабуковской. Ее жители были исключены «из казачьего сословия Кавказского линейного казачьего войска»⁵¹.

В 1869 г. 12 станиц Кубанского казачьего войска и станица Железноводская Терского войска были «обращены» в «гражданское состояние», т.е. стали селами, а их жители из казаков превратились в «сельских обывателей»⁵². Большая часть из этих

станиц – бывшие села, жители которых только в 1832 г. были зачислены в казачество. После окончания военных действий их пребывание в рядах казачества перестало быть необходимым. Выход из рядов казачества, как и зачисление в его состав, регламентировался государством и определялся его интересами.

Государство устанавливало границы как между казачеством и другими сословиями, так и между отдельными группами казачества. Граница между терским и кубанским казачеством была проведена только в 1860 г., когда были созданы Терское и Кубанское казачьи войска⁵³. До этого времени существовало другое административное деление казачества Северного Кавказа и совершенно иные границы. Они отделяли Кавказское линейное казачье войско от Черноморского. В 1860 г. Кавказскую Линию разделили на 2 части. Западную присоединили к Черноморскому войску – так образовалось Кубанское казачье войско. Восточная часть превратилась в Терское казачье войско.

Граница между Терским и Кубанским казачьими войсками была границей военно-административной, которую провело государство, и оно же могло ее изменить. Социальная граница между казачеством и другими группами населения Северного Кавказа также была установлена государством и зафиксирована в законах. Такого рода социальная граница свойственна скорее сословиям, чем этносам или субэтносам. Исследование социальных границ терского казачества приводит к выводу, что оно являлось сословной, а не этнографической группой. Именно сословия имели специфические права и социальные функции, закрепленные юридически⁵⁴. Казачество обладало и другими признаками сословия. Сословные права передавались по наследству. В соответствии с этим правилом дети казаков тоже становились казаками, несли военную службу, получали земельный надел и пользовались всеми правами казачества. Сословия обладали специфическим менталитетом и сознанием. Нет сомнений в существовании особого казачьего менталитета и самосознания. Все это подтверждает вывод о том, что казачество являлось сословием.

К началу XX в. реальные различия между казачеством и другими сословиями, прежде всего, крестьянством стали менее существенными. Срок действительной полевой службы сократился.

Постепенно теряла свое значение и главная привилегия казачества – большие земельные наделы, поскольку численность казаков с каждым годом увеличивалась, а количество земли, находящейся в их распоряжении, оставалось неизменным. Образ жизни казачества все больше сближался с крестьянским. Феодальные сословия превратились к началу XX в. в явный анахронизм. Тем не менее, социальная граница между казачеством и другими группами населения Северного Кавказа поддерживалась государством и сохранялась вплоть до 1917 г.

Что же касается этнокультурных границ, то они не отделяли терское казачество от других групп восточнославянского населения Северного Кавказа, а проходили внутри него. В его состав вошли различные этнические и социальные группы: донские и волжские казаки, русские и украинские крестьяне, однодворцы, отставные солдаты, кавказские горцы. Если учесть, что формирование терского казачества началось еще в XVI в., то к началу XX в. эти разнородные группы могли бы консолидироваться в единую общность.

Однако долгое время численность казачества на Кавказе оставалась сравнительно небольшой. В 1768 г., т.е. спустя 200 с лишним лет после начала казачьей колонизации, на Тереке было всего 8 станиц и города Кизляр и Моздок, в которых также жили казаки⁵⁵. Общая численность терского казачества составляла в 1762 г. 4 тыс. душ мужского пола.

Большая часть терских станиц появилась во второй половине XVIII и в XIX в., большая часть терского казачества сформировалась в этот же период. Для его этнической консолидации 50 или 100, или даже 150 лет было явно недостаточно, поэтому в конце XIX – начале XX вв. терское казачество состояло из нескольких групп, различавшихся своим языком или говором, своей материальной и духовной культурой.

Прежде всего, от других групп казачества резко отличались казаки-осетины, кабардинцы, представители других народов Кавказа. Примером могут служить станицы Черноярская и Новоосетинская – бывшие осетинские села. От того, что их жители были зачислены в казачество, они не перестали быть осетинами, а сохраняли свой язык и культуру. Обособленность казаков

кавказского происхождения не вызывает сомнения, однако и восточнославянское казачество Северного Кавказа не было этнически однородным.

Особую группу составляли казаки-украинцы. Слободу Прохладную основали в конце XVIII в. крестьяне – «малороссы», ставшие впоследствии казаками. Жителями станиц Пришибской, Ардонской, Архонской и др. были «малороссийские казаки», переведенные в 30 гг. XIX в. на Кавказ. Во многих других терских станицах украинцы составляли значительную часть населения. В XIX в. тысячи украинских крестьян переселились в терские станицы и пополнили ряды казачества.

В конце XIX в. они еще сохраняли свой язык и традиционную культуру (подробнее об этом речь пойдет ниже).

Русское по происхождению казачество тоже не было этнически единым. Внутри него выделяется, прежде всего, группа гребенских казаков. Их предки переселились на Кавказ еще в XVI–XVII вв. С первой половины XVIII в. они жили в 5 станицах: Старогладковской, Новогладковской, Шадринской, Кордюковской и Червленой. Они составляли Гребенское войско, а позднее – Гребенской казачий полк.

От других групп терского казачества гребенские казаки отличались, прежде всего, своим говором. На это еще в начале XX в. обратил внимание М.А. Караулов. Исходя из особенностей гребенского говора, он сделал вывод о происхождении гребенских казаков не от донских, а от жителей Рязанского княжества и новгородских ушкуйников 56 .

Современные ученые, занимающиеся исследованием русских терских говоров, тоже отмечают особенности говора гребенских казаков. Об этом пишет, например, Г.А. Яковлева: «Терские говоры имеют ярко выраженный южнорусский характер, в говоре гребенцов исследователи находят среднерусские черты» 77. То есть, по своему языку гребенские казаки были ближе к населению центральной России, чем к казакам соседних станиц. Уже эти особенности делали границу между гребенскими казаками и другими группами терского казачества очень четкой.

Однако гребенские казаки отличались также и особенностями своей материальной и духовной культуры. Например, гребенские

казачки в конце XIX – начале XX в. носили так называемый бешмет – длинный с большими серебряными застежками⁵⁸. По своему покрою он был близок к женскому платью народов Северного Кавказа и напоминал также старинное платье донских казачек – кубелек. В других терских станицах в этот период женский бешмет либо вообще не встречался, либо был большой редкостью. Чаще всего терские казачки носили «обыкновенные мещанские костюмы: юбки с кофтами, ситцевые и шерстяные, платки на головах...»⁵⁹. Точно так же одевались кубанские казачки, русские и украинские крестьянки Северного Кавказа и женщины во многих других регионах России. Только гребенские казачки сохраняли старинный женский костюм.

Традиционная обрядность гребенских казаков отличалась от обрядности других групп терского казачества. Это относится, в частности, к свадебным обрядам. Главным признаком, который отличал обрядность гребенских казаков, можно считать отсутствие свадебного каравая и связанных с ним обрядов. Во всяком случае, даже очень подробное описание гребенской свадьбы начала XX в. не содержит никаких упоминаний о них 60. В то же время в других станицах (как кубанских, так и терских) и в селах (русских и украинских) каравай играл исключительно важную роль в свадебной обрядности 10. Обычай печь свадебный каравай – характерный признак восточнославянской свадьбы. Особенно богата обрядность, связанная с караваем, в южнорусской, украинской и белорусской свадьбе.

В обрядах гребенских казаков хлеб вообще не играл большой роли. Только один раз, при описании церемонии сватовства и переговоров о предстоящей свадьбе упоминается сгибень – «обыкновенный белый хлеб, перегнутый перед выпечкой» Значительно более важную роль в свадебной обрядности гребенских казаков играли лепешки и пироги с различнми начинками Зругих станицах и селах во время свадебного застолья тоже могли подавать пироги, но им не придавали особого значения. Свадебные пироги – скорее севернорусский обычай 4.

Еще один обычай гребенских казаков заключался в том, что за неделю до свадьбы «с распущенными косами, без платка, невеста на подушках, обыкновенно на нарах, садится в видный угол,

из которого она в течение семи дней не может выходить; она не должна ничего делать, ибо никакие дела ей на ум не идут, и только в горьких слезах под подобранные к этому случаю песни подруг, она оплакивает свою девичью волю»⁶⁵. Как справедливо отмечала Н.Н. Великая, этот обычай сближает свадьбу гребенских казаков с севернорусской свадьбой⁶⁶. Для других групп восточнославянского населения Северного Кавказа он не очень характерен. Хотя и у них невеста причитала на девичнике и во время свадьбы перед отъездом из родительского дома, но причитания были более краткими и запрета покидать угол, насколько известно, не было.

У гребенских казаков после сватовства «до самого венчания мать жениха каждую субботу носит в дом невесты либо пирог, либо лепешку и непременно графин чихиря» В других терских станицах, насколько известно, такого обычая не было, но похожий обычай существовал в некоторых регионах России, например, в Тульской губернии 8.

У гребенских казаков «вяленый на солнце сазан от глубокой старины составляет неотъемлемую принадлежность каждой свадьбы» 69. В других станицах и селах Северного Кавказа рыба не входила в состав обязательной свадебной пищи.

Свадебное застолье гребенских казаков имело и другие особенности. Мужчины и женщины у них размещались раздельно: первые в сенях, а вторые – в избе⁷⁰. Возможно, что это результат влияния кавказских народов, у которых существует аналогичный порядок, но может быть, это сохранившиеся у гребенцов архаичные русские обычаи⁷¹. Еще одна особенность – во время сватовства и других предсвадебных обрядов родственники жениха и невесты не сидели за одним столом: сначала первые стоя угощали вторых, а затем они менялись местами⁷². Это также отличает гребенских казаков от других групп восточнославянского населения региона.

Во всех станицах и селах молодых во время свадьбы одаривали их родственники. В гребенских станицах это делали дважды: один раз после сватовства, но перед свадьбой, второй раз непосредственно на свадьбе⁷³. В других станицах и селах гости ограничивались подарками только в день свадьбы.

Многие (хотя и не все) свадебные песни гребенских казаков также отличались от фольклора других станиц и сел Северного Кавказа. Обращает на себя внимание песня – жалоба невесты на то, что ее выдали замуж за ребенка⁷⁴. В других станицах и селах подобные песни не зафиксированы, как не отмечен там и сам обычай таких неравных браков.

Все вышеперечисленные обычаи позволяют выделить свадебную обрядность гребенских станиц в особый тип.

Большим своеобразием отличалась и календарная обрядность старейших групп терского казачества – гребенских и терско-семейных казаков. Некоторые календарные обряды существовали только в этих станицах и не были известны другим группам терского казачества.

Это относится к обрядовой масленичной игре в «города». Девушки с палками в руках становились на длинную скамейку – это был «город». На них нападали молодые казаки верхом на лошадях, девушки отбивались палками⁷⁵. Кому из казаков удавалось дотронуться до девушек, тот мог их поцеловать. Этот обычай немного напоминает «взятие снежного городка» – игру, известную разным группам казачества⁷⁶ (но неизвестную в большинстве терских станиц). И в том, и в другом случае название игры связано с городом. Но только у гребенских и терско-семейных казаков этот «город» не был построен из снега, что связано, видимо, с природными условиями Кавказа. Похожая обрядовая игра была известна и некоторым народам Кавказа, например, адыгам, но у них она была приурочена не к календарным праздникам, а к свадьбе. Впрочем, едва ли это является следствием заимствования, скорее можно предполагать их независимое появление у разных народов.

«Взятие снежного городка» было популярной обрядовой игрой в некоторых городах Поволжья и особенно – в Сибири, куда ее занесли, видимо, служилые люди⁷⁷. Не исключено, что и в гребенские станицы эта игра была занесена из городов Поволжья. Известно, что в XVII в. в городе Терки служили стрельцы и городовые казаки, переведенные туда из других городов. Часть из них осталась на Кавказе и могла войти в состав гребенского и терскосемейного казачества. Календарная обрядность, таким образом, отражает особенности происхождения этих групп казачества.

Еще один оригинальный гребенской обряд совершался на Троицу. В этот день во всех или почти во всех терских станицах девушки плели венки из цветов, бросали их в воду, гадали по этим венкам. Но только в нескольких самых старых станицах вместе с венками вниз по Тереку пускали «корабли». В станице Курдюковской это была лодка красного цвета, в Червленой – маленькая модель корабля с мачтами и снастями, в Гребенской – просто доска. Корабль украшали венком, на него помещали кукол в казачьих костюмах. Когда корабль спускали на воду, в него стреляли, стараясь утопить. Как отмечают в своей статье Е.М. Белецкая, Н.Н. Великая и В.Б. Виноградов, «в общерусской Троице ничего подобного нет»⁷⁸, однако подобного обычая не существовало и в большинстве терских станиц. Он был записан лишь в нескольких гребенских станицах. Как предполагают авторы упомянутой статьи, этот обряд «заставляет вспомнить гипотезу о новгородских ушкуйниках» как предках гребенских казаков⁷⁹. Эта гипотеза остается до настоящего времени недоказанной, но обряд, точнее, сопровождавшая его песня действительно может служить свидетельством каких-то давних контактов казаков с жителями севера России. В песне упоминается Марина Кайдаровна⁸⁰, а героиней одной былины, записанной очень далеко от Кавказа, на Белом море, является Марина Кайдаловна⁸¹. Совпадает не только имя героини, но отчасти и содержание песни и былины: в песне Марина «царит-королюет» в некой «иной земле», на море, а в былине она княжит в городе Корсуне, тоже на море. В песне непогода заносит к этой земле корабль, в былине такая же непогода заносит к городу три корабля. В некоторых других русских былинах и песнях также фигурирует Мария Кайдаловна, но к песне гребенских казаков ближе всего именно беломорская былина, наиболее удаленная от нее географически. Едва ли это можно считать случайным совпадением. Скорее это проявление каких-то фольклорно-этнографических связей.

Следует отметить что гребенские казаки были старообрядцами. В некоторых других терских станицах тоже жили старообрядцы, но большую часть терского казачества составляли православные. Религиозные различия, безусловно, способствовали сохранению обособленности гребенских казаков.

Возможно, что в будущем удастся выявить и другие этнографические группы в составе терского казачества. Не исключено, что такую группу составляли, например, потомки волжских казаков, переселенных во второй половине XVIII в. на Кавказ и вошедших в состав терского казачества. Однако надо отметить, что их материальная и духовная культура не имела столь явных и очевидных этнических особенностей, как культура гребенских казаков. В конце XIX – начале XX в. одежда и пища, обрядность и фольклор потомков волжских казаков (станицы Екатериноградская, Ищерская, Наурская, Мекенская, Галюгаевская, Калиновская и др.) мало отличались от соответствующих явлений культуры других групп терского казачества русского происхождения (потомков отставных солдат, однодворцев, крестьян). Не исключено, что первоначально такие различия существовали, однако впоследствии они сгладились.

Исследование также показывает, что не существовало сколько-нибудь четких этнокультурных границ между терским казачеством и другими группами восточнославянского населения Северного Кавказа – кубанским казачеством, русским и украинским крестьянством и т.п. Кубанское казачье войско, как и Терское не составляло единую этнографическую группу. Оно тоже образовалось из различных социальных и этнических элементов, причем в значительной своей части тех же самых, что и терское казачество, - донских казаков, украинских крестьян, однодворцев, отставных солдат. Потомки донских казаков не слились в одну этническую группу с потомками запорожцев, оказавшись с ними в одном войске, а были гораздо ближе по языку и культуре к тем из терских казаков, чьи предки тоже переселились на Кавказ с Дона или Волги. В свою очередь, те станицы на Тереке, в которых преобладало украинское население, имели больше общего в языке и культуре с украинскими по происхождению станицами Кубани, чем с другими станицами Терского войска. Этнокультурные границы проходили не между Терским и Кубанским казачьими войсками, а внутри каждого из них. Русские и украинские крестьяне Северного Кавказа зачастую были выходцами из тех же регионов, что и казаки. Те из переселенцев, которые прибыли на Кавказ в годы Кавказской войны, в большинстве своем стали казаками, те же, которые поселились здесь в конце XIX – начале XX в., остались крестьянами.

Этнокультурные границы разделяли не казачество и восточнославянское крестьянство Северного Кавказа, а проходили внутри каждой из этих групп. Казачество отделялось от других групп русского и украинского населения не этнокультурными, а социальными границами, связанными с его сословной принадлежностью.

1.2. Этнокультурная граница: русские и украинцы

На территории Кабардино-Балкарии первые украинские переселенцы («малороссы», как их тогда называли) появились в тот же период, что и русские («великороссы) – во второй половине XVIII в. В 1777 г. рядом с Екатерининской крепостью была основана станица волжских казаков, а в 1784 г. появилась слобода Прохладная, жителями которой стали 569 «малороссов» 2. Два года спустя начали свое существование слобода Солдатская, где жили отставные солдаты и село Приближное (однодворцы). Значительно позднее они были преобразованы в станицы, а их жители были зачислены в состав терского казачьего войска.

Вторым украинским поселением стала станица Пришибская, основанная в 1838 г. Она была заселена «малороссийскими казаками». Тогда же были основаны военные поселения Нальчикское и Александровское, а два года спустя – Котляревское. Их жителями были отставные солдаты, в большинстве своем – русские. Вскоре Котляревское и Александровское поселения тоже стали станицами. В середине XIX в. несколько тысяч украинских крестьян переселились на Северный Кавказ и были зачислены в терское казачье войско. Выходцы с Украины проживали во всех 7 казачьих станицах на территории КБР. При этом в станицах Прохладной и Пришибской почти все казаки были «малороссами», в станицах Екатериноградской и Солдатской украинцы составляли меньшую, но значительную часть казачества, в остальных станицах их было сравнительно немного.

В конце XIX – начале XX в. на территории КБР появилось много новых сел и хуторов, основанных украинскими переселенцами. Так, на реке Куркужин находились хутора крестьян Полтавской и Харьковской губерний, рядом с селением Лафишево (Псыхурей) – хутор крестьян Таврической губернии. На бывшем посту Баксанском жили крестьяне Харьковской губернии, одним из первых владельцев хутора Сарского был крестьянин села Сар Полтавской губернии. Поселок Новоивановский тоже был основан переселенцами из Полтавской губернии. Такие названия поселков и хуторов как Новополтавский, Черниговский, Новокиевский говорят сами за себя.

Согласно переписи населения 1897 г., в Нальчикском округе проживали 4745 украинцев, почти столько же, сколько русских⁸⁴. Свыше 90% украинцев были сельскими жителями, в Нальчикской слободе преобладало русское население. Кроме того, за пределами округа украинцы проживали в казачьих станицах и в Малой Кабарде (например, на хуторе Новокиевском).

Как правило, русские и украинцы жили в разных населенных пунктах. Но даже если они были жителями одного села или ста-. ницы, то между ними сохранялась некоторая территориальная обособленность: русские жили в одной части или крае, а украинцы в другой. В станице Екатериноградской жителей одного края называли «хохлами» (они говорили по-украински), другого – «кацапами» (их языком был русский). Третий край носил название Комаревка и также был населен русскими. В станице Солдатской тоже жители одного *края* назывались хохлами⁸⁵. Уже этот факт доказывает, что население Северного Кавказа прекрасно осознавало различие между казачеством русского и украинского происхождения. Существование русской и украинской этнической идентичности не вызывает сомнений, а это основной признак этнической границы. Авторы того времени, которые писали о восточнославянском населении Северного Кавказа, неоднократно упоминали о том, что в одних станицах и селах проживают преимущественно «великороссы», в других – «малороссы». Существование этнокультурной границы никем не отрицалось.

На территории Кабардино-Балкарии у русских и украинцев довольно быстро вырабатывались общие формы хозяйства и

материальной культуры, учитывая, что они изначально были довольно близкими. Все восточные славяне применяли одинаковые системы земледелия. Их пахотные орудия первоначально различались: украинцы пахали плугом, а русские также сохой или «косулей». Но довольно быстро «малороссийский» тяжелый плуг, как более приспособленный к условиям Предкавказья, вытеснил другие сельскохозяйственные орудия. Получившие распространение в конце XIX в. железные плуги и другие орудия фабричного производства, естественно, не имели этнической специфики. В остальном хозяйственная деятельность жителей всех сел и станиц была примерно одинаковой, если не считать различий, вызванных природными особенностями.

Материальная культура русских и украинцев на территории Кабардино-Балкарии к началу XX в. также не сохранила почти никаких этнических различий. В планировке поселений можно заметить только одну особенность, отражавшую, быть может, этнический состав населения. В станицах, особенно в тех, в которых население было преимущественно русским по происхождению (Екатериноградская, Приближная, Котляревская), дома нередко располагались таким образом, что крыльцо дома выходило непосредственно на улицу. Такое расположение считается типично русским. Жителями большинства сел были украинцы, и у них подобное расположение дома почти не встречается. В селах дома стоят в глубине двора, за забором – планировка, обычная для Украины.

При строительстве жилища и русские, и украинцы использовали одни и же те материалы – дерево, плетень, глину. В селах иногда возводили из глины *вальковые* или *наливные* дома, характерные для южной Украины, но их было сравнительно немного⁸⁶.

Интерьер жилища тоже мало зависел от этнической принадлежности населения того или иного села, станицы или хутора (имеются в виду только русские и украинские населенные пункты). Повсеместно в двух- и трехкамерных жилищах преобладала так называемая западнорусская или украинско-белорусская планировка, когда русская печь располагалась у входа, а ее устье находилось рядом с дверью. По диагонали от печи, в «переднем углу», висели полочки с иконами, там же стоял стол, вдоль стен

были расставлены лавки, а за печью на высоте лавок был сделан деревянный настил, заменявший кровать. Какие-либо этнические особенности легче обнаружить не в конструкции или интерьере традиционного жилища, а в связанной с ним терминологии.

Например, центральная потолочная балка в некоторых станицах носила русское название – *матица*, в других же – украинское – *сволок*. Но это уже скорее различия в языке, чем в материальной культуре. Что же касается непосредственно жилища, то можно предположить, что его планировка первоначально зависела от этнических традиций тех мест, откуда прибывали на Северный Кавказ переселенцы, но впоследствии наибольшее распространение получил один вариант интерьера, а именно украинский. На рубеже XIX–XX вв. на территории Кабардино-Балкарии появляются новые типы жилища дома с пристройками – «коридорами», а также круглые дома. Они могли иметь самую разную внутреннюю планировку. Печь и передний угол располагались совершенно произвольно. В такой планировке трудно усмотреть какие-либо этнические традиции.

Так же, как и жилище, одежда русского и украинского населения Северного Кавказа первое время была довольно разнообразна. Каждый из переселенцев одевался так, как принято было у него на родине. В русских селах и станицах носили преимущественно русскую одежду, в украинских – украинскую. Например, в начале XIX в. русские крестьяне обувались в лапти, а украинские – в сапоги⁸⁷. Впоследствии же и одежда, и обувь русского и украинского населения стала более однородной. В ней легко обнаруживаются социальные различия и гораздо труднее – этнические. Например, военная форма казачества резко отличалась от одежды крестьянства, но все казаки, независимо от их этнической принадлежности, носили одинаковую форму. То же самое относится и к крестьянам. В конце XIX - начале XX в. и крестьяне, и казаки носили штаны и рубахи. В тот период получили широкое распространение рубахи-косоворотки, хотя в селах еще сохранялись украинские рубахи с разрезом посередине. Обувью чаще всего служили сапоги, хотя наряду с ними существовали также и простейшие самодельные кожаные чувяки или мачи. Верхняя мужская одежда казачества и крестьянства, русского и украинского населения на территории Кабардино-Балкарии была однотипной – полушубки и тулупы, халаты, свитки и т.п.

Женская одежда в начале XX в. была совершенно одинаковой во всех станицах и селах и состояла из рубахи, которая могла иметь разный покрой, из блузки (кохты) и широкой длинной юбки. В некоторых селах у женщин сохранялись еще вышитые украинские рубахи, но и их постепенно заменяла обычная для Северного Кавказа одежда. Только в одном поселке Николаевском II (ныне часть села Прималкинского) женщины вместо юбок носили привезенные с Украины плахты, почему этот поселок и имел неофициальное название Плахтянка⁸⁸. Но и в этом поселке юбки и кохты быстро вытеснили старые украинские формы одежды.

Пища русских и украинцев изначально имела много общего. И те, и другие готовили различные каши, пекли хлеб, пироги, блины. Но и блюда, которые были, видимо, украинскими по происхождению (борщ, вареники, галушки), со временем получили распространение в русских селах и станицах. Например, жители села Тамбовского в первые годы его существования не умели готовить борщ, вместо него варили щи. Они также не выращивали помидоры и даже сомневались в их съедобности. Но через некоторое время крестьянки и казачки из соседних сел и станиц научили жительниц Тамбовского и выращивать помидоры, и делать из них томат, и варить борщ⁸⁹. Видимо, таким же образом и другие кулинарные рецепты переходили из села в село, из станицы в станицу. В результате кухня русского и украинского населения на территории Кабардино-Балкарии стала почти одинаковой. Этнических или местных особенностей сохранилось очень немного. В станице Прохладной и Солдатской помнили способ приготовления такого старинного украинского блюда, как путря, но и там его готовили редко⁹⁰. Интенсивные контакты между русскими и украинцами на Северном Кавказе привели к тому, что к началу XX в. у них выработались общие формы хозяйства и материальной культуры. Этнических различий между ними почти не осталось.

Иначе обстояло дело с языком и духовной культурой. В начале XX в. по-украински говорили жители станиц Прохладной и Пришибской, часть жителей станиц Солдатской и Екатериноградской,

жители сел Новоивановского, Новополтавского, Черниговского, поселка Баксанского, большинства поселков и хуторов Кременчуг-Константиновской волости и т.д. По-русски говорили в слободе Нальчик, в станицах Екатериноградской и Солдатской (часть жителей), в станицах Приближной, Котляревской и Александровской, в селе Тамбовском, хуторе Новокурском и некоторых других.

Взаимодействие двух языков проявлялось в том, что в украинский язык проникали некоторые русские слова и грамматические формы, и наоборот. Например, ученые считали, что говор жителей слободы Нальчик относился к числу юго-восточных говоров русского языка, но заметное влияние на него оказал украинский язык⁹¹. Постепенно украинцы, проживавшие на Северном Кавказе, осваивали русский язык. Уже в начале XX в. отмечалось, что большая часть казаков-украинцев станицы Екатериноградской говорила по-русски⁹², однако полное вытеснение украинского языка русским в некоторых селах завершается только в наше время.

Различия в фольклоре первоначально соответствовали различиям в языке: в тех станицах и селах, в которых говорили по-украински, и песни пели украинские, а там, где имел распространение русский язык, – русские. Но постепенно украинские песни проникали в репертуар жителей русских сел и станиц, и наоборот. В результате многие песни стали общими для русского и украинского населения. Это относится и к свадебным песням, и к колядкам, щедровкам и т.п. Но наряду с ними в украинских селах помнят немало украинских песен, неизвестных в русских селах и станицах, где, в свою очередь, сохраняются собственные песни. Приблизительно те же процессы происходили, видимо, и в других жанрах фольклора.

Обрядность русского и украинского населения Кабардино-Балкарии еще в конце XIX – начале XX в. была различной. Украинские свадебные обряды преобладали в станицах Прохладной и Пришибской, а также в большинстве сел. В остальных станицах, в селении Тамбовском и некоторых хуторах имели распространение русские обряды. Украинская свадебная обрядность отличалась от русской и особой терминологией (свадьба носила название весілля, свадебное деревце – гільце), и наличием такого свадебного персонажа, как світилка, и последовательностью исполнения свадебных обрядов.

В большинстве украинских сел и станиц жених и невеста после венчания возвращались каждый к себе домой, и только потом жених приезжал за невестой. Или жених и невеста после венчания ехали к жениху домой, но после свадебного обеда невеста возвращалась в дом своих родителей, и только вечером жених приезжал за ней. Свадьба как бы начиналась заново⁹³. Головной убор невесты меняли на женский в доме ее родителей, а нередко там же раздавали и свадебный каравай или шишки. Такой порядок исполнения свадебных обрядов считается типологическим признаком южнорусско-украинско-белорусского подтипа восточнославянской свадьбы⁹⁴.

В большинстве русских сел и станиц жених вначале отправлялся за невестой, потом они вместе ехали в церковь, а оттуда – к нему домой. Невеста оставалась в доме жениха, здесь же (либо еще в церкви) ей меняли прическу и головной убор, здесь и раздавали каравай⁹⁵. Такой порядок считается типологическим признаком северо-среднерусской свадьбы, но он имел распространение также и в станицах донских казаков.

Какой была календарная обрядность в XIX или начале XX в. у русских и украинцев на территории КБР в точности неизвестно. Почти все имеющиеся записи относятся к более позднему времени. Судя по ним, большая часть календарных обрядов была одинаковой во всех русских и украинских станицах и селах. Повсеместно в ночь на Рождество дети ходили «Христа славить». Они носили с собой самодельную звезду, пели тропарь и получали вознаграждение деньгами или продуктами. Обычай колядования был столь же широко распространен. Но при этом в русских селах и станицах пели русские колядки, которые по своему содержанию близки к колядкам центральной и даже северной России. Например, колядка, записанная в станице Екатериноградской («Пришла Коляда накануне Рождества») 6, аналогична колядкам Новгородской, Псковской, Ярославской и др. губерний 7.

В станицах и селах с украинским населением пели украинские колядки. Среди них было много песен на религиозные сюжеты – о рождении или распятии Христа. Как считал В.И. Чичеров, «в

составе русских колядок обнаруживаются только реалистическо-бытовые сюжеты», тогда как у других славянских народов, в том числе и украинцев, в рождественских и новогодних песнях нередко встречаются «христианско-религиозные образы» 98.

Но было много также коротких колядок, содержание которых сводилось к требованию вознаграждения и иногда содержало угрозы увести корову или быка в случае отказа. Они полностью совпадали с украинскими детскими колядками.

Новогодняя ночь была отмечена щедрованием – обрядом, аналогичным колядованию. Он тоже включал в себя посещение соседей, пение щедровок и сбор вознаграждения. Обычай щедрования считается украинским, но на территории Кабардино-Балкарии он исполнялся во всех станицах и селах – как русских, так и украинских. Однако если в русских по составу населения станицах пели русские или переведенные на русский язык щедровки, то в украинских и язык фольклора был скорее украинским, чем русским. В некоторых станицах, например, в Екатериноградской, вместе с потомками волжских казаков жили бывшие украинские крестьяне, зачисленные в состав казачества. В этой станице «щедровали» только «хохлы». В данном случае этнокультурная граница проходила внутри станицы.

Повсеместно был известен и новогодний обряд «посевания». Ранним утром 1-го января группы мальчиков, реже взрослых мужчин, ходили «посевать». Они приносили с собой в карманах или в холщовой сумке зерно: пшеницу, кукурузу, подсолнух, просо. Со словами «Сею, вею, посеваю, с Новым годом поздравляю» они разбрасывали это зерно. Хозяева одаривали их. Обряд сопровождался песней, часто в ней говорилось о том, что в поле сам плужок ходит, а за плужком ходит Господь, что дева Мария ему есть носила и просила зародить жито и пшеницу, или о том, как Илья ходит по полю и машет «пугой» (кнутом). Там, где он машет, растет жито и пшеница⁹⁹. Очень похожие «засевалки» были известны на Украине¹⁰⁰. В.И. Чичеров также отмечал «нехарактерность для русских обряда новогоднего засевания», в то время как у украинцев он встречался часто¹⁰¹. Но на Кавказе этот обряд имел распространение во многих станицах и селах, включая и те, в которых население было преимущественно русским по происхождению. К явно украинским относятся предновогодние песни о Маланке или Мыланке. Они были известны только там, где жили украинские переселенцы: в станице Пришибской, в городе Баксане и селах Прималкинском, Новополтавском, Первомайском, Черниговском, в хуторах Новопокровском, Грабовце¹⁰². Эти песни бытовали и на Украине¹⁰³.

Характерный для украинской Масленицы обычай – «колодка» – был известен в таких терских станицах как Прохладная и Пришибская, казачество которых имело украинские корни, а также в нескольких селах тоже с украинским по происхождению населением. Если кто-то из женщин зимой, до конца Масленицы, не выдавал замуж взрослую дочь или не женил сына, то в первый понедельник после Масленицы к ним приходила группа женщин, реже женщин и мужчин вместе, «вязать колодку», т.е. привязать к ноге или руке толстую палку. В качестве выкупа такая женщина должна была выставить угощение. Реже колодку привязывали отцу девушки или самой девушке, если она до 20 лет не вышла замуж. Иногда девушке вместо колодки повязывали платок через плечо¹⁰⁴.

Обрядность, как и язык и фольклор, являлась важным этническим маркером, образующим границу между русским и украинским населением Северного Кавказа. Роль материальной культуры в поддержании этой границы была, видимо, значительно меньшей.

Русско-украинская этнокультурная граница на Северном Кавказе в начале XX в. постепенно размывалась. Этому способствовала изначальная близость культуры восточнославянских народов, их конфессиональное единство. Русско-украинские браки не встречали никаких препятствий и были обычным явлением. Совместное проживание русских и украинцев в пределах одних населенных пунктов также способствовало их сближению. Их объединяли рамки одних и тех же общин, они совместно принимали участие в сельских или станичных сходах, являлись прихожанами одних церквей, т.е. встречались во время религиозных праздников. Интегрирующим фактором являлась и официальная идеология, с точки зрения которой все восточные славяне являлись единым народом – русскими – и различались только языком – великорусским, малорусским или белорусским.

1.3. Этнокультурные границы: русские и народы Северного Кавказа

1.3.1. Кавказская линия и межэтнические отношения (конец XVIII – начало XIX в.)

Этнокультурная граница может иметь «территориальную составляющую» 105. На Северном Кавказе такой территориальной составляющей долгое время была Кавказская Линия, отделявшая русские поселения от народов Кавказа. Создание этой Линии началось в XVIII в. (хотя первоначально она и не имела такого названия). В 1735 г. на левом берегу Терека был основан город Кизляр и рядом с ним 3 станицы терско-семейных казаков. Западнее, также на левом берегу Терека, еще раньше появились пять станиц гребенских казаков. В 1763 г. был учрежден форпост в урочище Моздок, давший начало городу. В 1770 г. между Моздоком и гребенскими станицами были основаны еще 5 станиц, в которые переселили волжских казаков. Укрепленная Линия протянулась по левому берегу Терека от Кизляра до Моздока.

В 1777–78 гг. ее продлили на северо-запад, по направлению к Азову. Были основаны крепости Екатерининская, Павловская, Марьинская, Георгиевская, Александровская, Андреевская, Ставропольская, Московская и Донская, рядом с которыми во вновь образованных станицах селились волжские и хоперские казаки. Линия отделяла русские владения на Кавказе от западных адыгов и ногайцев, но также и от кабардинцев, хотя Кабарда именно в этот период стала де-юре частью Российской империи.

Согласно Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, заключенному Россией и Турцией в 1774 г., статус Кабарды был предоставлен «на волю хана Крымского с советом его и с старшинами татарскими». Но еще за два года до этого Россия заключила с Крымским ханством договор в г. Карасу, согласно которому Большая и Малая Кабарда состояли в подданстве Российской империи 106. И хотя впоследствии крымский хан делал попытку объявить кабардинцев своими подданными, но Россия его притязаний не признавала 107, а присоединение в 1783 г. Крыма к России окончательно решило участь Кабарды.

Причина создания укрепленной границы заключалась, видимо, в том, что фактическое включение Кабарды в состав империи было процессом длительным и сложным. И до тех пор, пока он не был завершен, власти стремились отделить Кабарду от степного Предкавказья, которое быстро осваивалось русскими переселенцами. Если до этого времени на Кавказе явно преобладала военно-казачья колонизация, то теперь к ней добавилась аграрная, крестьянская.

22 декабря 1782 г. Екатерина II утвердила указ «О разделе желающим под поселение земель, составляющих обширную степь, простирающуюся по линии Моздокской» После этого рядом с крепостями и станицами стали появляться русские села и деревни, в которых жили отставные солдаты, крестьяне, однодворцы. Всего к 1788 г. было основано 38 новых поселений 109. Укрепленная линия отделяла эти новые поселения от кабардинских сел.

Создание укрепленной линии вызвало недовольство кабардинцев. Первые протесты начались после строительства Моздока. Кабардинцы даже направляли в Петербург делегацию с просьбой упразднить эту крепость¹¹⁰, но получили отказ. Положение
усугубилось после появления новых крепостей. Кабардинские
князья не без оснований видели в них угрозу своей власти. Кроме
того, укрепленная линия отрезала от Кабарды часть пахотных земель и обширные степные пастбища. Кабардинцы неоднократно
просили снести крепости, а когда получили отказ, то в 1779 г. попытались захватить и уничтожить их, но потерпели поражение.
Им пришлось смириться с существованием укрепленной линии,
заплатить большую контрибуцию и дать новую клятву верности
российскому престолу. Малка надолго стала границей между
Большой Кабардой и русскими поселениями, Терек стал границей Малой Кабарды¹¹¹.

Нарушения границ происходили, прежде всего, в ходе военных столкновений. В конце XVIII – начале XIX в. царская администрация шаг за шагом подчиняла Кабарду, ограничивала ее самостоятельность, занимала земли под крепости и русские поселения. Эти действия вызывали протесты и неоднократные вооруженные выступления кабардинцев. В некоторых случаях в этих столкновениях вместе с кабардинцами принимали участие также и балкарцы, как и другие народы Кавказа¹¹².

Во время одного из восстаний, в 1809 г. отряд горцев, переправившись через Малку, угнал весь крупный рогатый окот (426 голов), принадлежавший жителям села Приближного, а также большое количество овец и лошадей. При этом 9 человек были убиты и 8 захвачены в плен¹¹³.

В ходе восстания 1825 г. была почти полностью разорена станица (бывшая слобода) Солдатская. Свыше 100 ее жителей были уведены в плен 114 .

Но и в более мирные периоды нередки были случаи похищения людей, жителей пограничных русских сел и станиц, угон скота. Примером может служить случай, описанный в одном из архивных документов: «Волгского казачьего полка отставной казак Семен Гладилин в поданном его высокопревосходительству господину корпусному командиру прошении прописывает, что прошлого 1808 г. декабря 16-го дня сыновья его, Матвей и Тихон, с сестрою их, а его дочерью Марфою, бывшею тогда 14 лет, ехали за дровами в лес за пост Еричной, где Матвей кабардинскими хищниками ружейным выстрелом убит, а Тихон и Марфа взяты в плен, коих выкупил он за 500 рублей серебром, истощив на сие последнее свое имущество, а потому просит и возвратить ему означенных денег». Компенсировать его расходы предполагалось «из случающейся от кабардинцев баранты» 115, т.е. скота и другого имущества, захваченного у кабардинцев во время военных экспедиций против них. Об опасностях жизни на границе, о похищениях людей, угоне скота казаки вспоминали до недавних пор, рассказывали они также о том, что когда-то женщин на Малку за водой сопровождали вооруженные казаки. Каждый раз после угона скота или похищения людей казаки и солдаты, в свою очередь, пересекали Малку, преследуя похитителей.

Укрепленная граница по Малке не могла гарантировать безопасность жителей станиц и сел, особенно ночью, поэтому во командование отдало приказ, чтобы они «в полях на ночь не оставались и не опаздывали бы возвращением с оных и на оные очень рано из селениев не выезжали» ¹¹⁶. Ночью из сел и станиц никого не выпускали. Крепостные стены и окружавшие станицы и села земляные валы образовывали еще одну границу, отделявшую их жителей от народов Кавказа.

Но даже и эта граница не могла предотвратить похищение скота, которое совершалось ночами, иногда даже из дворов местных жителей¹¹⁷. Во избежание подобных случаев еще одну границу образовывала ограда каждого двора. В этот период дома, например, в станице Прохладной, строились из толстых дубовых бревен и были обращены к улице глухими (без окон) стенами¹¹⁸.

Села кабардинцев, как и других адыгов, не были обнесены стенами или другими укреплениями, их дворы имели обычную плетневую ограду. Но определенные меры предосторожности все же принимались: « В двух концах деревни из плетня сделаны сторожевые башни, в коих жители караулят по очереди» 119.

При подавлении восстаний русские войска неоднократно переходили через Малку, опустошали кабардинские аулы, угоняли огромное количество скота. В ходе одной только военной экспедиции генерала Булгакова против кабардинцев в 1810 г. у них, по их подсчетам, был убит 31 человек, сожжено 9585 домов, 111 мечетей, отнято 6150 голов крупного рогатого скота, 515 лошадей, 125 буйволов, 44015 овец, а также множество оружия, посуды и продовольствия¹²⁰. Память о разорении кабардинских аулов в годы Кавказской войны сохранилась в фольклоре¹²¹.

Но и в мирное время кабардинцы тоже нередко терпели ущерб от действий их новых соседей. Кабардинские князья жаловались на то, «что казаки везде у подвластных их людей грабят скот и всякие вещи; начальники их, находящиеся на кордонах, берут с кошей насильно баранов, и ежели противятся сей их наглости, то бьют оных нещадно, а когда поодиночке ездят в своих границах на хороших лошадях, то убивают до смерти и берут их лошадей и все оружие без всяких причин; а также когда подвластные их приезжают в казачьи станицы, города и обывательские селения, то причиняют им несносные обиды и притеснения». По одному только подозрению в хищении скота кабардинцев могли бросить в тюрьму, где «оные нередко и умирают» 122. Но эти жалобы обычно не принимались во внимание.

Тщательно укрепленная граница не была, тем не менее, непроницаемой, при определенных условиях ее можно было преодолевать. Кабардинцам разрешалось пересекать ее только «по билетам

российского пристава», которые давались под поручительство верховного князя Кабарды. В крепости на Линии вход им был запрещен. Когда же комендант крепости соглашался их впустить, то кабардинский князь мог иметь «при себе только двух вооруженных узденей, уздень одного вооруженного холопа, а простой безоружен»¹²³.

Казакам (а впоследствии и русским крестьянам) без разрешения начальства также нельзя было переправляться на правый берег Малки.

Согласно условиям 1779 г., кабардинцам запрещалось пасти скот на левом берегу Малки, но уже 4 года спустя они получили такое право 124 . Оно было отменено только в начале XIX в., что нанесло огромный ущерб развитию скотоводства. Потеряв возможность пользоваться степными пастбищами, кабардинцы вынуждены были распродавать свой скот 125 .

В свою очередь, во время засухи жителям Прохладной и Солдатской слободы начальство разрешало пасти скот на правом берегу Малки, но при условии, «чтобы жители пасли скот в одном месте и вооружены, а не так, как пасут ныне малолетние их дети без оружия, и скот свой распущают в разные места». После окончания засухи это разрешение было отменено, но некоторые из поселенцев продолжали на свой страх и риск переправляться через Малку для вырубки леса и сбора дикорастущих фруктов. В документах сохранились упоминания «о самовольном переезде на каюках за реку Малку жителей селения Приближняго без всякого вооружения для збирания разного овоща» и «о таковом же самовольственном переезде жителей селения Прохладного за реку Баксан, для порубки в кабардинских дачах сырого леса, и збирания разного рода овоща» 126.

Торговля с народами Кавказа развивалась в русских поселениях едва ли не с момента их основания, хотя первоначально она и не оказывала большого влияния на образ жизни как горцев, так и переселенцев. Уже в 1780 г., т.е. вскоре после появления укрепленной линии, было приказано построить склады и торговые лавки в Ставропольской, Георгиевской и Моздокской крепостях «для приласкания Кабардинского народа к Российской стороне» 127. В 1786 г. П.С. Потемкин пригласил кабардинцев в

Екатериноград на ярмарку по продаже лошадей и собирался проводить такую ярмарку ежегодно¹²⁸.

Государство стремилось монополизировать торговлю с народами Кавказа, для чего учредило ряд меновых дворов «на разных пограничных местах», где горцы могли получить соль в обмен на свои товары. В 1811 г. один из таких дворов был открыт в слободе Прохладной. Как отмечается в документах, этот меновой двор «значительные делает обороты, вся почти Кабарда и обитающие выше оной горцы сюда привозят свои избытки, состоящие большею частию в скоте обоего рода, лошадях малою частию, много меду, кож как скотских, так и звериных, лесе и деревянных изделиях, малою частию сала и масла, бурок, сукон и чекменей» Судя по этому документу, не только кабардинцы, но и балкарцы, а возможно, и осетины приезжали на Прохладненский меновой двор.

Отношения народов Кавказа и русских переселенцев не ограничивались торговлей. Смотритель Прохладненского карантина писал в своем донесении, что «жители Моздокского уезда, селения Солдатского, что на Малке, за всеми строгими его подтверждениями им не иметь никакого сообщения с кабардинцами, с ними весьма часто сообщаются, бывая у них в аулах, равно как и последние у первых в сказанном селении» 130. Не только экономические, но и личные, дружеские отношения, видимо, связывали русских и украинцев с народами Кавказа.

Такие обычаи народов Кавказа как гостеприимство и куначество способствовали появлению и сохранению подобных отношений. Гость, кем бы он ни был, пользовался защитой и покровительством хозяина, но только до тех пор, пока находился в его доме. Если бы кто-то обокрал или убил гостя, то должен был заплатить выкуп не только пострадавшему или его родственникам, но и хозяину дома¹³¹. Куначество устанавливало более длительные отношения. Кунак – это такой друг, за которого жертвуют «имуществом и жизнью»¹³². Русские жители Северного Кавказа, особенно казаки, имели друзей среди кабардинцев, как и других народов региона, причем «присяга между российскими и горскими кунаками, сколько известно, в мирное время невредимо с обеих сторон соблюдается»¹³³.

Кавказская Линия долгое время разделяла общества, различавшиеся социально-политической и правовой системой, религией, языком, особенностями хозяйства, материальной и духовной культуры. В условиях конца XVIII – начала XIX в. наибольшее значение в поддержании этнокультурной границы имели, видимо, социально-политические и правовые различия. По одну сторону границы действовала власть царской администрации, законы Российской империи по другую – сохраняли свои права кабардинские князья, функционировали нормы обычного права и шариата.

Россия стремилась в первую очередь изменить социальную структуру, политическую и правовую систему кабардинцев, ограничить власть кабардинских князей. Еще в 1769 г. появилась должность пристава кабардинского народа¹³⁴. Впоследствии с кабардинцев стали брать присягу «во всем зависеть от главного начальника, на Линии поставленного»¹³⁵.

После поражения 1779 г. простой народ поручился в том, что «если владельцы их уйдут в другое место, за ними не следовать, не повиноваться, отрещись от зависимости и предаться российской защите и повелениям» ¹³⁶. Эти условия, естественно, подрывали власть кабардинских князей. Когда в следующем году князья Малой Кабарды Таусултановы хотели переселиться в горы, их подданные отказались их сопровождать, перебрались к Моздоку и просили защиты у командования Линии¹³⁷. После этого князья вынуждены были под присягой обещать «подвластный им черный народ не притеснять, излишней подати не требовать, а содержать точно на основании обычаев и учреждений от предков и отцов их» ¹³⁸.

В 1793 г. в Кабарде была введена новая судебная система – «родовые суды и расправы». Этим новым учреждениям было «предоставлено судить тяжебные дела и малые проступки подсудных им Кабардинцев по их обыкновениям и быть подвластными Верхнему пограничному суду... а Верхнему пограничному суду повелено рассматривать особенно дела о измене, убийстве и разбое по законам Империи» ¹³⁹. Теперь преступлением становилась кровная месть и даже обычаи гостеприимства и куначества, поскольку с их помощью нарушители закона могли уйти от

ответственности: согласно традициям народов Кавказа, хозяин должен был защищать гостя даже ценой своей жизни, а отнюдь не выдавать его властям. Насаждение российских законов взамен норм обычного права неоднократно вызывало восстания в Кабарде¹⁴⁰. Попытки царской администрации приблизить общественный строй кабардинцев к общеимперским порядкам наталкивались на протесты и сопротивление кабардинцев.

Одной из форм сопротивления явилось шариатское движение в Кабарде, которое выдвигало требование заменить «родовые суды», введенные царской администрацией, единым духовным судом «по Корану». Эти требования, сопровождавшиеся народными волнениями, неоднократно возобновлялись. В 1807 г. такой духовный суд в Кабарде был учрежден. Его деятельность продолжалась до 1822 г., и он, по мнению ученых, осуществлял не только судебную, но и политическую власть 141. И вся эта власть находилась в руках «неблагомыслящего России духовенства» 142. У кабардинцев, как и у других народов Кавказа, противостояние с Россией привело к усилению роли мусульманского духовенства в обществе. Религия давала идеологическое обоснование борьбе с чуждой властью. Но и в мирное время, даже после поражения в войне, ислам создавал прочную социальную границу между своими последователями и «неверными». Отчасти она компенсировала разрушение политической границы Кабарды. Религия стала важной составляющей этнической идентичности и этнокультурной границы для большей части кабардинского народа, как и других народов Северного Кавказа.

Другие особенности материальной и духовной культуры в тот период, видимо, не играли столь большой роли в сохранении этнокультурных границ, хотя таких особенностей было множество.

Хотя кабардинцы издавна занимались земледелием, в XVIII в. для них едва ли не более важной отраслью хозяйства являлось отгонное скотоводство. Русские переселенцы были преимущественно хлеборобами, они распахали и засеяли те самые земли за Малкой, которые кабардинцам служили пастбищами. Скотоводческое хозяйство кабардинцев требовало больших земельных площадей: «Путешественник, привыкший судить о населении

Кавказа по Европейскому размеру, будет находить пустые степи там, где жители нередко нуждаются в землях для продовольствия скота подножным кормом» 143.

Долгое время основной сельскохозяйственной культурой кабардинцев оставалось традиционное для них просо. Посевы других зерновых были незначительными. Попытки генерала И.П. Дельпоццо распространить в Кабарде возделывание пшеницы успеха не имели¹⁴⁴.

Тем не менее, соседство и постепенно расширявшиеся контакты даже столь разных народов приводили к постепенному сближению их культур. В первую очередь, это касается казачества, старейшей группы русского населения Северного Кавказа. Большая часть кавказских заимствований в культуре казачества относится к военному быту. Казаки заимствовали у горцев черкеску, бешмет, «кавказский» пояс, ноговицы, бурку, башлык, папаху. Все это не просто одежда, а военная форма, хорошо приспособленная к условиям боевых действий. Повседневная же одежда казаков не испытала почти никакого влияния со стороны народов Кавказа. Кроме военной формы казаки заимствовали также и кавказское вооружение – шашку и кинжал. Войлочные казачьи чехлы для винтовок тоже были сделаны по образцу горских. У казаков получили всеобщее распространение адыгские седла и конская сбруя: «Казаки весьма уважают черкесские седла и стараются снабжать себя оными»¹⁴⁵. Строевых лошадей казаки часто покупали у кабардинцев и других народов Кавказа. Джигитовку и тактику боя казаки, как принято считать, переняли тоже у кавказских горцев 146. Будучи военным сословием, казачество и должно было обратить особое внимание на военное искусство своих соседей и противников по Кавказской войне, воинская репутация которых была очень высока и которые за долгие годы хорошо приспособились к ведению боевых действий в условиях Северного Кавказа.

Торговые связи и дружеские отношения способствовали усвоению языков соседних народов. В начале XIX в. среди кабардинцев были люди, знавшие русский язык: «Многие из кабардинцев почти самоучкой от частого обращения с русскими умеют читать и писать по-русски, а говорят так чисто, что никакого различия с коренным россиянином не можно заметить» ¹⁴⁷.

Большой интерес для изучения этнокультурных границ представляют биографии некоторых кабардинцев. Начиная с XVI в. кабардинские князья поступали на царскую службу. Те из них, кто уезжал в Москву и принимал православие, вливались в состав правящего класса империи. Уже их дети или внуки становились русскими. Но если они оставались на Кавказе, то, за редким исключением, не пересекали этнокультурную границу. Кабардинцы могли служить в русской армии, могли выучить русский язык, могли даже принять христианство, но это не приводило к изменению их этнической идентичности.

В 1759 г. малокабардинский князь Кургоко Канчокин обратился к русской администрации на Кавказе за разрешением переселиться вместе с подвластными в урочище Моздок. Для их защиты несколько лет спустя была построена Моздокская крепость. Укрепленная линия была продлена до Моздока, а затем и далее. То есть в данном случае князь не просто перешел границу, а дал повод к установлению этой границы. Причиной этого шага явились обычные для истории Кабарды княжеские междоусобицы: князья Большой Кабарды притесняли Канчокина, и он боялся потерять свою власть и свое имущество. Для того, чтобы заручиться поддержкой России, князь принял православие¹⁴⁸.

Переселение Кургоко Канчокина в Моздок положило начало формированию группы моздокских кабардинцев. В конце XVIII – начале XIX в. десятки и сотни кабардинских крестьян и рабов бежали в Моздок. Если они принимали христианство, то их не возвращали хозяевам. Со временем их численность увеличилась, среди них появились и мусульмане. Культура Моздокских кабардинцев подверглась влиянию других народов: осетин, ногайцев, русских, грузин, и во многом стала отличаться от культуры других кабардинцев. Тем не менее, на протяжении двухсот с лишним лет они сохраняли свою этническую идентичность, и в настоящее время считают себя адыгами.

Усвоение культуры другого народа само по себе не приводит к изменению национального самосознания. Примером может служить князь Измаил Атажукин, живший в конце XVIII – начале XIX в. Он был полковником русской армии, принимал участие в русско-турецкой войне, был награжден георгиевским орденом

и медалью. Он жил какое-то время в Петербурге, говорил порусски и по-французски, но от этого не перестал ощущать себя кабардинцем. Вернувшись на Кавказ, он поселился в Георгиевске, но его жена жила в кабардинском селе, его сын в соответствии с обычаем аталычества воспитывался у одного из кабардинских дворян. То есть в своей семейной жизни И. Атажукин старался придерживаться адыгских обычаев. И когда он отправлялся в Кабарду, то снимал с себя орден и медаль и прятал их в карман (если верить И.П. Дельпоццо)¹⁴⁹. Но если даже его рассказ несколько утрирует особенности поведения Атажукина, он очень хорошо показывает, что Кавказская Линия разделяла общества с разным политическим устройством и совершенно различными системами ценностей. Царские награды, которые по одну сторону границы давали право на уважение и почет, по другую ее сторону могли вызвать подозрение и неприязнь.

И. Атажукин пытался найти возможности для мирного разрешения противоречий между кабардинцами и российской администрацией на Кавказе. Он пытался защищать интересы кабардинцев, предлагал, в частности, возвратить им земли, отрезанные Азово-Моздокской Линией или, по крайней мере, разрешить свободный переход через границу¹⁵⁰. Однако старания И. Атажукина не находили понимания ни у российских властей, ни у кабардинцев. Он не пользовался большим влиянием в Кабарде. Генерал П.Д. Цицианов, командовавший русскими войсками на Кавказе, писал: «кто из Кабардинцев побывает в России, а особливо получив какие-либо награждения, возвратится в Кабарду, то много теряет уважения от своих собратий, как и сей Измаил бей, сколько в Кабарде ни сильна его фамилия, доселе не мог приобресть себе доверия от своих единоверцев» 151. И сам Атажукин признавал, что из-за его недоброжелателей ему опасно жить в Кабарде¹⁵², именно по этой причине он поселился в Георгиевске. Измаил Атажукин не мог удержать даже своих родственников и своих дворян от набегов на русские села и станицы, не мог он и заставить их вернуть похищенное. Это вызывало недовольство царской администрации, которая считала, что Атажукин для нее скорее вреден, чем полезен. Особенно возмутил начальство один случай. Осенью 1810 г. множество кабардинцев

собралось за Малкой, недалеко от слободы Прохладной. Когда приехавший к ним генерал Булгаков спросил о причине этого собрания, то Измаил Атажукин «забыв всю вежливость и чинопочитание, которые он во всяком случае обязан свято сохранять пред начальником своим», отвечал «дерзко и грубо, что он сам собой собрал владельцев и прочих по своей надобности». На замечание, что он не имел права этого делать без разрешения властей, он «как будто пришел в исступление своего ума, тоже говорил дерзко сими словами: «Что вы, шутите, что ли? Я-де происхожу от древней Кабардинской княжеской фамилии, и будучи старее всех прочих Кабардинских князей, во всякое время имею право делать таковые собрания». 153 Находясь в Кабарде, И. Атажукин явно чувствовал себя не полковником царской армии, обязанным соблюдать субординацию, а кабардинским князем, и пытался отстоять свои права и свою власть. Но его попытка была заведомо обречена на неудачу. Если он полагал, что, находясь по одну сторону границы, он может вести себя как русский офицер, а по другую – как кабардинский князь, то с этим не могли согласиться ни российские власти, ни кабардинцы. И те и другие требовали, чтобы он избрал для себя только одну роль, только один статус. И не случайно жизнь князя Атажукина имела трагическую развязку.

Измаил Атажукин был не единственным кабардинцем, служившим в тот период в русской армии. Князь Атажук Хамурзин тоже был полковником, тоже воевал против турок, получил медаль. Однако вернувшись на Кавказ, он «оставил все русское и принял свои кабардинские обычаи».

Князь Темирбулат Мисостов с детства жил в Петербурге, получил образование в Горном кадетском корпусе, дослужился затем до капитанского чина. «Возвратился в свое отечество, не знавши ни одного слова природного кабардинского языка; тотчас позабыл свое воспитание и теперь никак нельзя разделить его от прочих кабардинцев. Он имеет двух сыновей, но чтобы отдать их на воспитание в Россию, он никогда не согласится и не подумает» 154. Ни служба в русской армии, ни приобщение к русской культуре, ни изменение языка не были достаточными условиями для смены этнической идентичности. Возможно, в основе ее лежало

представление о кабардинском происхождении. Для князей это тем более вероятно, что вся их власть, их высокий социальный статус также основывались на их происхождении.

Русские солдаты, крестьяне или казаки иногда могли попадать в кабардинские села в качестве пленных или дезертиров. Но, как правило, они недолго там оставались. Первым, что требовало русское военное командование при заключении мирных соглашений с народами Кавказа, был их возврат. Так, в 1779 г. кабардинцы обязались «возвратить беглецов и пленных российских, захваченных в минувшее замешательство и прежде, всех без изъятия, какие только есть в Кабардах» 155. В последующие годы кабардинцы старались не оставлять у себя пленных: «увлеченные Кабардинцами из казенных и помещичьих селений российские люди не могли быть отысканы, потому, что Кабардинцы таковых никогда у себя не удерживают, а стараются или продавать в глубину гор, или менять на иноплеменных ясырей, чтоб и следы сего похищения изгладить, и чтобы пленные, каким ни есть средством возвратясь назад, не доказали своего похитителя...» ¹⁵⁶. В числе других горских народов пленные попадали и к балкарцам. Так, в 1843 г. от старшины Кучука Беймурзова был «вытребован пленный, показывающий себя московским жителем Дементием Хохловым. Этот человек при допросе показал, что он взят в плен еще в 1800 г. хищниками близ г. Пятигорска... его доставили в Чегемскую Осетию и продали старшине Беймурзову» 157.

Есть также сведения о том, что некоторые русские солдаты дезертировали и находили убежище в горах. За долгие годы жизни среди балкарцев, им волей-неволей приходилось осваивать их язык и культуру. Не исключено, что кто-то из пленных или беглых сменил свою этническую идентичность, но скорее это происходило уже во втором поколении.

1.3.2. Социально-политические преобразования и этнокультурные границы (20–60 гг. XIX в.)

В 1822 г. в Кабарде была основана новая Линия укреплений, протянувшаяся у подножия так называемых Черных гор от верховьев Кубани до Владикавказа и состоявшая из четырех крепостей, в том числе Нальчикской, а также нескольких укреплений и военных постов¹⁵⁸. Это вызвало восстание кабардинцев, которое было подавлено. Но это было последнее крупное вооруженное выступление в Кабарде. После строительства новых крепостей кабардинские села оказались между двумя укрепленными линиями.

В тот же период несколько сел, расположенных на Кавказской Линии (в том числе Солдатское, Прохладное и Приближное) были превращены в станицы, их жители стали казаками. Тем самым численность казачества на границе с кабардинцами значительно увеличилась.

После «умиротворения» Кабарды был проложен новый участок Военно-Грузинской дороги между станицей Екатериноградской и Владикавказом. Если старая дорога шла от Екатериноградской на восток, к Моздоку, то новая сразу поворачивала на юг, к Владикавказу. Для охраны дороги в 1826 г. был построен укрепленный пост в урочище Пришиб в 13 верстах от Екатериноградской 159. Новая линия укреплений отделила Большую Кабарду от Малой.

Нальчикская крепость и другие новые укрепления находились значительно ближе к балкарским аулам, чем старая Линия. Уже в 1827 г. балкарские старшины дали присягу на верноподданство Российской империи 160. Это создавало предпосылки для сближения не только кабардинцев, но и балкарцев с русскими жителями региона.

Первоначально в крепостях и укреплениях двух новых Линий находились только солдаты и офицеры, мирного населения не было. В 1837 г., было решено образовать несколько новых станиц и военных поселений на Кавказе. В их числе было военное поселение рядом с Нальчикской крепостью, станица Пришибская на месте упраздняемого укрепления и военное поселение Александровское. Несколько позднее было образовано еще одно военное

поселение – Котляревское. С этого времени на новых линиях появилось и мирное население. Первоначально это были семьи казаков и военных поселян.

Эти укрепленные Линии не были отделены от кабардинских сел естественными рубежами, такими как Малка или Терек. Но новые станицы и военные поселения были укреплены так же, как и старые. Например, станица Пришибская была «огорожена кругом плетнем и окопана канавою». Примерно так же были защищены от нападений и все остальные станицы¹⁶¹. Нальчик состоял «собственно из небольшого укрепления и довольно обширного форштата или слободки, примкнутой к укреплению. Как укрепление, так и форштат со всех сторон обведены рвом и валом, кроме со стороны реки, крутой берег которой заменяет собою ров»¹⁶².

Но и эти укрепления не могли гарантировать жителям полную безопасность. Некоторые поселения были расположены недостаточно далеко от «непокорной» Чечни. Неоднократно чеченцам удавалось прорваться за Терек. Один из таких набегов произошел в мае 1841 г. Особенно пострадало тогда Александровское: 61 житель был убит при защите поселения, 10 были ранены, 26 пропали без вести. В Котляревском поселении 7 человек были убиты, 4 пропали без вести. В общей сложности из обоих поселений было угнано более 2000 голов скота – коров, волов, лошадей, овец¹⁶³.

Но все же это был исключительный случай. Случаи угона скота, убийств, конечно, происходили, но в целом с 20 гг. начинается относительно мирный период как для кабардинцев, так и для соседствующих с ними русских жителей.

Однако мирная жизнь налаживалась под властью военной администрации. Через Северный Кавказ с запада на восток тянулась укрепленная Кавказская Линия. Кабарда и находившиеся на ее территории и по соседству с нею станицы и укрепления относились к Центру Кавказской линии. Начальник Центра Кавказской линии руководил как военными операциями, так и мирной жизнью населения региона. Кабардинские князья потеряли большую часть своей власти и привилегий. Они уже не могли собирать военные дружины, проводить собрания своих подданных, брать различные подати и штрафы, присваивать

имущество подвластных, казнить крепостных за преступления и т.п. ¹⁶⁴. В 1828 г. ген. Эммануель предложил «предоставить кабардинским князьям и 1-й и 2-й степеней узденям пользоваться правом российского дворянства единственно при вступлении их в российскую воинскую или гражданскую службу» ¹⁶⁵. Многие кабардинские князья и дворяне поступили на службу (прежде всего – военную), приближаясь по своему положению к русскому дворянству. Те же из представителей высших сословий, которые не сумели адаптироваться к новым условиям, постепенно обеднели и все меньше отличались от крестьян.

Балкарские таубии дольше, чем кабардинские князья, сохраняли свою власть и привилегии. Только в 1846 г. в Балкарии появляется пристав¹⁶⁶. К середине XIX в. «представители практически всех балкарских владельческих фамилий находились на российской службе»¹⁶⁷, что позволяло им и дальше пользоваться своими привилегиями.

Нальчикская крепость стала административным центром Кабарды. Здесь находился Кабардинский временный суд, в состав которого входили кабардинские князья и дворяне «на первое время по назначению начальства», и который исполнял не только судебные, но и административные функции. Этот суд находился под контролем военного командования: «под наблюдением местного в Кабарде начальника артиллерии полковника Коцарева, или кто будет место его занимать». Уголовные дела Кабардинскому временному суду были неподсудны «и подвергаются вообще законам и строгости военной» 168. Через Кабардинский временный суд «осуществлялась трансляция распоряжений российских властей на горские территории», но балкарцы обращались в этот суд очень редко и преимущественно в тех случаях, когда дело касалось урегулирования отношений с соседними народами 169.

Кабардинцам приходилось приезжать в Нальчикскую крепость, что способствовало их сближению с русским населением. Однако военная администрация крепости и Кавказской Линии долгое время относилась к ним с недоверием. В Нальчике разрешалось жить только тем из кабардинцев, кто работал здесь, например, в суде. Но и им было предписано, «чтобы они не смели ни под каким предлогом пускать ночевать к себе посторонних

кабардинцев, князей, узденей или черного народа, какого бы племени они ни были; вообще, на дворе своем каждый вправе иметь только прислугу и без оружия» 170.

С появлением новых станиц, с прекращением военных действий в Кабарде торговые отношения народов Кавказа и русских жителей региона активизировались. В 1846 г. администрация попыталась возродить меновую торговлю. Были открыты новые меновые дворы – Солдатско-Малкинский, Пришибский, а затем и Нальчикский, для горцев была установлена льготная цена на соль. На какое-то время торговля на меновых дворах оживилась, но это продолжалось недолго. Уже в феврале 1848 г. смотритель Прохладненского менового двора жаловался на то, что «жители Прохладной станицы продают секретно соль приближенным горцам кабардинским жителям, тогда как для этих народов существует здесь казенный магазин, из которого в настоящее время расхода соли почти не бывает»¹⁷¹. Дольше сохранял свое значение Нальчикский меновой двор, расположенный в центре Кабарды, но и его торговые обороты в 50-х гг. заметно снизились. Государственные торговые учреждения не выдерживали конкуренции с частной торговлей. Но, так или иначе, русско-кабардинская торговля стала играть все более важную роль.

Проживавшие в Нальчике купцы доставляли сюда «разного рода произведения российских фабрик и заводов, потребные для жителей и служащих, из него вывозят и сбывают на ближайшие ярмарки и в Россию меха: куниц, лисиц, волков, диких кошек, медведей, баранов, воловьих и лошадиных кож, говяжье сало, меду, воску, полстей, шитых черкесок и т.п., которые приобретают от туземцев меною на красный товар, сахар и напитки... Отставные нижние чины и казенные крестьяне, живущие в Нальчике, занимаются сбытом на Линию и на ярмарки разных лесных материалов, добываемых в кабардинских лесах».

Еженедельно в Нальчике устраивались базары. «Предметами торговли на этих базарах бывают преимущественно произведения сельского хозяйства туземцев, как то: масло, сыр, домашний скот, птицы и т.п., а также произведение Линии: мука, овес и те огородные овощи, которые не сеют нальчикские жители» То есть кабардинцы, а может быть, и балкарцы стали приезжать в Нальчик

и торговать на рынке. Есть даже сведения о том, что продавцами Нальчикского базара были «одни кабардинцы» ¹⁷³. Впрочем, торговые обороты нальчикских лавок и базара были «невелики, потому что соседство больших ярмарок в Георгиевске и Моздоке, на которые кабардинцы охотно выезжают, отвлекают сих последних от покупок в Нальчике, где все дорого и дурного качества...» ¹⁷⁴. Так или иначе, но развитие торговли усиливало связи между народами Северного Кавказа и русскими жителями региона.

В середине XIX в. можно отметить первые примеры влияния кабардинцев на хозяйство русского населения. Так, жители Нальчикского поселения заимствовали у своих соседей некоторые породы скота: «...поселяне преимущественно разводят у себя рогатый скот, из породы туземной или кабардинской» 175.

Но, несмотря на то, что некоторые породы скота были заимствованы казаками и военными поселянами у народов Кавказа, скотоводство русского населения Северного Кавказа было приблизительно таким же, как в других регионах России. Обычное для народов Кавказа отгонное скотоводство не получило распространения у русского населения. Видимо, по этой причине у русских жителей было значительно меньше скота, а скотоводство в их хозяйстве занимало менее важное место, чем, например, у кабардинцев. По сравнению с народами Кавказа казаки разводили очень мало овец.

Некоторые из казаков пытались разводить лошадей знаменитой кабардинской породы, но далеко не всегда эти попытки оказывались успешными, как об этом пишет один из специалистов по истории кавказского коневодства:

«В 1825 г. после совершенного поражения генералом Вельяминовым возмутившихся кабардинцев, как равно и в последующие годы, при генерале Зассе, кабардинские плодовые табуны разграбленными достались нашим войскам как военная добыча и положили основание кабардинским табунам у наших казаков. Однако же казаки вели свои табуны, не придерживаясь системы кабардинцев, не стремились к установлению и удержанию в табуне полезного породного типа, а потому лошади их стали вырождаться, утрачивая свои старинные достоинства, и не удержали за собой славы лошадей старой кабардинской породы» 176.

Некоторые изменения, происходившие в системе жизнеобеспечения кабардинцев, были связаны не столько с влиянием русских крестьян и казаков, сколько с новыми условиями хозяйствования. Потеря обширных степных пастбищ, как уже отмечали историки, привела к сокращению скотоводства кабардинцев¹⁷⁷. Но эта же причина, возможно, вынуждала их активнее заниматься земледелием, поскольку оно является более интенсивной формой хозяйства, чем отгонное скотоводство, и требует относительно меньших земельных площадей. Тот факт, что кабардинцы в 30 гг. XIX в. стали больше заниматься земледелием, уже отмечался исследователями¹⁷⁸. Именно развитие земледелия могло привести к участившимся в этот период случаям захвата сенокосов под пашню, о которых также писали ученые, но не находили им объяснений¹⁷⁹.

К середине XIX в. относятся и первые примеры русского влияния на хозяйство и материальную культуру кабардинцев. В этот период, как и в прошлом, основной зерновой культурой кабардинцев было просо. В значительно меньших количествах выращивали также кукурузу, ячмень, яровую пшеницу и полбу¹⁸⁰. Генерал В.С. Голицин, начальник Центра Кавказской Линии, пытался расширить ассортимент возделываемых культур, раздавая кабардинцам семена ржи, овса, ячменя и гречихи, а также озимой пшеницы, пытаясь познакомить их с разведением картофеля.

Он же стремился «способствовать развитию садоводства и огородной промышленности в Кабарде», для чего пригласил в Нальчик садовника, который привез лучшие сорта плодовых деревьев и овощных культур. Генерал Голицин предложил кабардинским князьям и дворянам направлять своих крестьян на учебу к этому садовнику¹⁸¹. Но генералу не удалось оказать большого влияния на хозяйственную деятельность кабардинцев.

Жители Нальчикского военного поселения, а затем Нальчикской слободы продавали приезжавшим в слободу кабардинцам печеный хлеб. В это же время некоторые из кабардинцев начали употреблять чай¹⁸². Кабардинцы, служившие в Нальчике, нередко снимали жилье у русских жителей крепости или военного поселения¹⁸³. Таким образом, они могли познакомиться с особенностями русского жилища и какие-то из них перенять. Кабардинцы

начинают строить дома по образцу русских – с застекленными окнами, с печью вместо очага. Одним из первых это сделал Дмитрий Кодзоков. Он также построил русскую баню.

Во второй четверти XIX в. некоторые кабардинцы и балкарцы получали образование, изучали русский язык. В 1829 г. в Нальчике была открыта школа для аманатов, которых учили читать, писать и говорить по-русски. Учителем в ней был Ш. Ногмов, который, по свидетельству современников, с одинаковой легкостью говорил и писал «по-персидски, турецки, татарски и русски» 184. Однако эта школа просуществовала недолго, и только в 1851 г. в Нальчике была вновь открыта кабардинская школа. Наряду с кабардинцами в ней обучались также балкарцы, осетины, карачаевцы. В 1860 г. ее сменила Горская школа 185, в которой кроме кабардинцев и балкарцев учились также и русские дети.

Ш. Ногмов стремился просвещать свой народ не только как учитель, но и как писатель, фольклорист, историк. Уже сам круг его интересов показывает, какие компоненты национальной культуры он считал наиболее важными для существования и процветания народа. Ш. Ногмов много занимался изучением кабардинского языка, разработал грамматику, создал письменность для этого языка. Очевидно, распространение просвещения народа на родном языке было для него одной из главных целей.

Одним из первых, если не первым, он стал записывать кабардинский фольклор – песни, предания, легенды. И они же легли в основу его труда по истории адыгов, потому что документов в его распоряжении почти не было.

Обращение просветителей к истории не было случайностью, поскольку, как отмечают ученые, «...образы исторических событий, а также списки героев и недругов создают людям важные жизненные ориентиры и служат мощными рычагами мобилизации политической энергии»¹⁸⁶. Именно с целью создать такие жизненные ориентиры и побудить народ к деятельности, к общественному и культурному развитию и была написана история Ногмова.

Как совершенно справедливо отмечал З.М. Налоев, Ногмов создал идеализированную картину прошлого адыгов, рисуя его в виде «золотого века» 187. Подобное понимание истории было

свойственно не только Ш. Ногмову, но и многим другим просветителям. Нередко они стремились найти предков своего народа среди известных народов древности. В случае Ш. Ногмова таким древним народом были анты, которых он без достаточных на то оснований отождествлял с адыгами. Соответственно вся обширная территория, которую занимали когда-то анты, становилась адыгской. Древние адыги, по описанию Ш. Ногмова, отличались высокими моральными качествами, «одарены были благородством души и хорошими умственными способностями, славились деятельностью и сметливостью», они «не знали ни лукавства, ни злобы и дорожили древней простотой нравов» 188. Древние адыги поддерживали отношения с Грецией и заимствовали от нее античную и христианскую культуру (просвещение). Однако «гибельное нашествие аваров и причиненное ими разорение...ввергло народ во мрак невежества и варварства» 189. И единственным путем возрождения народа Ш. Ногмов, видимо, считал его просвещение, потому и посвятил ему всю свою жизнь.

Еще один кабардинский просветитель – Д. Кодзоков – воспитывался в семье известного славянофила А.С. Хомякова, был крещен, окончил Московский университет. Но он не забыл о своем происхождении и, вернувшись на родину, занялся изучением родного языка, национальных песен, танцев, джигитовки ¹⁹⁰. Такой интерес к народной культуре свидетельствует о том, что он в какой-то мере сохранил адыгскую идентичность. На чем она была основана? Много лет он был оторван от родины, забыл родной язык и культуру, принял другую религию. Единственное, что связывало его с другими кабардинцами, это его происхождение. Видимо, именно оно позволяло отождествлять себя с кабардинцами.

Д. Кодзоков стремился быть полезным своему народу. С его точки зрения, улучшить положение народов Кавказа можно было распространением просвещения среди них. Он открыл в ауле своего отца школу, в которой отставной унтер-офицер обучал 5 мальчиков русской грамоте и арифметике. Неизвестно, долго ли просуществовала эта школа. Просветитель также подал проект об организации школ в Кабарде¹⁹¹. И в дальнейшем, занимая различные административные должности, Д. Кодзоков стремился отстаивать интересы кабардинцев.

Но если сам Д. Кодзоков считал себя кабардинцем, то относились ли к нему другие кабардинцы как к своему соплеменнику? В этом можно усомниться. Один из его современников (правда, очень недоброжелательно настроенный), свидетельствует о том, что «все родные от него отшатнулись... в Кабарде он не только не имел никакого веса, но даже вообще был презираем и нелюбим»¹⁹². Возможно, что кабардинцы, воспринимали Д. Кодзокова как вероотступника и предателя.

На подобное отношение к себе жаловался и князь Александр Мисостов. Его отец принял христианство, поступил на военную службу, был заседателем Моздокского Пограничного суда. А. Мисостов и его братья были православными. Они были родственниками князя Кучука Джанхотова и после его смерти претендовали на часть его имущества. Однако судьи удовлетворили их требования не в полном размере, что было сделано, как считали братья, из желания отомстить им как христианам¹⁹³. А. Мисостов проявлял интерес к истории кабардинцев, он является автором сочинения «История нещастных чиракес», но он никак не мог занять достойное место в кабардинском обществе, о чем свидетельствуют многочисленные судебные процессы, активным участником которых он являлся. Однако он с трудом адаптировался и к реалиям жизни в русском городе. В свое время он был даже выслан из Санкт-Петербурга на родину. Возможно, что его брат Петр, который стал полицеймейстером Пятигорска, более успешно сумел решить эту задачу.

Этническую идентичность некоторых людей XIX в. трудно определить. Примером может служить Исмаил Мамышев, он же Марк Афанасьев. Его мать была кабардинкой, а отец был балкарцем из рода таубиев, но переселился в Большую Кабарду и стал известным абреком, а потом ушел в Чечню. Два его сына в числе аманатов были взяты в Россию. Исмаил поступил на военную службу, принял христианство и при этом получил новое имя и фамилию. Затем он вернулся на родину, работал в Кабардинском временном суде, а впоследствии – переводчиком и помощником пристава горских обществ. Несмотря на столь сложную биографию, он знал балкарский язык и в своем поведении часто руководствовался традиционными нормами и представлениями 194.

Но вопрос о том, с каким народом он сам себя отождествлял, и как его идентифицировали окружающие, остается открытым.

В середине XIX в. если и бывало, что кабардинцы или балкарцы изменяли свою этническую идентичность, то это были исключительные случаи. Так же и русские жители Северного Кавказа, если и могли войти в состав других народов региона, то происходило это чрезвычайно редко. Примером может служить история Андрея Кречетова. Еще в 1811 г. около г. Георгиевска его захватили в плен черкесы и продали в Чегемское ущелье. Спустя несколько лет хозяин женил его на своей крестьянке, позже он принял ислам и остался жить среди горцев. Когда он был уже стариком, ему предложили вернуться в православную веру и поселиться среди русских, но он отказался, объяснив, что у него нет других родственников, кроме жены и детей, которые исповедуют ислам¹⁹⁵. По этой причине он не хотел менять ни место своего жительства, ни религию.

Возможно, что еще один подобный случай произошел с жительницей военного поселения (будущей станицы Александровской) Марфой Щербаковой. В 1841 г., когда ей было 12 лет, она вместе с несколькими своими односельчанами была захвачена чеченцами и провела в плену много лет. Из Чечни ее продали в Кабарду. Когда военные действия в Чечне и Дагестане закончились, русская администрация стала разыскивать пленных, и нашла ее в одном из кабардинских сел. Однако найденная женщина не признавалась в том, что она является Марфой Щербаковой, хотя ее опознали ее сестры и другие жители станицы. Как полагал допрашивавший ее чиновник, «она будучи в плену у горцев с лишком 21 год, и притом имея мужа и детей, свыклась с жизнию их и религиею и не считала нужным сознаваться в своем происхождении» ¹⁹⁶. И в этом случае семья, родственные отношения играли важную роль в выборе места и образа жизни, а в конечном счете - и в самоидентификации.

1.3.3. Усиление межэтнических контактов и этнокультурное развитие (конец XIX – начало XX в.)

Завершение Кавказской войны коренным образом изменило ситуацию на Северном Кавказе. Еще до окончания военных действий в регионе была проведена административная реформа. Были созданы военно-народные округа, в том числе Кабардинский. В 1860 г. он вошел в состав только что образованной Терской области. Но уже в 1869 г. административное деление области изменилось, кабардинские и балкарские села вошли в состав Георгиевского, а затем – Пятигорского округов. В 1888 г. был создан Нальчикский округ, в котором проживали как кабардинцы Большой Кабарды, так и балкарцы. Русских первоначально было немного, они были представлены жителями Нальчикской слободы, созданной в 1862 г. на месте военного поселения, и несколькими поселками. Казачьи станицы в состав округа долгое время не входили. Малая Кабарда также находилась за пределами округа.

К концу XIX в. численность русского населения Нальчикского округа значительно увеличилась. Предпосылкой этого явилась земельная реформа, в результате которой собственниками больших участков земли стали кабардинские князья и дворяне – владельцы аулов, а также те из кабардинцев, кто имел особые заслуги перед правительством, чаще всего офицеры. Размеры наделов зависели от места владельцев в сословной иерархии и их личных заслуг и колебались от 100 до 1500 десятин. Очень многие из них продавали свою землю или сдавали ее в аренду. Ее покупателями или арендаторами часто становились русские и украинские крестьяне. Впервые в русско-кабардинских отношениях предметом купли-продажи стала земля.

Цена на землю и арендная плата первоначально были невысокими, что позволяло крестьянам покупать или арендовать ее. Вот как образовался, например, поселок Новополтавский: «Крестьяне и другие разночинцы Полтавской губернии, в числе 44 семейств, обратились с просьбой об образовании из них особого поселения на купленной ими каждым в отдельности в собственность по нескольку десятин в Нальчикском округе участке земли

у землевладельца Полковника Тепсаруко Алтудокова, обязавшись подпиской пользоваться землей сообща... просители приобрели у Полковника Алтудокова ... в совместное пользование участок в размере 532 дес. удобной и неудобной земли, что на участке этом они обзавелись домами и хозяйством и занимаются хлебопашеством и скотоводством, что они просят образовать из них особое селение под названием «Новополтавка»» ¹⁹⁷. Примерно так же были образованы и многие другие поселки и хутора.

В конце XIX – начале XX в. в границах Нальчикского округа проживали русские, кабардинцы и балкарцы и другие народы, и даже ни один из 3 участков этого округа не был моноэтничным: «15 населенных пунктов Большой Кабарды, два пункта с горским населением и три пункта с причисленными к ним 26 поселками и хуторами с русским населением составляют 1-й участок, шесть пунктов с горским населением, один пункт с русским населением и при нем горский еврейский поселок и немецкая колония составляют 2-й участок и 17 пунктов Большой Кабарды, два пункта осетин и один пункт с 12 поселками и хуторами с русским населением составляют 3-й участок» ¹⁹⁸.

Если когда-то русские поселения были отделены от Кабарды границей по Малке и Тереку, а все поселения окружены стенами или земляными валами и рвами, то к концу века все эти укрепления стали ненужными. Ранее существовавшие крепости были упразднены. Военные действия, набеги, похищения людей остались лишь в воспоминаниях. Только кражи и угон скота оставались реальной опасностью.

Поскольку русские и украинские крестьяне покупали или арендовали землю у кабардинских владельцев, то новые поселки и хутора часто образовывались вблизи кабардинских сел. При селении Тамбиево II (Алтуд) был поселок, жители которого арендовали землю у Тамбиевых. Русские хутора были также при кабардинских селах Бабуково и Ашабово.

Балкарцы значительно реже, чем кабардинцы, сдавали свою землю в аренду русским переселенцам, но все же жители русского селения Каменка арендовали землю у балкарского общества ¹⁹⁹.

В Малой Кабарде, как и в Большой, часть земли попала в руки частных владельцев. На этой земле появились десятки новых

хуторов, населенных преимущественно русскими и украинцами. Одним из крупнейших был хутор Иналуко Анзорова при селении Астемирово (Верхний Акбаш) где проживали молокане (нынешнее село Тамбовское). Русские хутора также были при с. Хапцево, Абаево, Бороково, Ахлово. Почти все переселенцы в Малой Кабарде арендовали землю у кабардинских князей и дворян.

В станицах появилось, хотя и немногочисленное, иноэтничное население. В станице Прохладной в 1879 г. проживало 14 немцев, 13 армян, 4 ногайца²⁰⁰, но кабардинцев и балкарцев среди жителей станицы не было.

В некоторых кабардинских селах появились русские жители, хотя и в очень небольшом числе. В 1900 г. в с. Атажукино I проживало 4 русских, в с. Атажукино II – 6, в с. Коново – 8, в с. Кармово – 3, в с. Тамбиево I – 9, в Докшукино – 15, в Куденетово II – 2, в Шалушенском – 4, в Верхне Кожоково – 8 человек и столько же – в Нижне Кожоково. Поселились они и среди балкарцев. В Чегемском обществе проживало 2 русских, в Балкарском – 8^{201} . Среди русских, проживавших в кабардинских и балкарских селах, были торговцы (один из них имел лавку в балкарском с. Чегем)²⁰², иногда – прислуга²⁰³. Во многих кабардинских селах русские работали писарями²⁰⁴, так же, как и в балкарских обществах²⁰⁵. В некоторых случаях русские офицеры даже занимали должность старшины кабардинского села.

Многонациональным составом населения отличалась Нальчикская слобода. Еще в 1847 г. рядом Нальчикской крепостью появился горско-еврейский поселок, а в 1852 г. – немецкая колония Александровская. В 1900 г. в слободе проживали: 3388 русских (вместе с украинцами), 1130 горских евреев (в особом поселке), 67 немцев (не считая жителей колонии Александровской), 52 армянина, 35 персов, 29 кумыков, 25 осетин, 7 евреев, но всего 11 кабардинцев и 18 «горских татар и других горцев» 206. Сколько среди них было балкарцев – точно неизвестно. Кроме того, в слободе проживало 9 человек других национальностей.

Проведение крестьянской и земельной реформы на Северном Кавказе имело целью приблизить социально-экономическое положение региона к общероссийскому. В результате коренным образом изменилась социальная структура общества. Произошли

изменения и в системе судопроизводства: был создан Нальчикский Горский словесный суд для кабардинцев и балкарцев и сельские суды²⁰⁷. При этом «повседневное обычно-правовое регулирование оставалось определяющим фактором правовой культуры кабардинцев, сохранило широкую практику...»²⁰⁸.

Делались попытки приблизить систему управления кабардинскими и балкарскими аулами к общероссийским порядкам. В 60 гг. аульные старшины, их помощники и судьи избирались сельскими сходами под контролем участкового пристава, который мог при необходимости отменить результаты выборов. Но уже с 1871 г. старшины стали назначаться главой Терской области по представлению начальника округа. И только с 1906 г. сельские старшины вновь стали избираться, причем по тем же правилам, которые существовали в казачьих станицах, что явилось очередным этапом «административной унификации» и интеграции кабардинского и балкарского общества «в систему управления Российской империи на Кавказе»²⁰⁹.

Поскольку Нальчикская слобода являлась административным центром Кабардинского, а затем Нальчикского округа, кабардинцам и балкарцам нередко приходилось приезжать сюда. Сохранял свое значение и Нальчикский базар, причем, в начале XX в. его постоянными посетителями были не только кабардинцы, но и балкарцы. Они закупали здесь зерно (кукурузу), поскольку собственного зерна им не хватало²¹⁰.

Кабардинцы торговали также и на рынке станицы Прохладной. Среди привозимых ими на продажу товаров были «лес и лесные изделия, сено, птица, бурки и проч.» Важным предметом их торговли было сено: «кабардинцы соседних аулов привозят его на базар в таком количестве, что даже в самый неурожайный на сено 1876 год – арба его стоила самое большее 3 руб., а в обыкновенное время арбу кабардинского сена можно купить за 40–70 копеек»²¹¹.

Одной из экономический предпосылок развития торговли между кабардинцами, балкарцами и русским населением региона являлись особенности хозяйства этих народов. Для русских и украинцев земледелие было значительно более важной отраслью хозяйства, а скотоводство – менее важной, чем для их соседей.

Как показывают расчеты, проведенные на основе содержащихся в архивных документах сведений, в 1900 г. в русских селах Нальчикского округа на душу населения приходилось по 1,1 дес. посева зерновых и других сельскохозяйственных культур. Это в два с лишним раза больше, чем в кабардинских селах округа (0,4 дес.) и во много раз больше, чем в балкарских обществах (0,1 дес., не считая Гунделена). В то же время сенокосов в русских селах было значительно меньше (0,5 дес. на душу населения), чем в кабардинских (0,7 дес.) и балкарских (0,9 дес.). В соответствии с этим русские жители имели значительно меньше скота. В русских селах на душу населения приходилось 0,7 головы крупного рогатого скота, что втрое меньше, чем в кабардинских (2,0) или балкарских (2,3).

В горах было мало земли, пригодной для земледелия, но там существовали благоприятные условия для развития скотоводства, особенно овцеводства. Поэтому в балкарских обществах на каждого жителя приходилось по 11,2 головы мелкого рогатого скота, что в два с лишним раза больше, чем в кабардинских селах Нальчикского округа (4,4 головы) и в 6 с лишним раз больше, чем в русских (1,5)²¹². Такие различия связаны, видимо, с тем, что у русских жителей Северного Кавказа так и не получила распространение отгонная система скотоводства. Развитие свиноводства в русских селах и отсутствие его в кабардинских и балкарских не могло компенсировать эту диспропорцию.

Русское население на территории Кабардино-Балкарии возделывало в XIX – начале XX в. немало зерновых и других сельско-козяйственных культур, обычных для восточных славян. К числу местных особенностей можно отнести выращивание в сравнительно больших количествах проса в середине XIX в. и кукурузы в начале XX в. Это сближало хозяйство русского населения и народов Северного Кавказа, в частности, кабардинцев. И все же различий между ними было больше. Кабардинцы возделывали просо, кукурузу и – во многих селах – озимую пшеницу. Для русского населения был характерен значительно более широкий набор зерновых, масличных и технических культур: пшеница (озимая и яровая), просо, рожь, овес, ячмень, гречиха, лен, конопля, подсолнечник, рапс. Земледелие в Балкарии отличалось и от русского, и от кабардинского уже в силу различия природных условий.

Балкарцы выращивали исключительно яровые культуры – ячмень, реже – овес или пшеницу. Но в конце XIX в. на хозяйство кабардинцев и балкарцев оказывает влияние, с одной стороны, развитие товарно-денежных отношений, с другой – знакомство с земледелием русских и украинцев. К народам Кавказа проникают новые сельскохозяйственные культуры, например, картофель. В 1900 г. его выращивали во многих кабардинских селах (Коново, Кармово, Тамбиево-I, Иналово, Шалушенское, Кошероково, Хату-Анзорово, Кайсын-Анзорово, Мисостово), а также во всех балкарских обществах. В селении Атажукино II, единственном из кабардинских сел, 9 десятин земли были засеяны подсолнечником. Эти культуры попали к кабардинцам и балкарцам, видимо, от русских жителей региона.

Русские жители Северного Кавказа применяли такую же залежную систему земледелия, что и кабардинцы. По мнению Р. Дзагова, она и заимствована была у кабардинцев²¹³. Однако не надо забывать о том, что эта система земледелия была известна восточным славянам с древности, и в XVIII–XIX вв. она оставалась одной из основных систем их земледелия и применялась в Черноземье, в степных и лесостепных зонах, где еще сохранялись неосвоенные земли. Даже в конце XIX в. залежь составляла 14,3% всех пахотных угодий России²¹⁴. Так что у русских жителей Северного Кавказа не было необходимости заимствовать хорошо известную им систему земледелия.

«Малороссийский» плуг, которым пахали переселенцы, мало отличается по своей конструкции от тяжелого кабардинского плуга. И на Кавказе, и у славян подобные пахотные орудия известны со времен раннего средневековья 215 .

Пчеловодством занималась сравнительно небольшая часть жителей как в русских, так и в кабардинских селах. Русские крестьяне и казаки держали пчел первоначально в выдолбленных из дерева «пнях» или «колодах» – это типичная для восточных славян разновидность ульев. Впоследствии значительную часть ульев составляли так называемые сапетки, заимствованные, у кабардинцев. Но в начале XX в. в пчеловодстве происходили важные изменения, заключавшиеся в том, что «русские, а отчасти и туземцы, заменяют кабардинские сапетки (ульи, плетенные

из хвороста, обмазанные глиной) деревянными ульями усовершенствованных систем»²¹⁶. В этом случае уже очевидно влияние переселенцев на кабардинское пчеловодство.

Во второй половине XIX в. казаки и крестьяне, испытывавшие недостаток в земле, арендовали ее чаще всего у кабардинцев или у осетин станицы Черноярской. Некоторые казаки, жившие в станице Прохладной, «обменивались» землей с жителями соседнего кабардинского селения Алтуд: казаки сеяли кукурузу на алтудской земле, поскольку там она росла лучше, а взамен предоставляли свою землю под посев пшеницы. Экономические связи нередко перерастали в дружеские отношения, напоминавшие куначество. Казаки и русские крестьяне бывали в гостях у своих кабардинских друзей и принимали их у себя, присутствовали на свадьбах в кабардинских селах и т.д. Иногда жених, который во время кабардинской свадьбы должен скрываться у своих знакомых, находился в соседнем русском селе или станице. По кабардинским обычаям, та семья, которая давала приют жениху во время свадьбы, приравнивалась с тех пор к его родственникам. Так некоторых казаков и русских крестьян связывали с кабардинцами отношения не только дружбы, но и искусственного родства. С начала XX в. бывало, что кабардинцы отдавали своих сыновей на несколько лет в русскую семью, чтобы они выучили русский язык, окончили русскую школу, что позволяло им в дальнейшем рассчитывать на успешную карьеру. Тем самым в новых условиях и в иной форме возрождался обычай аталычества, издавна существовавший у народов Кавказа. В соответствии с этим обычаем между семьями ребенка и его воспитателя также устанавливались родственные отношения. Русские крестьяне и казаки если и не перенимали кавказские обычаи, то, во всяком случае, приобщались к ним.

К числу кавказских заимствований в материальной культуре русского населения Северного Кавказа относится, прежде всего, казачий костюм, точнее, военная форма казачества. Повседневная одежда казачества мало отличалась от крестьянской, и кавказское влияние в ней было выражено значительно слабее. К числу кавказских элементов можно отнести лишь папаху или кавказский пояс, который казаки носили не только с черкеской

или бешметом, но и с рубахой-косовороткой. Войлочная шляпа, служившая летним головным убором как казакам, так и крестьянам, тоже, возможно, была заимствована у кабардинцев.

Широкое применение плетня отчасти было результатом воздействия кабардинцев, для которых оно очень характерно. Русские и украинцы в Кабардино-Балкарии иногда использовали плетень для сооружения потолка в доме, причем этот плетень они часто покупали у кабардинцев. Например, в с. Кременчуг-Константиновское плетни привозили на продажу жители с. Карагач²¹⁷. Из плетня в некоторых станицах и селах были построены хранилища для кукурузы, что также связано с кабардинским влиянием.

Общей чертой в убранстве дома казаков и горцев являлось развешанное на стенах оружие. К русским и украинцам попадали иногда некоторые предметы домашней кавказской утвари, например, металлические кувшины.

У народов Кавказа было, вероятно, заимствовано несколько блюд из кукурузной муки (чуреки, мамалыга, хатлама), но их готовили редко, обычно во время голода, когда не было пшеничной муки. Значительно чаще кукуруза использовалась для приготовления блюд, привычных для русских и украинцев, например, каши или блинов.

Если существовали серьезные препятствия в заимствовании элементов хозяйства и материальной культуры, то еще более сложным процессом было взаимовлияние в области духовной культуры. Особые трудности здесь создавали глубокие различия в языке и религии. В духовной культуре русского и украинского населения Кабардино-Балкарии можно обнаружить лишь единичные кавказские заимствования. Эти элементы культуры не обязательно перенимались каждой группой русского и украинского населения непосредственно у народов Кавказа. Например, пляска «Наурская» получила свое название от станицы, из которой она, видимо, распространилась в другие станицы и села. Но в основе ее – кавказские танцы, которым жители станицы научились у соседних народов. Лезгинка была известна во всех станицах и селах, передаваясь от одной группы русского населения к другой. Не исключено, что народы Кавказа оказали влияние на музыкальный

фольклор русских и украинцев, что у них можно обнаружить кавказские по происхождению сказочные сюжеты, легенды или предания. Однако все эти проблемы еще совершенно не изучены.

В конце XIX – начале XX в. в материальной культуре кабардинцев и балкарцев появилось довольно много русских заимствований. К их числу можно отнести изменения в планировке жилища. В кабардинских домах этого периода появляются сени²¹⁸, которых раньше не было, но которые являются обязательной принадлежностью русского и украинского жилища. Однако назначение и функции сеней в кабардинском доме отличались от русского. У кабардинцев в сенях находился очаг, и они служили местом для приготовления пищи, чего никогда не было в русском доме. В данном случае произошло не просто заимствование, а синтез двух национальных традиций. В некоторых кабардинских домах появились «такие неизвестные прежде помещения, как отдельная кухня, прихожая, коридор»²¹⁹. Зажиточные кабардинцы стали строить так называемые «круглые» дома, т.е. квадратные или почти квадратные в плане. Подобных домов было много в казачьих станицах. Это были большие добротные дома, состоявшие из 3–5 комнат. В домах часто делали деревянные полы и потолки, застекленные окна и веранды, большие филенчатые двери, плиты для отопления и приготовления пищи.

У балкарцев к концу XIX в. также появились дома «русского» или «европейского» типа с застекленными окнами, с голландскими печами, но таких домов было очень немного²²⁰.

Кабардинцы и балкарцы стали украшать дома резьбой по дереву – тоже явное влияние русской культуры. Первоначально такие дома в кабардинских и балкарских селах строили русские мастера, но потом во многих селах появились собственные плотники²²¹.

У кабардинцев и балкарцев появилась покупная мебель (деревянные кровати, диваны, шкафы, столы и стулья) и домашняя утварь (стеклянная и фарфоровая посуда, самовары)²²².

Изменения коснулись и одежды кабардинцев и балкарцев. Прежде всего, ее стали часто шить из покупных тканей. Появились женские платья нового покроя. Из распашных они превратились в глухие, т.е. исчез разрез снизу доверху²²³. В этом можно видеть влияние городской моды. Некоторые из кабардинок стали

носить юбки и кофточки²²⁴ – это обычная одежда казачек и русских крестьянок Северного Кавказа того времени. У них она, видимо, и была заимствована.

Пища кабардинцев и балкарцев также изменялась под влиянием русских традиций. В некоторых зажиточных домах начали «устраивать русские печи и печь хлеб по русскому способу» 225. Появились новые для народов Кавказа продукты, такие как картофель. Кабардинцы под влиянием своих русских соседей стали готовить жаркое из мяса с картофелем. Но наряду с этим кабардинцы и балкарцы готовили этот продукт и более традиционными для них способами: кабардинцы со сметанным соусом, балкарцы – в качестве начинки для хычинов. На столах зажиточных горцев стали появляться покупные продукты: чай, сахар, конфеты.

К концу XIX в. все больше кабардинцев и балкарцев учились в школах, некоторые из них изучали и русский язык. В Нальчикской окружной Горской школе обучались дети разных национальностей и вероисповеданий.

В 1869 г. в школе было 58 учеников, среди которых были как русские, так и кабардинцы и балкарцы²²⁶. В начале 1905 г. в школе было «137 учеников; из них мусульман 47, русских – 70, немцев – 8, армян – 5, евреев 6 и грузин 1»²²⁷. Одним из выпускников этой школы был известный балкарский просветитель Мисост Абаев. Учителя этой школы также относились к разным национальностям и вероисповеданиям: 10 русских, 2 мусульман и 2 немца. Среди них был законоучитель православного исповедания и законоучитель магометанского вероучения. В 1909 г. эта школа была преобразована в реальное училище, в котором в 1915 г. обучалось уже 256 человек. Кроме того, в Нальчике было еще несколько школ.

В конце XIX – начале XX в. школы были открыты в 25 кабардинских селах. Во многих из них учителя были русскими. Так, в 1904 г. в кабардинских селах работали 14 русских учителей²²⁸. К 1915 г. в кабардинских селах было 44 школы, в балкарских – 2. Половина учителей в кабардинских и балкарских селах были русскими²²⁹.

Многие кабардинцы и балкарцы, окончившие школу, хорошо говорили, читали и писали по-русски. В 1897 г. русской грамотой

владели 312 кабардинцев (в том числе 17 женщин) и 71 человек (включая 11 женщин) из числа «татар» Нальчикского округа²³⁰.

Знание русского языка приобретает все более широкое распространение. Даже в горах, в Чегемском обществе, многие жители говорили по-русски²³¹. В свою очередь, русский писарь, живший в этом обществе, освоил балкарский язык²³².

Кабардинцы и балкарцы чаще стали получать высшее образование, занимать административные должности. В 1910 г. С. Клишбиев стал начальником Нальчикского округа, его помощником был капитан Мамышев. Некоторое время начальником второго участка служил корнет Мисост Абаев. В 1916 г. начальниками двух участков были Измаил Карабугоев и Инал Докшукин²³³.

Идеи просветительства получили широкое распространение среди образованных кабардинцев и балкарцев. И у тех, и у других просветительское движение развивалось в двух вариантах – светском и религиозном, мусульманском. Но при этом большая часть просветителей разделяла некоторые общие взгляды и идеи.

Многие из них писали о тяжелом положении своих народов. Например, М. Абаев писал о том, что балкарцы очень страдали от малоземелья и поэтому жили бедно: «Трудно представить себе худшие условия жизни. Изба среднего русского крестьянина в сравнении с саклей горца – дворец. Постоянная пища горца состоит из печенного в золе чурека, сделанного из ячменя или кукурузной, плохо просеянной муки»²³⁴.

Положение балкарцев, как и других народов Северного Кав-каза усугубляла их неграмотность, незнание государственного языка и законов страны, в которой они жили. Это мешало им отстаивать свои интересы.

Важнейшим орудием национального возрождения просветители считали образование: «Главная причина, из-за которой пропало большое адыгское племя – это непросвещенность. Точно так же его восстановит просвещение, учеба» Если в традиционной культуре народов Кавказа важную роль играл идеал героя, идеал воина, то просветители предложили новый идеал – идеал образованного человека.

К числу предметов, которые необходимо было изучать народам Северного Кавказа, относился русский язык. Как писал

К. Атажукин, «Потребность в знаниях русского языка не может исчезнуть в Кабарде; ее положение и ее отношение к русским таковы, что ей обходиться без русского языка невозможно. Это сознают и будут сознавать сами кабардинцы»²³⁶.

Но в то же время многие из просветителей придавали большое значение изучению родного языка. Упадок адыгского общества и его культуры баксанские просветители связывали с отсутствием образования на родном языке («мы на своем языке не учимся, на своем языке не пишем. Нынешнее оружие и нынешняя доблесть – это учеба»)²³⁷. В начале XX в. были созданы 4 варианта письменности для кабардинского языка²³⁸.

Просветители писали о том, что учителями в кабардинских селах должны быть кабардинцы. Только люди, знавшие кабардинский язык и обычаи, могли успешно обучать сельских детей грамоте, т.е. преподавание в школе должно было вестись на родном для учеников языке. В противном случае школа не могла дать кабардинским детям никаких знаний и становилась бесполезной.

Некоторые из просветителей говорили также о желательности изучения в русской школе параллельно с русским еще и арабского языка: «Как народу глубоко религиозному, кабардинцам необходимо знать арабский язык, для того, чтобы уметь читать Коран, эту во многих отношениях замечательную книгу, понимать его»²³⁹.

В то же время в медресе А. Дымова наряду с арабским языком и мусульманской религией изучают также кабардинский язык, арифметику и географию. То есть просветители понимали, что изучение арабского языка и основ ислама желательно или даже обязательно, но уже недостаточно для кабардинцев в новых условиях.

Не менее важную роль, чем родному языку, просветители отводили фольклору. Баксанские просветители считали, что история адыгов – это их старинные песни, поэтому молодежь должна их учить²⁴⁰. Они собрали и опубликовали много фольклорных записей. Кабардинский фольклор и обрядность записывали также П. Тамбиев и Т. Кашежев.

Балкарские просветители уделяли не меньшее внимание изучению фольклора. Басият Шаханов неоднократно призывал горскую интеллигенцию записывать песни, предания, эпос народов Кавказа, собирать материалы для их истории²⁴¹. Записью

и публикацией балкарского фольклора занимались Сафарали и Науруз Урусбиевы²⁴².

Знание своей истории, по мнению баксанских просветителей, необходимо для существования народа: «народ, утративший свою историю, не может существовать как [самостоятельный] народ, но [народ], имеющий историю, будь он даже маленький, с большими народами мира может сосуществовать, не исчезая»²⁴³. В те времена древняя история народов Кавказа почти не была изучена, поэтому многие высказывания баксанских просветителей были основаны не на научных фактах, а на легендах и мифах. Как и Ш. Ногмов, они идеализировали прошлое своего народа²⁴⁴ и далеко превзошли в этом Ногмова. Они тоже отождествляли адыгов с одним из народов древности, у них это были хетты²⁴⁵. Идея о хеттском (точнее – протохеттском или хаттском) происхождении адыгов имеет много сторонников и среди современных ученых. По мнению просветителей, адыги в древности занимали огромную территорию от Волги и Дона до Египта и имели многомиллионную численность²⁴⁶, а также высочайшую культуру: «Адыги были несколько тысячелетий наставниками человечества, стояли во главе мировой культуры» 247.

Видимо, неудовлетворенность баксанских просветителей современным им положением кабардинского народа и явилась причиной их обращения к далекому прошлому. Былое величие народа давало ему надежду на лучшее будущее.

Балкарские просветители тоже придавали большое значение изучению истории своего народа. М. Абаев посвятил ей значительную часть своего очерка «Балкария». Как и кабардинские просветители, в основу своей истории он положил, главным образом, легенды, предания, исторические песни. Тем не менее, некоторые идеи Абаева нашли поддержку у современных балкарских историков. Так, он писал о том, что балкарский народ, «несмотря на свою немногочисленность и неудобство занимаемой им земли, сумел сохранить свою независимость и самостоятельность до покорения Кавказа Россией»²⁴⁸. По его мнению, попытки кабардинских князей покорить Балкарию закончились неудачей, и в то время как адыги подчинялись крымскому хану, балкарцы оставались независимыми²⁴⁹. М. Абаев также считал,

что народ в прошлом «не был угнетен и забит, так как высшее сословие относилось гуманно...». Все это также несколько напоминает «золотой век».

Труды просветителей конца XIX – начала XX в. показывают, какие именно компоненты культуры они считали самыми важными для сохранения и процветания народа. Прежде всего, это язык, его изучение, образование на родном языке. Это также фольклор – эпос, песни, легенды и предания, которые сохранили историю народа. Большое значение просветители придавали также религии. Другие компоненты национальной культуры (одежда или особенности этикета) упоминаются значительно реже. Они, видимо, были менее важны для поддержания этнокультурных границ.

Этнокультурные границы между русским населением и народами Северного Кавказа в XIX – начале XX в. отличались устойчивостью. Несмотря на то, что их материальная и духовная культура постепенно сближались, этническая идентичность оставалась неизменной. Ни изменение языка, ни изменение религии сами по себе не приводили к изменению этнической самоидентификации. Оно могло произойти лишь в исключительных случаях.

ГЛАВА 2 ДИНАМИКА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ГРАНИЦ В XX – НАЧАЛЕ XXI В.

2.1. Казачество КБР в XX в.: эволюция идентичности

Согласно законам Российской империи казаки считались особым сословием наряду с крестьянами, дворянами, мещанами и т.д. Эта точка зрения нашла свое отражение во всех официальных документах, в большинстве исторических трудов и являлась если и не общепринятой, то наиболее распространенной.

Однако февральская революция 1917 г. отменила все сословные привилегии и ограничения. Над казачеством нависла угроза исчезновения, его идеологи начали искать выход из этого тупика. И не случайно именно в 1917 г. Г.А. Ткачев сформулировал свой тезис: «Казачество не есть сословие, которое можно уничтожить, а народ, хотя и говорящий на одном языке с народом русским, уже поэтому оно не может быть уничтожено» ²⁵⁰. Подобные взгляды получили распространение среди казаков, покинувших Россию в годы Гражданской войны, и были воспроизведены в изданных за рубежом книгах по истории казачества²⁵¹.

Советское государство, однако, никак не могло с ними согласиться. Признать казаков особым народом – значило поддержать их сепаратистские настроения, которые явно проявились в годы Гражданской войны. К официальному мнению присоединилась и та часть казачества, которая выступила на стороне новой власти. В 1920 г. на Первом Всероссийском съезде Трудовых казаков было принято решение о том, что «казачество отнюдь не является особой народностью или нацией, а составляет неотъемлемую

часть русского народа. Поэтому ни о каком отделении казачьих областей от остальной Советской России, к чему стремятся казачьи верхи, тесно спаянные с помещиками и буржуазией, не может быть и речи...»²⁵². Можно было бы согласиться с тем, что казачество никогда не было особой народностью или нацией, что большинство казаков являлось неотъемлемой частью русского народа, хотя были среди них и представители многих других народов. Но, необходимо отметить, что, решая вопрос о статусе казачества, как сами казаки, так и Советская власть руководствовались не результатами научных изысканий, а собственными политическими интересами. Место казачества в Советской России определялось не в ходе научных дискуссий, а в ходе Гражданской войны.

Хотя «трудовые казаки» на своем съезде полностью поддержали Советскую власть, значительная часть казачества выступила против нее с оружием в руках. Основной причиной восстания казачества являлась политика новой власти, в соответствии с которой у казачьих станиц отбирали «излишки» земли. Во время гражданской войны большевистские лидеры готовы были ликвидировать казачество. Наиболее откровенно эти идеи выразил Л.Д. Троцкий: «Уничтожить как таковое, расказачить казачество – вот наш лозунг! Снять лампасы, запретить именоваться казаком, выселить в массовом порядке в другие области» 253.

В январе 1919 г. была принята директива ЦК ВКП(б) о казачестве: «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно. Провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью... Уравнять пришлых «иногородних» к казакам в земельном и во всех других отношениях...Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи»²⁵⁴.

Многие терские станицы пострадали в ходе гражданской войны. Некоторые из них были расформированы, казаки были все поголовно выселены, а их земли были переданы безземельным и малоземельным горцам.

В августе 1920 г. в ходе борьбы с «белогвардейскими бандами» части Красной армии взяли в заложники казаков станицы Александровской и расстреляли 18 из них «без всякого суда, людей,

совершенно ни в чем не повинных, в большинстве 60–70-летних стариков» 255 .

После окончания гражданской войны власть стала более терпимо относиться к казачеству. Лозунг «расказачивания» был снят. В 1924 г. во все местные Советы Северного Кавказа был направлен циркуляр Краевого исполкома, в котором были намечены «пути наиболее успешного вовлечения казачьих трудовых масс в активное советское строительство и общественную работу». Эта задача могла быть выполнена только при «совершенном уничтожении огульно-отрицательного отношения ко всему казаческому, как таковому»²⁵⁶.

Для того, чтобы привлечь большую часть казачества на сторону новой власти, нужно было убедить его в том, что власть не стремится к его поголовному уничтожению или «расказачиванию». По отношению к казачеству должен был применяться классовый подход, согласно которому большинство казаков как представители трудового народа могли рассчитывать на лояльность власти. Только с теми, кого отнесли к «эксплуататорским классам», государство вело войну на уничтожение. «Казачество должно твердо знать и в практике работы госорганов видеть, что советская власть, революционно перестраивая действительность, стремится к уничтожению не казачества, как такового, а пережитков тех причин, которые привели казачество к невольной службе у царя, против рабочих, иногородних и горцев.

Казачество должно знать, что советская власть, различает только классовое расслоение, что она относится совершенно одинаково к крестьянину, казаку, горцу».

Органы советской власти должны были различать среди обычаев казачества: 1) те, которые шли вразрез с основами советской власти; 2) те, которые были ей безразличны и 3) те, которые заслуживали поддержки и поощрения. Соответственно различным должно было быть и отношение советской власти к этим обычаям.

Только первая группа явлений, «в которых казачий быт совершенно расходится с началами советской общественности и государственности, не могут иметь места и сам казак должен сознательно различить их и пойти на их устранение. Не могут,

например, культивироваться в быту казака какие-либо особые казачьи привилегии, так как рабоче-крестьянская власть равна для всех трудящихся, не могут привилегии стариков распространяться так далеко, чтобы молодые должны были покидать собрание, на котором присутствует их отец и т.д. и т.п.».

Но даже в борьбе с неприемлемыми для властей явлениями Советы призывались к терпимости и к долгой воспитательной работе: «Исключая случаи, требующие применения немедленных административных мер, нельзя забывать, что переработка быта – дело культуры, что единственное оружие здесь – только воспитание сознательности казачьих масс».

К числу явлений, безразличных Советской власти, относилось право «оставаться и называться казаком, со всеми своими привычками, носить ту или иную одежду, то или иное холодное оружие, ...петь свои сольные песни, собираться на традиционные вечеринки, оказывать почет старикам и т.д. и т.п.».

Поощрения и поддержки заслуживали «весьма полезные, своеобразные общественные навыки и традиции, касающиеся, например, охраны лесов, общественных земель, организации случных пунктов, создания станичных фондов, военной подготовки, исполнения общественных и государственных обязанностей и т.п.»²⁵⁷.

В новых условиях казачество потеряло свой социальный, сословный статус, но могло сохранить свое название и некоторые особенности материальной и духовной культуры, такие как одежда и даже холодное оружие, фольклор, обрядность и т.п. При этом если в прошлом военная форма казачества была знаком их принадлежности к особому сословию, то теперь она стала восприниматься просто как традиционная одежда. То есть те особенности культуры, которые изначально маркировали социальный статус казачества превращались в этнические признаки. Но при этом Советская власть по-прежнему не признавала казачество особым народом и даже не предоставила ему автономию, которую получили народы Кавказа.

Некоторые терские станицы оказались в составе автономных областей, казаки попали в положение национального меньшинства. На территории Кабардино-Балкарской автономной области

первоначально находились три станицы – Пришибская, Котляревская и Александровская. В 1925 г. внутри автономий Северного Кавказа началось образование казачьих округов. В Кабардино-Балкарской области также появился Казачий округ, в который вошли все три станицы этой области. Спустя несколько лет казаки вместе с русскими крестьянами вошли в состав Прималкинского района Кабардино-Балкарии. А в 1932 г. к этому же району присоединили станицы Прохладную, Солдатскую, Приближную и Екатериноградскую, которые до этого времени не входили в состав Кабардино-Балкарии. Численность казачества в автономной области резко увеличилась.

Постепенно казаки адаптировались к новым условиям жизни. Органами власти в станицах, как и в селах, были местные Советы, казаки стали принимать участие в их работе и даже руководить ими. В 1927 г. в Прохладненском районе Терского округа казаки составляли 73% членов сельских советов, 36,8% членов президиумов сельсоветов, 70% председателей сельсоветов²⁵⁸.

У станиц, имевших большие земельные наделы, часть земли была отрезана, на бывших казачьих землях появились новые поселки, размещались первые совхозы. В результате всех этих изменений образ жизни казаков перестал отличаться от крестьянского, но обособленность казачества какое-то время еще сохранялась. Хотя существовавшие ранее различия между «коренными жителями» и «иногородними» были ликвидированы, но и в 20-х гг. казаки редко продавали дома в своих станицах «иногородним». Бывало, что даже станичные Советы отказывались оформлять продажу казачьих домов «иногородним». Так было, например, в станице Пришибской в 1925 г. Как писала газета «Карахалк», «в станице до сих пор наблюдается деление на казаков и иногородних. Если иногородний живет у казака на квартире, это терпимо. Но если иногородний вздумает купить у казака дом, то даже исполком тормозит дело, не желая засвидетельствовать акт покупки. Многим иногородним не дают земли, несмотря на то, что ею уже пользовались с 1917-1918 гг.» 259 .

Все еще редкими были браки между казаками и «иногородними», казачество не одобряло такие браки. Но со временем обособленность казачества ослабевала.

К концу 20 гг., несмотря на все потери, понесенные казачеством в ходе гражданской войны и советских реформ, казачество в целом оставалось все еще более зажиточным, чем крестьянство, поэтому оно больше и пострадало во время проведения коллективизации. Многих из казаков объявляли кулаками и выселяли. Некоторые из казаков сами уезжали, чтобы избежать раскулачивания.

Следствием коллективизации явился голод в Кабардино-Балкарии, как и в других регионах страны. Особенно пострадала от него степная часть Прималкинского района: станицы Прохладная, Приближная, Солдатская и Екатериноградская. Урожай 1932 г. не был полностью убран и погиб под снегом. Даже официальные документы того времени признавали, что в этих станицах «основная часть добросовестных колхозников осталась без хлеба, не получив на трудодни ни одного килограмма, и колхозы остались почти без семян на весенний сев в 1933 году»²⁶⁰. В кабардинских селах даже в те годы можно было купить кукурузу, что спасло многих казаков от голодной смерти.

Голод явился причиной резкого повышения смертности и снижения рождаемости. Прежде всего, с началом коллективизации повысилась детская смертность в результате снижения жизненного уровня населения. В документах отмечается, например, «повышение детской смертности по Прохладной с 10% в 1928 г. до 18% в 1931 г.» ²⁶¹ при одновременном снижении рождаемости. Особенно высокий уровень смертности и низкий уровень рождаемости был зафиксирован в 1933 г. В Прималкинском районе 1930-го по 1933 г. уровень рождаемости снизился почти вдвое, а уровень смертности повысился в 4 раза²⁶².

Вследствие голода, раскулачивания и миграции в города и другие регионы страны численность казачества уменьшалась. По свидетельству жителей станиц Екатериноградской и Приближной, за годы коллективизации численность населения в этих станицах резко сократилась. Сохранившиеся архивные документы показывают, что в 1928 г. в станице Екатериноградской проживало 5487 человек, а через 8 лет, в 1936 г., – только 3464, в станице Приближной в 1928 г. – 1980 человек, в 1936 – 1105²⁶³. Только в этих двух станицах численность населения уменьшилась почти на 3 тысячи человек.

В Кабардино-Балкарию прибывали беженцы из наиболее пострадавших от голода мест, особенно с Украины. Некоторые из них оставались здесь жить. Только в 1932 г. «на работу или на местожительство» в Екатериноградский станичный Совет прибыло 30 человек, в Пришибский – 55 и т.д. ²⁶⁴ Тем самым увеличивалось неказачье население станиц, в то время как численность казачества сокращалась.

Какое-то время казачество пыталось сопротивляться коллективизации, но безуспешно. Как и крестьянам, казакам пришлось вступать в колхозы. Со временем они стали занимать в них даже руководящие должности. В 1930 г. Терский окружком принял постановление о работе среди казачества, в котором отмечалось, что бедняки и середняки-казаки очень слабо представлены в станичных советах, в правлениях колхозов, и решено было исправить это положение²⁶⁵.

После завершения коллективизации, в 1936 г., газета «Правда» объявила, что «Казачество стало советским не только по государственной принадлежности, но и по духу, по устремлениям, по преданности советской власти и колхозному строительству» 266. Коллективизация нанесла еще один удар по обособленности казаков. Они превратились теперь в таких же колхозников, как и крестьяне. Но когда реальные социальные различия между казачеством и другими группами населения исчезли, государство не стало торопиться с его полной ликвидацией, а напротив, провозгласило появление нового, преображенного советского казачества. О восстановлении былых привилегий казачества, естественно, не могло быть и речи. Как справедливо отмечал в своей работе А.П. Скорик, можно говорить «именно о конструировании нового, колхозного казачества, а не о возрождении его» 267.

Что заставило власть обратить особое внимание на казачество? Возможно, сыграло свою роль то обстоятельство, что «советизация» казачества, которое было когда-то врагом новой власти, подчеркивала успехи этой власти. Но главной причиной, вероятно, явилось стремление властей использовать казачьи традиции для укрепления обороноспособности страны²⁶⁸.

В 1936 г. ЦИК СССР принял постановление «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА», которое отменяло «для

казачества все ранее существовавшие ограничения в отношении их службы в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии, кроме лишенных прав по суду»²⁶⁹. Многие из казаков и до этого постановления служили в Красной Армии, особенно в кавалерии. Теперь же некоторые кавалерийские части получили название казачьих.

В годы Отечественной войны многие из казаков воевали в рядах Красной армии, не только в кавалерии, но и в других родах войск. Некоторые из них сделали успешную военную карьеру, как адмирал А. Головко, казак станицы Прохладной.

В послевоенный период продолжался процесс урбанизации казачества, как и русского крестьянства республики. По разным причинам казаки покидали станицы и переселялись в города. Этот процесс начался еще в 20-х гг. А в 1937 г. был образован город Прохладный, в состав которого вошла станица Прохладная и поселок при железнодорожной станции. Тысячи казаков превратились в горожан. В 1965 г. появился город Майский, в состав которого вошла станица Пришибская. Казаки становились не только колхозниками, но и рабочими. Некоторые из них получали высшее образование и могли занимать высокие должности в промышленности, партийном и управленческом аппарате. Казаки вполне адаптировались к советским порядкам и добивались больших успехов в работе. Например, колхоз «Красная нива» в станице Котляревской был одним из лучших хозяйств республики.

Казаки ничем не отличались от других жителей республики. Но они хорошо помнили о своем происхождении, и остатки казачьей обособленности сохранялись очень долго. Хотя давно исчезли запреты на брак между казаками и иногородними, хотя приезжие могли свободно покупать дома и обосновываться в казачьих станицах, все же они нередко жаловались на прохладное отношение казаков к ним.

В ходе переписей населения и массовых опросов при вопросе о национальности все казаки Кабардино-Балкарии называли себя русскими, что неудивительно: такова была официальная точка зрения, со временем закрепленная записью в паспорте. При этом казаки прекрасно знали о своем происхождении. При вопросе об основных особенностях казачества, отличавших их от других групп русского населения, чаще всего вспоминали их военную службу.

Долгие годы казачество считалось либо сословием, либо народом, но в советской этнографической науке устанавливается взгляд на него как на этническую или этнографическую группу, то есть часть народа (этноса), обладающую особенностями культуры и быта. По Ю.В. Бромлею, этническая группа (или субэтнос) отличается от этнографической группы наличием общего самосознания. Некоторые другие авторы не делают различий между этими понятиями. Ю.В. Бромлей определил казачество как этническую группу, поскольку оно, бесспорно, обладало общим самосознанием и самоназванием²⁷⁰. Вслед за ним Л.Б. Заседателева определила терское казачество как этнографическую группу²⁷¹. Впоследствии этот взгляд получил широкое распространение среди ученых.

Понимание казачества как этнографической группы не случайно появилось именно в советский период. В это время казачество перестало быть сословием, потеряв все свои привилегии. В то же время ученые не могли считать казачество отдельным народом не только потому, что это не соответствовало научным фактам, но и потому, что это противоречило бы официальной точке зрения. В таких условиях этнографы должны были найти какую-нибудь другую категорию для казачества, и понятие этнографической или этнической группы показалось им наиболее подходящим. Однако это представление было основано не столько на изучении истории и культуры казачества, сколько на реалиях советского времени. При этом многие вопросы, связанные со статусом казачества, остались без ответа. Например, известно, что в прошлом среди терского казачества имели распространение несколько разных языков. Согласно переписи населения 1897 г., для 87% терских казаков родным языком был великорусский, для 9,8% - малорусский, т.е. украинский, для 0.9% – осетинский, для 0.6% – черкесский и т.д. ²⁷² Непонятно, каким образом все они могли входить в состав одного народа, не говоря уже об одной этнографической группе. Если же принимать во внимание не только терских казаков, но и другие группы казачества, разбросанные на огромной территории от Дона до Дальнего Востока, то языковая и культурная неоднородность его становится еще более очевидной.

В конце XX в., в период перестройки, гласности, демократизации общества проблема казачества впервые за много лет стала вновь интересовать не только ученых, но и политиков. В 1991 г. был принят закон «О реабилитации репрессированных народов». Действие этого закона распространялось и на казачество, но в самом законе оно отнюдь не названо народом. Более того, казачество приводится как пример исторически сложившейся культурно-этнической общности людей²⁷³, что может относиться как к народу, так и к этнографической группе или субэтносу. Эта формулировка повторяется и в последующих законах, касающихся казачества. В то же время ряд законодательных актов содержит совершенно иные формулировки, касающиеся казачества. В них упоминаются, например, «граждане, добровольно вступившие в установленном порядке в казачьи общества (далее именуются казаки)»²⁷⁴. Принцип добровольности больше подошел бы политической партии или общественному движению, чем исторически сложившейся общности людей.

В документах современного казачьего движения также нет четкого и последовательного определения казачества, которое фигурирует в них одновременно и как народ, и как субэтнос 275 .

Казачество Кабардино-Балкарии так же колебалось с самоопределением. При обсуждении этого вопроса обнаружились «два направления: возрождение терского казачества как исторической общности, как народа, субэтноса или возрождение как служилого сословия под названием «Терское казачье войско»²⁷⁶. Концепция казачества сложилась у активистов казачьего движения под влиянием монографии Л.Б. Заседателевой «Терские казаки», в которой казачество определялось как этнографическая группа. При этом казаки не видели принципиальной разницы между народом, субэтносом и этнографической группой. Определение казачества как народа имело для него не только теоретическое, но и большое практическое значение. В 1991-1992 гг., в период бурной деятельности национальных движений, на съезде балкарского народа была провозглашена суверенная республика Балкария, а затем на съезде кабардинского народа – Кабардинская республика²⁷⁷. Перед Кабардино-Балкарией стояла реальная угроза распада. В этих условиях казаки имели все основания опасаться за свое будущее. Для них было очень важно, чтобы их признали одним из коренных народов республики. Именно с этим они связывали свое право на занимаемые ими земли. Как пишет М.М. Клевцов, который в то время был атаманом казачества Кабардино-Балкарии, «объявляя себя терскими казаками как народом и считая себя правопреемниками своих предков на эти земли, мы отстаивали свои права проживания на них как один из коренных народов Кабардино-Балкарии... Применение термина «войско», по нашему мнению, лишало нас права на земли своих предков. Во всяком случае, могло поставить под сомнение эти права и давать повод для дискуссии о них»²⁷⁸. Как и в прошлом, определение статуса казачества зависело не столько от научных исследований, сколько от реальной политической обстановки в стране и в республике.

Некоторые из руководителей КБР в 90 гг. придерживались той точки зрения, что казачество - это не этноисторическая общность, а «лишь сконструированная и мобилизованная память о социально-культурной традиции и политической практике царского режима»²⁷⁹. Эта позиция вызвала обеспокоенность казачества тем, что «реально существующих терских казаков, проживающих в Кабардино-Балкарии уже более 200 лет, теперь как бы и не существовало»²⁸⁰. Можно было бы привести немало примеров того, что «сконструированная и мобилизованная память о социально-культурной традиции» является атрибутом именно этноисторических общностей, в том числе и наций, поэтому противопоставлять одно другому некорректно. Но в действительности причины разногласий в определении статуса казачества лежат совершенно в иной плоскости. Если казаки опасались, что, не получив статус коренного народа, они потеряют право на свои земли, то руководители Кабардино-Балкарии подозревали их в стремлении получить слишком большую долю земли в ущерб другим жителям республики²⁸¹. Именно по этой причине казакам отказывали в праве считаться этноисторической общностью. То есть за, казалось бы, научной проблемой в очередной раз скрывались экономические интересы различных групп населения республики.

Как показывают материалы переписей населения 2002 и 2010 гг., большинство казаков по-прежнему не считает себя особым народом. На вопрос о национальной принадлежности они

дали ответ – русские. В 2002 г. только 307 жителей республики при ответе на вопрос о национальности назвали себя казаками, в 2010 г. – 489²⁸². При этом жители станиц прекрасно помнят о своем происхождении, они считают себя казаками, о чем свидетельствует сам факт появления казачьего движения в республике, но только они не считают казаков отдельным народом.

Политические реформы конца XX в. вновь сделали проблему казачества актуальной, но и в этот период как власть, так и сами казаки не могли определиться с тем, считать ли казачество народом, этнографической группой или войсковым сословием. При решении этого вопроса все стороны руководствовались не столько научными представлениями, сколько своими политическими задачами и интересами.

2.2. Русские и украинцы: этнокультурные трансформации

В годы гражданской войны некоторые украинские села и хутора были разрушены и покинуты жителями, после окончания военных действий они были восстановлены, часть из них (с. Светловодское) – на новых местах.

Сколько на территории КБР проживало русских и сколько украинцев можно вычислить лишь приблизительно. Материалы переписи 1920 г. показывают, что в то время не существовало четкого представления о том, кого из жителей Северного Кавказа отнести к русским, а кого к украинцам. Создается впечатление, что в разных селах и хуторах, в разных округах области этот вопрос решали по-разному. Так, в селах Баксанского округа значится очень много украинцев – «малороссов», они составляли большую часть населения в хуторах Матвеевский, Дударуковский, Наурузовский, Ново-Вознесенский, Алиевский, Ново-Петропавловский, Комаровский, Новопокровский. В то же самое время в селах Нальчикского округа, если верить материалам переписи, не было ни одного украинца. Однако из других источников известно, что в селах Ново-Полтавском, Ново-Ивановском и в соседних хуторах, жители которых значатся русскими, тоже проживали переселенцы с Украины и их

потомки. В чем же причины этого противоречия? Очевидно, уже в тот период этнокультурная граница между русскими и украинцами на Северном Кавказе была не очень четкой. В дореволюционное время, как известно, русскими именовали всех восточных славян, которых подразделяли на великороссов, малороссов и белорусов. Поэтому вполне естественно, что и украинские поселенцы на Северном Кавказе считались и считали себя сами русскими. В 20-30 годы значение этого этнонима изменилось, русскими стали называть только великороссов, а малороссов стали именовать украинцами. Однако украинские переселенцы на Северном Кавказе, оторванные от основной массы украинского народа, продолжали называться русскими, тем более, что в условиях Кавказа различия между русскими и украинцами становились неактуальными. Поэтому при проведении переписи потомков украинских переселенцев часто записывали русскими. В тех же случаях, когда обращали внимание на их язык как главный этнический маркер, их могли записать «малороссами» или украинцами. Поэтому в статистических материалах 20-х годов существуют значительные колебания численности русских и украинцев в Кабардино-Балкарии, в зависимости от того, к какой национальности относили население тех или иных сел и хуторов. В 20–30 гг. украинский язык и обычаи во многих селах были господствующими, так что материалы официальной статистики в данном случае не вполне соответствуют действительности. Русские проживали преимущественно в Нальчике, в Баксане, в станице Котляревской, Александровской. Во всех остальных «русских» селах и хуторах и в станице Пришибской большую часть населения составляли украинцы.

Если говорить о расселении русских и украинцев, то обращает на себя внимание концентрация русского населения в относительно крупных населенных пунктах – в Нальчике, в станицах. В то же время большинство украинцев были жителями небольших сел и хуторов.

В 1926 г. в селах Кабардино-Балкарской автономной области проживал 15741 украинец. Среди сельских жителей украинцев по-прежнему было значительно больше, чем русских. Наиболее многочисленным было восточнославянское население Казачьего округа, в состав которого входили станицы Пришибская,

Котляревская, Александровская, село Новоивановское и некоторые хутора. В этом районе украинцев было немного больше, чем русских. В Прималкинском (часть современного Прохладненского - с. Новополтавское, Черниговское, Прималкинское, Новопокровское) и Баксанском (Баксан, Кременчут-Константиновское) районе украинцы явно преобладали. В Малокабардинском районе (с. Тамбовское, х. Киевский) русских было несколько больше, чем украинцев, а в Нагорном районе (села Светловодское, Зольское, некоторые хутора) – примерно поровну²⁸³. В большинстве станиц и сел численность населения в 20 гг. возрастала. Только в станице Пришибской численность населения сократилась с 3291 человека в 1920 г. до 2769 в 1929 г. Но зато рядом с Пришибской выросло местечко Майское, которое до 1925 г. называлось Пришибским поселком при железнодорожной станции Котляревская. В селе Ново-Ивановском в 1920 г. было 1310 жителей, в 1929–1527, в хуторе Колдрасинском – соответственно 218 и 259. Численность жителей хутора Киевского увеличилась с 84 до 133 человек. Быстро восстанавливались и росли хутора, разрушенные в годы гражданской войны. Так, в хуторе Петропавловском в 1920 г. проживало 152 человека, в 1929 году – 260, хуторе Гробовец – 79 и 220, хуторе Отрада – 19 и 100 человек. Таким образом, 20 гг. были временем быстрого роста численности украинского населения Кабардино-Балкарии, как городского, так и сельского²⁸⁴.

В Нальчике, который к этому времени стал городом, преобладало русское население, но и численность украинцев увеличилась до 1472 человек в 1926 г. В Нальчике русские и украинцы проживали смешанно, что приводило к более быстрому сближению их культуры и к постепенному исчезновению этнокультурных границ. В селах население было этнически более однородным – преобладали либо русские, либо украинцы, что способствовало более длительному сохранению украинского языка и культуры.

Кроме того, украинцы проживали также в станице Прохладной и некоторых соседних населенных пунктах, которые были присоединены к Кабардино-Балкарии только в 1932 г. В результате этого численность русских и украинцев значительно выросла. Увеличению ее способствовала и продолжавшаяся миграция украинских крестьян на Северный Кавказ. В период коллективизации в

Кабардино-Балкарию начали прибывать беженцы из наиболее пострадавших от голода мест, особенно с Украины. Некоторые из беженцев остались жить в Кабардино-Балкарии, пополнив, таким образом, украинское население республики.

В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР о хлебозаготовках от 14 декабря 1932 г. проводившаяся в предшествующий период «украинизация» ряда районов Северного Кавказа (в первую очередь - Кубани) осуждалась как «легкомысленная» и «небольшевистская». Было решено, в частности, перевести «делопроизводство советских и кооперативных органов «украинизированных» районов, а также все издающиеся газеты и журналы с украинского языка на русский язык,...а также подготовить и к осени перевести преподавание в школах на русский язык»²⁸⁵. С этого времени проживавшие на Северном Кавказе потомки украинских переселенцев XVIII - начала XX вв. автоматически стали считаться русскими. Это было чисто административное решение, не основанное ни на учете этнического самосознания, ни на особенностях языка и культуры восточнославянского населения Северного Кавказа. Едва ли можно согласиться с утверждением, что в 30 гг. большая часть украинцев Северного Кавказа изменила этническое самосознание²⁸⁶. Хотя процесс этнической консолидации постепенно приводил к сближению языка и культуры русского и украинского населения региона, но до завершения этого процесса было еще далеко.

В 20–30 гг. украинский язык еще сохранялся во многих селах (Баксане, Новополтавском, Новоивановском, Кременчуг-Константиновском, Светловодском и других), в станицах Прохладной и Пришибской, на нем же говорила часть жителей станиц Солдатской и Екатериноградской. Кроме языка, сохранялся украинский фольклор, хотя постепенно украинские песни, особенно обрядовые, забывались. Сохранялись различия в обрядности, в частности, календарной. В станице Екатериноградской накануне Рождества дети носили кутью своим родственникам только в той части станицы, где жили потомки украинских переселенцев.

Свадебная обрядность в станицах и селах сокращалась и упрощалась, т.е. исчезали многие из обрядов, отличавшие украинскую свадьбу от русской. В станице Прохладной украинское

название свадьбы (весілля) исчезло и появилось русское (свайба). Изменилась и последовательность обрядовых действий в первый день свадьбы. Если раньше после венчания жених и невеста возвращались каждый к себе домой, и только потом жених приезжал за невестой (это особенность украинской свадьбы), то теперь он стал вначале отправляться за невестой, потом вместе с нею – в церковь, после венчания они ехали к жениху. Обряды стали исполняться в той же последовательности, что и в других станицах, где казаки были русскими по происхождению. Но и в станице Прохладной, и во многих селах еще сохранялся такой типичный персонаж украинской свадьбы как світилка (сестра жениха), еще исполнялись украинские свадебные песни. Свадебная обрядность еще не утратила этническое своеобразие.

К 1939 г. официальная численность украинцев в Кабардино-Балкарии сократилась до 11142. Около половины из них (5521человек) проживали в городах²⁸⁷. Остальные были рассеяны небольшими группами по селам и станицам республики. Почти все они переселились на Кавказ в 20–30 гг. Переселенцы более раннего времени и их потомки стали считаться русскими.

В годы войны численность украинцев, как и других народов республики, сократилась. В послевоенный период миграция с Украины на Северный Кавказ возобновилась, хотя и не в таких масштабах, как в прошлом. В то же время численность украинцев сокращалась за счет того, что они ассимилировались русским населением республики. В 1959 г. в Кабардино-Балкарии проживало 8400 украинцев – на 24,6% меньше, чем в 1939 г. Из их числа только 3794 человека или 45,2% считали родным языком украинский, остальные – русский.

В последующие годы численность украинцев увеличивалась за счет миграционных процессов и достигла в 1970 г. 10362, а в 1970 гг. — 12139. Так же, как и русские жители КБР, украинцы были преимущественно горожанами: в 1959 г. — 76,5%, в 1979 г. — 85,3%. В 80 гг. численность украинцев в Кабардино-Балкарии увеличилась незначительно — до 12826.

К концу XX в. жители некогда украинских сел и станиц считали себя русскими, именно эта национальность была записана в их паспортах, но при этом они прекрасно помнили о том, что

их предки переселились на Кавказ с Украины. В станицах Солдатской и Екатериноградской украинский язык был совершенно забыт, но, по словам старожилов, еще их родители говорили по-украински. Язык некоторых пожилых жительниц города Майского (бывшей станицы Пришибской) был скорее украинским, чем русским. Помнили украинский язык и во многих селах (Новоивановском, Новополтавском, Черниговском, Кременчуг-Константиновском, Светловодском). По-украински жители сел говорили между собой, но при этом знали, конечно, и русский язык. Бывая на Украине, они легко общались с местным населением по-украински. При этом все они считались и уже сами себя считали русскими.

В памяти жителей многих сел и станиц сохранялись украинские песни, причем не только в тех селах, жители которых имели украинское происхождение. В ходе массового опроса в ответах на вопрос о русских народных песнях нередко в ответах встречались названия украинских песен – «Распрягайте, хлопцы, коней» или «Несе Галя воду», что вполне естественно, поскольку для значительной части русского населения Кабардино-Балкарии украинский фольклор был родным.

Сохранились некоторые особенности украинской свадебной обрядности и украинская терминология, связанная со свадьбой. Например, такой обычай как осмотр родственниками невесты хозяйства жениха, в некоторых селах (с. Кременчуг-Константиновское) имеет украинское название «розгляд», а в станицах Екатериноградской и Александровской – русское – «печку смотреть»²⁸⁸.

В селении Кременчуг-Константиновском и некоторых других перед свадьбой готовят ризки – конопляные палочки длиной 50–60 см, обернутые полосками теста, нарезанными бахромой. Это типично украинский обычай. В тех селах и станицах, население которых является русским по происхождению, его никогда не существовало и не существует.

В 90 гг. началось сокращение абсолютной численности украинского, как и русского населения республики. В 2002 г. в Кабардино-Балкарии проживало 7592 украинца – на 40,8% меньше, чем в 1989 г. Такое значительное уменьшение их численности вызвано, видимо, сочетанием нескольких факторов: снижением уровня

рождаемости и естественного прироста, миграцией и продолжающимися ассимиляционными процессами. Традиционная украинская культура постепенно исчезала, но профессиональная украинская культура не могла быть усвоена населением Северного Кавказа, потому что оно было полностью оторвано от этой культуры. Жители украинских сел изучали в школе русский язык, но не украинский, изучали русскую литературу, но не изучали украинскую, они не могли слушать украинское радио, смотреть телевидение, читать украинские книги, газеты. Они пользовались средствами массовой информации на русском языке. Вместо украинской они усваивали русскую профессиональную культуру. По мере того как профессиональная культура вытесняла непрофессиональную, русская культура вытеснила украинскую. К настоящему времени этот процесс почти завершен.

В 2002 г. 81,4% украинцев Кабардино-Балкарии проживали в городах. Больше всего их было среди жителей Нальчика – 2876 человек. В г. Прохладном проживали 1564 украинца, в Нарткале – 584, в г. Майском – 551, в Тырныаузе – 298. Сельскими жителями были 1410 украинцев, из них 827 – в Прохладненском районе.

В ходе переписи 2002 г. 1062 русских жителя республики ответили, что владеют украинским языком. Среди них, видимо, многие жители некогда украинских, а ныне русских сел.

Те жители Кабардино-Балкарии, которые официально считаются украинцами, живут небольшими группами во многих селах и городах, что препятствует сохранению национального языка и культуры. Для поддержки народных традиций создан украинский культурный центр «Днипро».

Этнокультурная граница между русскими и украинцами в Кабардино-Балкарии оказалась легко преодолимой. В XX в. не отдельные люди, а многие тысячи украинцев пересекли ее и превратились в русских. Главную роль в этом процессе сыграла политика государства, которое своей властью объявило потомков украинских переселенцев на Северном Кавказе русскими. Это решение было подкреплено соответствующими документами и записью в паспорте. Постепенно и сами бывшие украинцы тоже стали считать себя русскими. Этому, бесспорно, способствовала

близость языка и культуры восточнославянских народов. Однако это не привело к исчезновению этнокультурной границы между русскими и украинцами в Кабардино-Балкарии. Только теперь украинцами стали считаться лишь те, кто переселился на Северный Кавказ в советский период. Но и они переживают похожие процессы. Будучи оторванными от Украины, они постепенно забывают родной язык и культуру и многие из них во втором-третьем поколении начинают считать себя русскими.

2.3. Русские, кабардинцы и балкарцы: динамика этнокультурных границ

2.3.1. Социально-политические и этнокультурные трансформации (1917–1945 гг.)

Февральская революция 1917 г. дала народам России всеобщее и равное избирательное право. Были отменены сословные, национальные и религиозные ограничения. Это породило у народов Кавказа, и особенно у интеллигенции, надежду на скорое прекращение межнациональных противоречий и конфликтов, основной причиной которых они считали политику царизма. Теперь же можно было рассчитывать на мир и дружбу между народами Северного Кавказа и русскими жителями региона. Особенно ярко эти надежды выразил балкарский просветитель Басият Шаханов: «Старое правительство, раздавив нашу и казачью свободу, в своем правлении пошло далее, оно оскорбило как горцев, так и казаков, натравливая казаков на горцев и горцев на казаков. Была пущена в ход система недоверия. Но теперь все рухнуло, все изменилось. Русская революция стерла все старое, не стало ни казаков, ни горцев, есть русские свободные граждане» 289.

Б. Шаханов предлагал предоставить народам Кавказа наиболее широкое самоуправление, автономию. Для этого необходимо было, по его плану, «всем горским племенам Кавказа организоваться в могучий союз для совместного отстаивания в Учредительном собрании автономного их устройства и создания Всероссийского союза таких автономий, или федеративной демократической республики» 290 .

Однако эти надежды не оправдались. Началась гражданская война, межнациональные противоречия обострились и вылились даже в кровопролитные столкновения.

В годы гражданской войны активную роль в общественной и политической жизни Северного Кавказа играл 3. Даутоков-Серебряков. Не только его деятельность, но и его личность представляет большой интерес для изучения проблемы этнокультурных границ. Он был моздокским кабардинцем, был воспитан в православии, несколько лет служил в Терском казачьем войске. Но, ни христианская религия, ни казачья служба не изменили его этническую идентичность. Во время первой мировой войны он перешел из Терского войска в Кавказскую конную («дикую») дивизию, а в 1917 г. вернулся к религии своих предков – исламу²⁹¹. Он не только осознавал себя кабардинцем, но даже претендовал на роль национального лидера. В 1918 г. Серебряков пытался создать националистическую партию «Свободная Кабарда» и опубликовал ее программу, первый пункт которой гласил: «Кабарда должна устраивать свою жизнь на основе самоопределения, без угрозы штыков». Кроме окружного народного Совета в Кабарде создавался «национальный Кабардинский Совет для дел чисто кабардинских». Тем самым кабардинцы получили бы особый орган власти. Красную армию планировалось распустить, а вместо нее создать «национальное войско». В программе уделялось внимание и русскому населению: «Все русские села, хутора и слобода Нальчик должны быть разоружены. Оружие им должно быть оставлено в количестве, необходимом для самообороны... Всеми сельскими обществами должна быть выдана подписка, что впредь они самолично обязуются не выступать ни на чьей стороне без согласия кабардинского народа. Жизнь и имущество иногородних должны защищаться всей Кабардой»²⁹².

Примечательно, что казачьи станицы в программе не упоминаются. Возможно, их не планировалось включать в состав Кабарды, как не входили они долгое время и в состав Нальчикского округа. В антибольшевистской борьбе казаки были фактически союзниками Серебрякова. Программу партии «Свободная Кабарда» он

опубликовал в станице Солдатской, здесь же из кабардинцев формировался вооруженный отряд под его командованием.

Серебрякову не удалось осуществить свои планы, но его отряд несет ответственность за погромы и убийства мирных жителей нескольких русских сел (Баксанское) и хуторов (Александровский, Петропавловский, Отпанова, Гробовец и др.)²⁹³. Жителям этих поселений пришлось покинуть свои дома и искать убежища в соседних станицах.

Еще не окончилась гражданская война, когда в октябре 1920 г. ЦК РКП(б) принял постановление об образовании на Северном Кавказе двух автономных республик – Горской и Дагестанской. Принимая такое решение, партия руководствовалась, в первую очередь, стремлением упрочить советскую власть в регионе. Уже через год после этого Кабарда, а затем и Балкария выделились из состава Горской республики. В 1922 г. была создана Кабардино-Балкарская автономная область.

Создание автономии кабардинцев и балкарцев способствовало укреплению этнокультурных границ. В прошлом этническая идентичность как кабардинцев, так и балкарцев не была однозначной. Кабардинцы, как об этом свидетельствует их самоназвание, прекрасно осознавали свое родство с другими группами адыгов. Многие компоненты традиционной культуры объединяли балкарцев с карачаевцами. Кроме того, для балкарцев большое значение имела самоидентификация по отдельным ущельям, а кабардинцы не забывали о политических (в прошлом) и культурных границах между Большой и Малой Кабардой. С созданием автономной Кабардино-Балкарии было официально признано существование кабардинцев и балкарцев как отдельных народов, а прочие идентичности становились неактуальными. Жители Большой и Малой Кабарды и в настоящее время считаются единым народом, а другие группы адыгов в состав этого народа не входят, т.е. они отделены от кабардинцев не только административными, но и этническими границами. Балкарцами считаются жители 5 ущелий (Баксанского, Чегемского, Черекского, Хуламского и Безенгиевского). А карачаевцы - отдельный народ. Создание национальных автономий на Северном Кавказе привело к большей четкости и однозначности этнических границ в регионе.

Советский режим, стремившийся к тотальному контролю всех сторон жизни, пытался контролировать и этничность. Этническая принадлежность регистрировалась в многочисленных документах. Во всех анкетах обязательно имелась графа «национальность». Тем самым «советскому населению опосредованно внушалось представление о том, что этничность - обязательный, сущностный признак всех без исключения людей, имеющий ключевое значение»²⁹⁴. Когда в 1932 г. были введены внутренние паспорта, то никаких сомнений относительно необходимости записывать в них национальность, не было. Наличие этой графы укрепило представление о том, что «национальная идентичность является примордиальной и унаследованной»²⁹⁵. Окончательно утвердилось это положение в 1938 г., когда проводились первые репрессии по национальному признаку. НКВД приняло постановление о том, что национальность человека будет определяться по национальности его родителей, чтобы никто из числа репрессированных народов не мог избежать своей участи, поменяв национальность 296.

Создание автономии Кабардино-Балкарии означало, что русские жители области оказались в положении национального меньшинства. В 1924 г. в Кабардино-Балкарии был образован Прималкинский район, большую часть жителей которого составляли русские. В 1925 г. «в целях создания для национальных меньшинств таких условий, которые способствовали бы развитию и росту их хозяйств, поднятию их культурного уровня и максимальному вовлечению в советское строительство» Пленум ЦИК Кабардино-Балкарской автономной области постановил выделить 3 казачьи станицы в отдельную административную единицу – Казачий район²⁹⁷. В своем выступлении по этому поводу Б.Э. Калмыков, тогдашний председатель облисполкома, сказал: «Казачество не является чужим народом, вклинившимся в наши земли, а есть частица нашей области... Надо будет организовать немедленно Казачий ревком и торжественно открыть Казачий округ на Котляревской. Надо дать им возможность самоуправляться и наряду с этим помочь им средствами. Пусть об этом нашем самостоятельном Казачьем округе по всему Северному Кавказу говорят» ²⁹⁸. Такой энтузиазм Калмыкова по отношению к Казачьему округу объясняется, возможно, тем, что незадолго до того был создан Сунженский округ, в состав которого вошли несколько терских станиц. Если бы казаки станиц Пришибской, Котляревской и Александровской захотели присоединиться к этому округу, территориальная целостность автономной области была бы нарушена, Малая Кабарда была бы отделена от Большой. Калмыков, судя по всему, стремился предотвратить подобное развитие событий, поэтому он в своей речи подчеркивал связь казачества с Кабардино-Балкарией. Но уже в 1928 г. Сунженский округ был упразднен, входившие в его состав станицы были присоединены к национальным автономиям. Казачий округ в Кабардино-Балкарии также прекратил свое существование, он был слит с Прималкинским округом.

После создания Кабардино-Балкарской автономной области, в ней, как и в других национальных образованиях, проводилась политика «коренизации». Она означала подготовку и переподготовку национальных кадров, издание на национальных языках литературы, учебников, газет. Одним из направлений «коренизации» был перевод делопроизводства в учреждениях на национальные языки. Планировалось, что в пределах сельсоветов делопроизводство будет вестись на языках соответствующих национальностей, а в областных органах – на трех языках: русском, кабардинском и балкарском²⁹⁹.

Выполнению этой задачи препятствовало, прежде всего, почти полное отсутствие людей, умевших читать и писать по-кабардински и по-балкарски. Как отмечалось в документах комиссии по коренизации, «подавляющее число националов, даже работающих в областных учреждениях, не знают ни чтения, ни письменности на родном языке. Руководящие работники сельсоветов не знают не только своего чтения, письменности, но в подавляющем большинстве умеют только подписаться на русском языке». Кроме того, отмечалось, что кабардинский и балкарский языки можно было использовать лишь в местном делопроизводстве, а «в сношениях с соседними административными единицами должен явиться основным – русский язык, как и в сношениях с вышестоящими советскими органами» 300.

Если верить отчетам, то, несмотря на все трудности, в 1936 г. во всех кабардинских и балкарских сельских советах все дела велись

только на родных языках³⁰¹. Однако именно в этом году кабардинская, а затем и балкарская письменность были переведены с латинской графики на кириллицу. В связи с этим изучение грамоты на этих языках приходилось начинать заново.

План создания кабардинской и балкарской советской элиты осуществлялся значительно успешнее, хотя и для него основным препятствием являлось недостаточное количество образованных кабардинцев и балкарцев. Как говорил Б.Э. Калмыков, «из безграмотных людей аппарат иметь нельзя, а для того, чтобы культурно поднять сельское хозяйство и промышленность и создать аппарат, для этого необходимо хотя бы на первое пятилетие иметь грамотного председателя, грамотного секретаря сельисполкома, грамотного секретаря сельской ячейки, грамотного кооператора, грамотного учителя, заведующую женотделом и т.д.» 302. Найти для каждого кабардинского и балкарского села хотя бы по 6-7 грамотных людей было сложной задачей, но по мере ликвидации неграмотности она успешно решалась. Уже в 1928 г. большинство руководящих работников учреждений являлись «представителями основных национальностей коренного населения», что давало возможность кабардинцам и балкарцам общаться с ними на родном языке³⁰³. К 1934 г. в Ленинском учебном городке в Нальчике было подготовлено более 6 тысяч руководящих работников³⁰⁴. Существовали специальные курсы коренизации, на которых обучались исключительно кабардинцы и балкарцы. На этих курсах готовили секретарей областных и районных учреждений, счетоводов, машинисток, стенографисток, бухгалтеров. Председатели сельских советов и их заместители тоже проходили переподготовку на курсах 305 .

Среди руководящих работников исполкомов Советов всех уровней большую часть составляли кабардинцы и балкарцы. В 1932 г. их было 121 из 161. В то же время среди «исполнителей» (инструкторов, инспекторов, секретарей) большинство составляли русские – 99 из 134³⁰⁶. Во всех областных учреждениях, вместе взятых, работало 703 ответственных руководителя, из которых было 312 кабардинцев и 72 балкарца. Существовал план дальнейшей «коренизации», согласно которому в 1932–1933 гг. еще 47 руководителей областных учреждений подлежали замене

кабардинцами и балкарцами. Из 1219 технических работников областных учреждений 367 также планировалось заменить кабардинцами и балкарцами³⁰⁷. Программа «коренизации», в соответствии с которой право на ту или иную должность зависело от национальной принадлежности, приводила к усилению значимости этничности и этнокультурных границ.

В 1939 г. среди руководящих работников Кабардино-Балкарии всех уровней и всех отраслей хозяйства 34,5% составляли кабардинцы и 10,8% – балкарцы³⁰⁸. Формирование новой, советской, элиты кабардинцев и балкарцев проходило параллельно с репрессиями против старой, дореволюционной элиты. В свою очередь, многие представители новой элиты, в том числе и Б.Э. Калмыков, тоже стали жертвами репрессий.

Еще одним направлением «коренизации» была подготовка «национальных кадров» для промышленности, включая и руководителей, и специалистов, и рабочих. Эта программа согласовывалась с планом индустриализации, осуществлявшимся в СССР в 20–30 гг.

В начале XX в. промышленных предприятий на территории современной Кабардино-Балкарии было очень мало, и они были очень мелкими. Численность рабочих составляла несколько сот человек. Еще в 1927 г. в Кабардино-Балкарии было всего 6 промышленных предприятий и 385 рабочих. Кабардинцы и балкарцы составляли 30% из них³⁰⁹.

В конце 20 гг. начинается развитие промышленности, которое должно было, с одной стороны, ликвидировать экономическую отсталость региона, а с другой – создать многочисленный рабочий класс, который считался основной опорой советской власти. Но в 20–30 гг. индустриализация Кабардино-Балкарии осуществлялась довольно медленно. Промышленных предприятий было еще мало, и численность рабочих оставалась небольшой. В 1932 г. в промышленности и строительстве в Кабардино-Балкарии было занято 4057 человек. Из них только 654 человека или 16,1% являлись «национальными кадрами» 10 ссть большую часть рабочих составляли русские.

В 1939 г. на рабочих специальностях в промышленности, строительстве, на транспорте Кабардино-Балкарии были заняты

6003 человека. Среди них было 743 кабардинца (12,4%) и 139 бал-карцев (2,1%)³¹¹. Большую часть рабочих по-прежнему составляли русские. В еще большей степени это касалось инженерно-технических сотрудников: из общего числа инженеров (241) было только 2 кабардинца и 1 балкарец. Сложилась ситуация, сохранявшаяся долгие годы, когда в промышленности были заняты преимущественно русские. Кабардинцы и балкарцы работали в сельском хозяйстве, а позднее – также в торговле и бытовом обслуживании, т.е. появилась еще одна социальная граница, разделявшая народы Кабардино-Балкарии.

Индустриализация была тесно связана с урбанизацией. Городское население появилось на территории КБР в 1921 г., когда Нальчикская слобода была преобразована в город, центр Кабардинской, а с 1922 г. – Кабардино-Балкарской автономной области. Город очень быстро разрастался. В 1920 г. в Нальчике проживали 7563 человека, в 1926 г. – уже 12893, т.е. на 70% больше. Среди них было 5968 русских, 1472 украинца и 413 белорусов, т.е. они составляли вместе 60,9% населения города. Нальчикская слобода изначально была многонациональным поселением. Кроме восточнославянских народов среди ее жителей значились горские евреи, немцы, армяне, народы Дагестана и др., но было очень мало кабардинцев и балкарцев. После того как Нальчик стал административным центром Кабардино-Балкарской автономной области, их численность начала быстро возрастать. В 1926 г. в Нальчике проживало 866 кабардинцев и 350 балкарцев. В 1936 г., этом городе было уже 39196 жителей, т.е. втрое больше, чем в 1926 г. Из них 25200 человек, или 64,3%, были русскими. Значительно увеличилась и численность других народов, населявших Нальчик, особенно кабардинцев (до 4468 человек) и балкарцев (до 1493).

В 1937 г. на территории Кабардино-Балкарии, преобразованной в автономную республику, появился второй после Нальчика город – Прохладный. Он объединил станицу Прохладную и одноименный поселок при железнодорожной станции. Большую часть жителей нового города также составляли русские. В конце 30-х гг. началось промышленное освоение горных районов республики, где появились новые поселки.

В 1939 г. в КБАССР было 2 города и 6 рабочих поселков, где проживал в общей сложности 94841 человек³¹². Урбанизация в Кабардино-Балкарии значительно опережала индустриализацию. Горожане составляли 23,6% всего населения республики. В большинстве своем они были русскими. Почти половина русского населения республики (49,5%) в 1939 г. проживала в городах. В то же самое время среди кабардинцев было всего 3,5% горожан, среди балкарцев – 2,1%³¹³. К этому времени четко обозначилась еще одна новая граница между русскими с одной стороны и кабардинцами и балкарцами – с другой. Среди первых было много горожан, вторые были преимущественно сельскими жителями. И подобное положение сохранялось на протяжении нескольких десятилетий.

В городе создавались совершенно иные, чем на селе, условия для развития национальной культуры и для функционирования этнокультурных границ. В город съезжались выходцы из разных местностей, с разными культурными традициями. В городе люди разных национальностей жили рядом, нередко вместе работали, часто контактировали друг с другом. Кроме того, в город чаще переезжала молодежь, а старики, хранители традиций, обычно оставались в селах. В результате всего этого в городе традиционная культура разрушалась значительно быстрее, чем на селе. Забывались старинные обычаи, обряды, песни. Вместо них появлялись новые формы культуры, как материальной, так и духовной. Постепенно изменялись планировка и интерьер жилища, домашняя утварь и пища. Одежда все больше подчинялась влиянию городской моды. В городе уровень образования жителей был всегда выше, чем на селе. В городе раньше появились и получили более широкое распространение средства массовой информации – газеты, радио. В полной мере эти тенденции проявятся в последующие периоды, но благодаря тому, что русские значительно раньше, чем кабардинцы и балкарцы, втянулись в процесс урбанизации, трансформация традиционных форм культуры у русских происходила более быстрыми темпами.

Село в 30 гг. также претерпело коренные социально-экономические трансформации. Ленинский план кооперации сельского хозяйства осуществился в виде коллективизации на рубеже

20–30 гг. Коллективизация сопровождалась «раскулачиванием», в ходе которого были высланы за пределы Кабардино-Балкарии сотни крестьянских семей. Часть крестьян, отнесенных к кулачеству, бежала из родных мест, не дожидаясь выселения. Некоторые из крестьян уезжали в города, не желая вступать в колхоз. Быстрая урбанизация Кабардино-Балкарии во многом явилась следствием коллективизации.

Коллективизация означала переход от мелких крестьянских к крупным сельскохозяйственным предприятиям. Этот процесс затронул все села республики, независимо от этнического состава их населения. Социальная структура сельского населения у всех народов становилась однотипной. Унаследованные от прошлого особенности общественного строя постепенно нивелировались.

Коллективизация оказала непосредственное влияние и на материальную культуру крестьянства, особенно на планировку усадьбы. После коллективизации стали ненужными многочисленные хозяйственные постройки, находившиеся раньше в крестьянской усадьбе – амбары, навесы для плугов и другой сельскохозяйственной техники, сараи и т.д. И зерно, и вся техника теперь хранились в колхозе. Стал ненужным и специальный скотный двор – скота у колхозников осталось мало. Приусадебный участок опустел, его стали занимать под сад, огород, чего раньше не делали. В той или иной мере эти изменения затронули все народы республики. Планировка приусадебного участка у русских и кабардинцев постепенно сближалась.

Если раньше крестьяне готовили пищу и питались только в кругу своей семьи (если не считать праздники), то теперь во время полевых работ в колхозе организовывались столовые, где колхозники питались все вместе. С этого времени начинается влияние колхозной кухни на пищу сельского населения. Коллективизация повлияла и на внутрисемейные отношения. Потеряв свое хозяйство, глава семьи постепенно стал терять и свою власть в доме. Женщины стали работать в колхозе наравне с мужчинами, стали зарабатывать (хотя долгое время колхозники работали «за палочки»). Вовлечение женщин в общественное производство способствовало повышению их социального статуса и изменению их положения в семье, делало их более

независимыми. В некоторых селах стали появляться детские сады, детские площадки.

Другими становились и отношения между старшими и младшими в семье. Раньше авторитет родителей был непререкаемым, их слово было законом для детей. Власть старших в семье поддерживалась общиной и государством. Новое же государство стремилось привлечь к себе в первую очередь молодежь. На стариков стали смотреть, как на людей темных, отсталых. Раньше всего эти изменения происходили в русских селах и станицах, но постепенно они стали затрагивать также кабардинцев и балкарцев.

Коллективизация вносила изменения во все стороны жизни, но в 30 гг. эти тенденции только начали проявляться. Традиционные формы культуры постепенно начинают вытесняться более современными, зачастую не имеющими столь явных этнических особенностей, что со временем могло привести к размыванию этнокультурных границ.

Ленинский план построения социализма наряду с индустриализацией и кооперацией сельского хозяйства включал в себя и культурную революцию. Большое значение придавалось развитию народного образования. Уже в 20-х гг. развернулась активная работа по ликвидации неграмотности. В 1920 г. среди русских мужчин Нальчикского округа (за исключением Нальчика) старше 14 лет грамотных было 56,5%, среди женщин – намного меньше – 24,5%. В Нальчике грамотных было относительно больше: 69,9% мужчин и 51,4% женщин. Уровень грамотности кабардинцев и балкарцев был значительно ниже – соответственно 2,1% и 0,9%314. Часть из них умела читать и писать по-русски, другая – владела арабской грамотой. Баксанские просветители обучали детей родному языку, но их учеников было очень мало. Задача культурной революции заключалась, в частности, в том, чтобы ликвидировать разрыв в уровне образования народов страны. К концу 30 гг. эта проблема в значительной степени была решена. В 1939 г. уровень грамотности русского населения Кабардино-Балкарии составлял 88,2%, кабардинцев – 63,3%, балкарцев – 62,7%. Среднее образование имели 20880 жителей республики, среди них 4801 кабардинец и 1252 балкарца, высшее - 1483 человека, в том числе всего 158 кабардинцев и 46 балкарцев³¹⁵. По количеству специалистов с высшим образованием еще сохранялось очень заметное отставание кабардинцев и балкарцев. Поэтому большую часть специалистов в республике составляли русские. Из 104 ученых и преподавателей ВУЗов было всего 11 кабардинцев и 3 балкарца, из 183 врачей – 11 кабардинцев и 1 балкарец. И только среди учителей (2910) было много кабардинцев – 930 и балкарцев – 230. Очевидно, что большая часть из них не имела высшего образования, но сам факт подготовки учителей из числа коренных народов имел большое значение для развития системы образования в Кабардино-Балкарии. Эти учителя могли преподавать родной язык, они могли преподавать ряд предметов на кабардинском или балкарском языке, что было очень важно в тот период, когда большая часть школьников в кабардинских и балкарских селах не знала русский язык или знала его плохо.

Подготовке учителей из числа кабардинцев и балкарцев придавалось большое значение буквально с первых месяцев существования автономной области. Учителя, исходя «из практических задач», должны были знать и преподавать детям как родные, так и русский языки. Ненужным признавался арабский как язык религии. По этому поводу Б.Э. Калмыков говорил на съезде Советов КБАО: «Чтобы купить билет на вокзале, арабским языком не обойдешься. Поэтому в основу обучения мы должны положить интернациональный для нашей области русский язык и родные языки – кабардинский и балкарский, а не арабский, который используется муллами только в целях пропаганды религии» 316.

Изучение кабардинского и балкарского языков в школах началось в 1924 г. Тогда же были созданы алфавиты для этих языков на основе латинской графики (в 1920 г. на государственном уровне были утверждены алфавиты на основе арабской графики). В 1936 г. было принято решение о переводе кабардинской письменности с латинской графики на кириллицу. Кабардинский язык стал первым из языков народов СССР, который был официально делатинизирован. Инициатором этого шага явился Кабардино-Балкарский обком партии, который принял соответствующее решение и обратился в ЦК партии с просьбой одобрить его³¹⁷.

Одновременно в школах Кабардино-Балкарии изучали и русский язык. Еще в 20 гг. практически во всех школах в кабардинских и балкарских селах работали русские учителя. Это давало возможность школьникам приобщаться к русскому языку. В 1938 г. было принято постановление об обязательном изучении русского языка в школах союзных и автономных республик. Как и Б.Э. Калмыков, руководители партии и правительства исходили при этом из соображений практической пользы. Русский язык должен был стать языком межнационального общения в СССР, способствовать экономическому и культурному развитию народов страны. Предполагалось также, что он поможет «национальным кадрам» приобщиться к специальным и научным знаниям. И, наконец, русский язык был необходим для успешной службы в Красной армии³¹⁸.

Интерес к русскому языку среди кабардинцев и балкарцев возрастал в связи с тем, что знание его открывало дорогу к высшему образованию и к успешной карьере. В 20–30 гг. еще сохранялся обычай среди кабардинцев отдавать детей на воспитание в русское село или станицу, где они могли в совершенстве изучить русский язык, что потом помогало им преуспеть в жизни. Постепенно кабардинцев и балкарцев, знающих русский язык, становилось все больше. Согласно материалам переписи населения 1939 г., 1526 кабардинцев и 332 балкарца считали русский язык своим родным языком³¹⁹.

Важной задачей советской школы являлось воспитание детей в духе коммунистической идеологии. Б.Э. Калмыков говорил: «Мы ни на одну минуту не должны забывать о том, что мы формируем нового кабардинца, нового балкарца» (Кроме школы этим занимались средства массовой информации — газеты, радио, которые постепенно входили в жизнь народов КБР. С 20-х гг. получила распространение также культурно-массовая работа. Появились первые клубы, избы-читальни. Впервые появились люди, профессионально занимавшиеся организацией народного досуга. Появились новые формы проведения досуга — лекции, кино, художественная самодеятельность.

Тогда же в республике начали отмечать новые советские праздники, такие, как 7 Ноября – День Октябрьской революции, 1 Мая – День международной солидарности трудящихся и другие. Появились не существовавшие ранее способы проведения праздников – демонстрации трудящихся, торжественные собрания. Официальная часть новых праздников тщательно готовилась,

организовывалась сверху. С течением времени праздники стали широко отмечаться в городах, а затем и в селах. Если традиционные праздники и обряды имели ярко выраженную этническую окраску, то новые были общими для всех народов республики.

К народной культуре, к обычаям и обрядам народов Кабардино-Балкарии советская власть относилась с подозрением. Правда, некоторые из них считались полезными традициями, но другие объявлялись пережитками прошлого, с которыми следовало бороться. Руководители автономной области, а затем республики считали «необходимым коренным образом переделать кабардинский и балкарский быт, обычаи, традиции. Все, что есть красивого в кабардинской и балкарской жизни, что современно и красиво, – все это надо оставить, а все то, что тормозит культуру, мешает осуществлению равноправия женщин, надо отбросить» 321.

Одним из «пережитков», с которым государство вело особенно ожесточенную войну, была религия. В 20–30 гг. были закрыты мечети и почти все церкви. Религия стала играть в жизни народов Кабардино-Балкарии значительно меньшую чем раньше роль. Но религия в прошлом влияла на многие стороны жизни народов. Семейные отношения регулировались религиозными нормами, оформление брака и похоронно-поминальный комплекс, как у христиан, так и у мусульман, включали в свой состав религиозные обряды. И даже материальная культура испытывала на себе воздействие религии. С ослаблением религиозности изменялись различные компоненты традиционной культуры. Значение религиозных барьеров уменьшилось. Это выразилось в росте числа межнациональных браков – русско-кабардинских, русско-балкарских, которые в прошлом были большой редкостью.

В советское время особый язык и национальная культура считаются важнейшими признаками народа. В 20 гг. начинается систематическое изучение языка, фольклора, истории, материальной культуры кабардинцев и балкарцев, для чего в 1926 г. в Нальчике создается специальный научно-исследовательский институт. Народную музыку, песни, танцы не только изучают, но и пытаются сохранить в новых условиях: они входят в репертуар профессиональных музыкантов, певцов, танцоров. Это отчасти позволяет им сохранять функции этнического маркера, несмотря

на то, что процессы урбанизации, коллективизации приводят к постепенному сокращению ареала их бытования.

В 1933 г. был создан Кабардино-Балкарский ансамбль песни и танца, в репертуар которого входили национальные танцы. В 1939 г. был создан Кабардинский, а в 1940 г. – Балкарский хор. Вскоре они были объединены.

При поддержке государства и под его контролем создается и развивается советская кабардинская и балкарская литература, изобразительное искусство, музыка, театр. Большое влияние на них оказало русское искусство. В 1935 г. в ГИТИСе были открыты кабардинская и балкарская студии, а в 1940 г. были созданы Кабардинский и Балкарский театры. В 30 гг. в Кабардино-Балкарии начинают издаваться литературно-художественные альманахи на русском, кабардинском и балкарском языках, появляется отделение Союза писателей СССР. В состав первого бюро художников Кабардино-Балкарии входили художники, приехавшие из разных концов страны. Они же преподавали будущим кабардинским и балкарским художникам³²².

Профессиональная культура и искусство тоже начинают играть роль этнического маркера. Советское государство, говоря словами Т. Мартина, способствовало развитию неполитических смыслов этнической идентичности, но в то же время боролось с национализмом и всеми попытками политизации этничности³²³.

Проходившие в 20–30 гг. процессы трансформации социальной структуры и культуры народов СССР были прерваны войной. Она привела к уменьшению численности населения, к разрушению материальной культуры. Совместное участие в боевых действиях, самоотверженная работа в тылу ради победы объединила все народы страны. Депортация нескольких народов Кавказа, в том числе и балкарцев, напротив, разъединила их. Уже тот факт, что людей выселяли исключительно по национальному признаку, показал, какое большое значение имели в тот период этнические границы, и сделал их еще более прочными. Влияние этого события на межнациональные отношения сохраняется на протяжении многих лет. Балкарцы на долгое время оказались оторванными от других народов республики. Процесс модернизации их культуры протекал в особенно сложных условиях.

2.3.2. Советское общество: динамика и итоги социального и этнокультурного развития (конец 40-х – 80 гг.)

Для кабардинцев и русских жителей региона послевоенный период и 50 гг. были временем быстрого социально-экономического и культурного развития. Продолжался процесс урбанизации. Вскоре после окончания войны численность городского русского населения республики достигла довоенного уровня и превзошла его. Численность русского сельского населения республики в первые послевоенные годы не только не увеличивалась, но даже уменьшалась. Только в 50-х гг. она начала медленно возрастать, но никогда больше не достигала довоенного уровня. Русское население Кабардино-Балкарии становилось все более урбанизированным. В 1959 г. уже 70,9% русских проживали в городах и поселках. Среди кабардинцев и незадолго до этого вернувшихся на родину балкарцев тоже стало больше горожан, (соответственно 12,1% и 13,8%). Но если русские в большинстве своем проживали в городах, то кабардинцы и балкарцы оставались преимущественно сельскими жителями.

По сравнению с довоенным периодом резко вырос уровень образования русских жителей Кабардино-Балкарии. В 1957 г. в республике работали 5243 специалиста с высшим образованием. Из них русских было 3145 человек или 60%. Специалистов со средним специальным образованием было 6915, из них русских – 4415 (63,8%). К 1962 г. численность специалистов с высшим образованием в республике увеличилась до 8005. Из них русские составляли 4324 или 54%. Специалистов со средним специальным образованием было 11782, в том числе 7276 (61,8%) русских 324. В этот период русские составляли большую часть специалистов в республике. Однако прилагались все усилия для подготовки национальных кадров. В связи с этим среди студентов в Кабардино-Балкарии в 1960/61 учебном году русские составляли только 28,4% 325, хотя среди жителей республики, согласно переписи населения 1959 г., русских было 38,7%.

В60-80 гг. процесс урбанизации русского населения Кабардино-Балкарии продолжался, хотя и замедлился по сравнению с предшествующим периодом. В 1989 г. 83,1% русских были городскими жителями. Урбанизация кабардинцев и балкарцев сохраняла высокие темпы. В 1989 г. в городах проживали 43,1% кабардинцев и 58,7% балкарцев, но они все еще отставали от русских по этому показателю.

Продолжался также и процесс индустриализации. В 50–60 гг. в республике были построены крупные промышленные предприятия машиностроения, приборостроения. Значительно увеличилась численность рабочих, в том числе среди кабардинцев и балкарцев. Однако сохранялись различия в отраслевой структуре занятости народов Кабардино-Балкарии. Так, на промышленных предприятиях работало 34,56% русских жителей КБАССР и значительно меньше кабардинцев (26,75%) и балкарцев (23,92%). В торговле и общественном питании были заняты 7,95% кабардинцев, 7,04% балкарцев и только 4,40% русских³²⁶.

Профессиональный состав также не был одинаковым. Не очень большими были различия в проценте научных работников, преподавателей, воспитателей: 6,1% у кабардинцев, 6,2% у балкарцев и 5,7% у русских. Но инженерно-технических специалистов среди русских (11,1%) было значительно больше, чем у кабардинцев (5,5%) и балкарцев (5,3%)³²⁷, что соответствовало различиям в отраслевой структуре занятости. Социальная структура народов республики сближалась, хотя и не стала одинаковой.

Значительно улучшилось знание русского языка кабардинцами и балкарцами. В 1989 г. 78,6 % кабардинцев и 82,5% балкарцев свободно владели русским языком, а 1,1% кабардинцев и 1,4% балкарцев назвали русский своим родным языком. В то же время русские жители Кабардино-Балкарии, за редким исключением, ни кабардинского, ни балкарского языков не знали. По данным переписи 1989 г., из 240,8 тысячи русских, проживавших в КБАССР, только 1185 свободно владели кабардинским языком и 227 – балкарским языком 328. Это менее одного процента русского населения республики. В таких городах как Баксан или Терек, где большая часть населения – кабардинцы, доля русских жителей, знавших кабардинский язык, была выше, чем в Нальчике, Прохладном или русских селах. Еще выше она была среди русских жителей кабардинских и балкарских сел.

К концу XX в. от традиционной материальной культуры сохранилось очень немногое. Не говоря уже о городах, многие села к этому времени изменили свой облик. Все новое строительство велось согласно генеральным планам, составленным городскими или районными архитекторами. В селах строились общественные здания: сельсоветы, правления колхозов, школы, клубы. Их архитектура не отражала национальные традиции и была во всех селах однотипной. Жилые дома также строились по типовым проектам. И только в старых постройках 20–30 гг. сохранялись какие-то национальные особенности. И в селах, и в городах дома и квартиры были обставлены обычной мебелью фабричного производства, одинаковой для всех народов. Старые элементы интерьера отчасти сохранялись только в домах пожилых людей.

Одежду часто приобретали в магазинах, и изготовлялась она на одних и тех же фабриках для всех народов. Традиционная одежда не только у русских, но и у кабардинцев и балкарцев вышла из употребления. Даже среди старшего поколения лишь единицы носили те или иные старинные вещи. Во время опроса 1973 г. выяснилось, что 56,7% кабардинцев и 29,7% балкарцев не знали или плохо знали, из каких предметов состоял их национальный костюм³²⁹.

Что же касается пищи, то в XX в. у всех народов Кабардино-Балкарии ассортимент используемых продуктов и блюд значительно расширился и обогатился, но и традиционная национальная кухня отчасти сохранилась. Так, в 70 гг. в 70% кабардинских и 73,8% балкарских семей систематически готовили национальные блюда, а почти во всех остальных семьях их готовили хотя бы изредка³³⁰.

У русских жителей КБР также сохранялась большая часть блюд, существовавших в прошлом, но наряду с ними появились новые кушанья, заимствованные у других народов. Некоторые из них (например, плов) стали настолько привычными, что воспринимались уже как исконно русские.

Материалы массового опроса русского населения, проведенного в 1987 г., показывают также, что многие русские жители республики в той или иной степени были знакомы с национальной кухней кабардинцев и балкарцев. Хуже ее знали жители русских сел и таких городов, как Прохладный и Майский, лучше – жители

Нальчика. Кабардинскую кухню хорошо знали также русские жители кабардинских сел. В Нальчике большая часть опрошенных могла назвать те или иные кабардинские или балкарские блюда, а во многих семьях их также и готовили. Но из всего многообразия кабардинской национальной кухни большинству опрошенных были известны одно-два блюда, чаще всего гедлибже, лакумы, паста. Из балкарской кухни большинство знало только хычины.

Повышение уровня образования населения КБР позволило ему активно приобщаться к современной духовной культуре: читать книги, газеты, журналы, бывать в театрах, слушать классическую музыку. К концу XX в. кабардинские и балкарские писатели создали много литературных произведений, существовал национальный театр, профессиональная музыка. Наряду с национальной, кабардинцы и балкарцы были знакомы также и с русской, и с мировой культурой. В кабардинских и балкарских селах среди любителей чтения было меньше половины тех, кто читал только своих национальных писателей. Большинство читало также и русских, и других советских писателей, а некоторые даже читали только их³³¹. В городах же читателей только национальной литературы было еще меньше. При этом 44,6% горожанкабардинцев даже произведения своих национальных писателей читали по-русски. Но только 6% кабардинцев и 10% балкарцев, проживающих в городах, были совершенно незнакомы с национальной литературой. Все остальные могли назвать имена национальных писателей³³².

Большая часть опрошенных в 1987 г. городских русских жителей Кабардино-Балкарии тоже смогла назвать имена кабардинских и балкарских деятелей культуры, хотя ответы и были довольно однообразны. Так, из кабардинских писателей знали только двух – А. Шогенцукова и А. Кешокова из балкарских – одного К. Кулиева. Другие имена в ответах почти не встречаются. Из других деятелей искусства знали Ю. Темирканова. Имена кабардинских и балкарских композиторов называли редко, ученых – еще реже.

Что касается традиционной духовной культуры кабардинцев и балкарцев, многие из русских жителей Кабардино-Балкарии имели и о ней какое-то представление. Они читали или слышали

сказания о нартах, но далеко не все могли назвать имена героев этого эпоса. Кабардинские или балкарские сказки не знал почти никто из опрошенных. Впрочем, было бы удивительно, если бы они их знали, потому что на русском языке кабардинские и балкарские сказки издавались очень редко. Восприятию кабардинских и балкарских песен мешает незнание этих языков, поэтому мало кто мог назвать кабардинские или балкарские песни, и то в большинстве случаев современные, а не народные.

Гораздо лучше обстояло дело с танцами, для понимания которых не требуется знания языков. Большая часть опрошенных могла назвать хотя бы один кабардинский или балкарский танец, чаще всего – кафу, реже – удж, исламей. В целом же кабардинскую и балкарскую традиционную культуру русское население республики знало хуже, чем русскую.

Семья и семейный быт всех народов Кабардино-Балкарии в советское время претерпели большие изменения. Размер семьи постепенно уменьшался, уровень рождаемости снижался. В 70 гг. даже у проживавших в селах кабардинцев и балкарцев самым распространенным типом семьи была так называемая нуклеарная семья, состоявшая из супружеской пары с неженатыми и незамужними детьми. Больших семей, включавших в свой состав несколько супружеских пар с детьми, в кабардинских селах было только 10,1%, в балкарских – $8,1\%^{333}$. Еще меньше таких семей было в городах, а также в русских селах республики. Изменялись и внутрисемейные отношения. Женщины получали образование, работали наравне с мужчинами. Их авторитет в семье сильно вырос по сравнению с предшествующим периодом, хотя в этом отношении сохранялись различия между отдельными народами республики, а также между городскими и сельскими жителями.

Как показывают результаты массовых опросов русского населения, главой семьи, даже городской, в большинстве случаев считался мужчина. Но наряду с этим были семьи, которые возглавляли оба супруга одновременно, были и такие семьи, которыми руководила жена. Но и в тех семьях, которые номинально возглавлялись мужчиной, важные вопросы во многих случаях решались им совместно с женой. У кабардинцев и балкарцев главой семьи почти всегда считался мужчина. Но в 30,8% сельских кабардинских и 40,8% балкарских семей все важнейшие вопросы жизни семьи муж и жена решали совместно. В городе такие семьи составляли большинство: 62,9% у кабардинцев и 78,3% у балкарцев³³⁴.

Опросы рабочих города Тырныауза показали, что у кабардинцев и балкарцев при определении главы семьи решающую роль играли традиции. По традиции возглавлять семью должен мужчина. Русские же рабочие считали, что, прежде всего, в этом случае нужно учитывать ум и опыт каждого из супругов. Поэтому у них чаще, чем у кабардинцев и балкарцев, семью возглавляла жена или оба супруга вместе³³⁵.

Постепенно уходил в прошлое такой семейный обычай как избегание. Даже в селах, не говоря о городах, большинство кабардинцев и балкарцев считали, что его не следует соблюдать, хотя в большинстве сельских семей он еще соблюдался. Семейный быт кабардинцев и балкарцев сохранял национальные особенности, отличавшие его от обычаев русского населения республики.

О восприятии русскими жителями республики традиционной культуры и быта кабардинцев и балкарцев можно судить также по их ответам на вопрос о том, какие кабардинские или балкарские обычаи они переняли или хотели бы перенять (опрос 1987 г.). Хотя многие, особенно жители сел, затруднялись ответить на этот вопрос, все же было получено достаточно ответов. Они свидетельствуют о том, что опрошенные не видели существенных различий между кабардинской и балкарской культурой. Обычай, о которых идет речь в ответах, одинаково относятся как к кабардинцам, так и к балкарцам и ко многим другим народам Кавказа. Больше всего в обычаях кабардинцев и балкарцев их русским соседям нравилось уважение к старшим, а также гостеприимство. Все другие обычаи упоминаются значительно реже. Среди них - застольный этикет, некоторые свадебные и похоронные обряды, взаимопомощь родственников, национальная солидарность и т.д. Кое-кому пришелся по душе семейный быт народов Кавказа, власть мужчины в доме, но все это – очень редкие ответы. В целом же эти ответы свидетельствуют о том, что у русского населения республики

бытовало представление о большем традиционализме образа жизни кабардинцев и балкарцев.

Похожие результаты были получены при опросе рабочих города Тырныауза. Большинство из них (и русские, и кабардинцы, и балкарцы) ответили, что уважают старших и соблюдают обычай гостеприимства. Но если кабардинцы и балкарцы относили эти обычаи к числу важнейших национальных традиций своих народов, то многие из русских рабочих не считали их русскими традициями³³⁶.

Опрос русского населения КБР 1987 г. также содержал вопрос о том, какие русские обычаи переняли кабардинцы и балкарцы. Чаще всего отвечали, что изменилась их одежда, что они стали готовить русские блюда, что изменился этикет (женщины стали сидеть за столом рядом с мужчинами), что изменилось вообще положение женщины - она стала свободнее, что кабардинцы и балкарцы выучили русский язык, переняли у русских грамотность, культуру. То есть влияние русских обычаев на кабардинскую и балкарскую культуру в большинстве случаев расценивается как положительное или нейтральное. Очень редко отмечаются его отрицательные последствия: некоторые из опрошенных считают, что кабардинцы и балкарцы стали забывать свои обычаи, в частности, то же самое уважение к старикам и гостеприимство. В целом же русское влияние на народы Кавказа понималось как модернизирующее. То есть этнокультурная граница между ними воспринималась как граница между современностью и традиционализмом.

Подобные представления вполне соответствовали советской идеологии, которая основывалась на марксистском учении о классовой борьбе. Движущей силой истории считались социальные конфликты, борьба между угнетателями и угнетенными. Что же касается межнациональных противоречий, то их провоцировали эксплуататоры, желавшие сохранить свою власть над народом. Трудящиеся были заинтересованы в дружбе с другими народами и в совместной борьбе за социальное и национальное освобождение. Считалось неоспоримой истиной, что жизнь всех народов России в прошлом была исключительно тяжелой, и только Октябрьская революция принесла им свободу. Народы Кавказа, в том числе кабардинцы и балкарцы, испытывали гнет

как царизма, так и собственных феодалов и кулаков. Их культурный уровень был крайне низким, что доказывается отсутствием собственной письменности, почти поголовной неграмотностью. Эта схема тиражировалась в научных статьях и монографиях как московских, так и местных авторов: «Полное невежество и бескультурье, эксплуатация и повседневное унижение человеческого достоинства, - вот что было уделом трудящихся Кабарды в течение многих веков. Дикие законы, поддерживаемые царскими колонизаторами и местными князьями-эксплуататорами, делали жизнь народа еще более мрачной и невыносимо тяжелой» 337. Только после революции для них началась новая жизнь, благодаря помощи русского народа: «Спасение пришло с Великой Октябрьской социалистической революцией. Великий русский народ протянул руку братской помощи, помог сбросить вековых угнетателей. Советская власть вывела кабардинский народ на широкую дорогу экономического и культурного процветания» 338.

Как в научной литературе, так и в СМИ, постоянно повторялся тезис о помощи русского народа народам Кавказа в разных сферах жизни: в культуре («могучее влияние на развитие национальной культуры кабардинского и балкарского народов оказала культура великого русского народа» 339); в формировании интеллигенции («неоценимую помощь в подготовке национальной интеллигенции республики оказали квалифицированные русские педагоги, долгие годы работавшие преподавателями в школах и учебных заведениях Кабардино-Балкарии» 340) и рабочего класса («в подготовке национальных кадров для промышленности Кабарды неоценимую помощь оказали русские рабочие и инженерно-технические работники»³⁴¹). Представления о большой помощи русского народа другим народам страны, в том числе кабардинцам и балкарцам, получили широкое распространение, особенно среди русских жителей Кабардино-Балкарии, и во многом определяли их самосознание и отношение к соседним народам.

Считалось, что межнациональные отношения в СССР, в отличие от царской России, основаны на дружбе и взаимной помощи: «В совместной борьбе за Советскую власть сложились дружба и взаимопомощь народов Северного Кавказа, ставшие предпосылками для ликвидации межнациональных раздоров, культивиро-

вавшихся веками царскими властями, духовенством, князьями и буржуазией. В борьбе за общее дело возникла подлинная, бескорыстная дружба народов Северного Кавказа. Перед ними открылся путь совместного созидательного труда во имя строительства социализма и коммунизма»³⁴². Сохранение и укрепление дружбы народов считалось одной из главных задач КПСС и советского государства: «Предоставляя ранее отсталым народам страны национальную автономию и добиваясь ее укрепления и дальнейшего развития, Коммунистическая партия решительно боролась против великодержавного шовинизма и местного национализма. Воспитывала трудящиеся массы в духе пролетарского интернационализма, единства, взаимопомощи и дружбы народов»³⁴³.

Советская концепция истории во многом была противоположна представлениям просветителей. Если они считали далекое прошлое золотым веком, то советские историки видели в нем только отсталость, тяжелую жизнь народа под гнетом эксплуататорских классов. Если баксанские просветители писали о войне с Россией как о причине упадка адыгского общества и культуры, то, с точки зрения советских историков, добровольное присоединение Кабарды к России имело большое прогрессивное значение. Но и тех, и других объединяла надежда на светлое будущее. Просветители связывали ее с распространением образования, а советская идеология – в первую очередь, с советской властью и политикой коммунистической партии, со строительством социализма и коммунизма.

Неудивительно, что на вопрос о важных событиях в истории кабардинцев и балкарцев ответы русских жителей Кабардино-Балкарии были на редкость стереотипными. Большинство опрошенных знало (если вообще знало) только одно такое событие – присоединение к России. Другие ответы буквально единичны.

Что же касается этнокультурных границ, то, как показал массовый опрос русского населения КБР 1987 г., большинство респондентов считало, что национальность человека должна определяться по национальности его отца (63,6%). Во много раз меньшее их число полагало, что национальность определяется не по отцу, а по матери (4,1%). Патриархальные нормы еще сохраняли свою значимость. Еще меньше было тех, кто предлагал учитывать и национальность отца, и национальность матери. Все эти варианты

сходились в том, что этническая принадлежность, так или иначе, наследовалась от родителей. Но были и другие мнения. Довольно значительная часть респондентов полагала, что при определении национальности человека главным должно быть его собственное желание (21,4%). Другие варианты ответа (национальность зависит от языка, на котором говорят в семье, или от места проживания, или от желания родителей) встречались редко.

Очень немногие из опрошенных затруднились ответить на этот вопрос или давали следующие ответы: «Национальность не имеет значения», «был бы человек, нация не имеет значения», «никакой разницы нет, вообще не знаю, почему национальность вписывают в паспорт, человек есть человек».

При этом значительная часть опрошенных считала, что между людьми разных национальностей нет заметных различий.

Те же, кто считал, что такие различия все же существуют, как правило, отмечали в своих ответах несколько из них. Чаще всего – язык, обычаи и культурные традиции. Эти варианты ответа выбрало подавляющее большинство респондентов. Меньше было тех, кто считал этническим маркером религиозные верования или характер и поведение, или внешность.

Представления русских жителей Кабардино-Балкарии об этнокультурных границах вполне согласовывались с научными концепциями советских этнографов. Достаточно вспомнить работы Ю.В. Бромлея в которых утверждалось, что «в повседневной практике при разграничении этносов-народов, как правило, указывают на такие устойчивые и отчетливо внешне выраженные компоненты их культуры, как язык, религия, народное искусство, устное творчество, обычаи, обряды, нормы поведения, привычки и т.п.»³⁴⁴. Сходство очевидно.

2.3.3. Мобилизация этничности, глобализация и этнокультурные границы (конец XX – начало XXI в.)

В конце XX в. русское население Кабардино-Балкарии, как и всю страну, ожидал новый период социально-экономических и

политических трансформаций. Многие промышленные предприятия прекратили работу или резко сократили объемы своего производства. Если в 1990 г. в промышленности было занято 96,3 тыс. человек, то в 1996 г. – только 56,3 тыс. ³⁴⁵. Объем промышленного производства в 1997 г. составлял только 24,1% от уровня 1990 г. Удельный вес промышленности в структуре ВВП упал с 56,9% в 1991 г. до 27,2% в 1995 г. ³⁴⁶.

Поскольку среди русских жителей Кабардино-Балкарии доля работников промышленных предприятий была особенно высока, то именно они в первую очередь пострадали от экономического спада. Экономические трудности в сочетании с нестабильной политической ситуацией на Северном Кавказе заставили часть русского населения покинуть Кабардино-Балкарию.

С 1989 по 2002 гг. численность городского русского населения республики уменьшилась почти на 20 тыс. человек и составила 180,7 тыс. За тот же период, согласно материалам переписи, численность сельского русского населения КБР увеличилась с 40,6 тыс. до 45,9 тыс. человек. Доля горожан в составе русского населения снизилась с 83,1% до 79,8%³⁴⁷.

Если в 1989 г. русские составляли 44% населения г. Нальчика, то в 2002 г. – только 31,7%. За тот же период доля кабардинцев увеличилась с 34,5 до 47,5%, балкарцев – с 6,8 до 11,3%. Значительно уменьшилась относительная численность русских в составе населения городов Тырныауз и Баксан.

Продолжалось изменение этнического состава населения не только городов, но и ряда сел, в которых русские составляли в прошлом большую часть жителей. Их остается в этих селах все меньше или совсем не остается, а их место занимают кабардинцы (селения Зольское, Черная речка, Тамбовское, Светловодское), балкарцы (с. Каменка) и турки-месхетинцы (с. Ульяновское и др.).

С 90 гг. сельское хозяйство в Кабардино-Балкарии переживает кризис. Почти все колхозы были преобразованы в закрытые акционерные общества, сельскохозяйственные производственные кооперативы и т.п. Но обновленным сельскохозяйственным предприятиям не удалось приспособиться к изменившимся условиям хозяйствования. В большинстве из них значительно

снизилось производство сельскохозяйственной продукции, сократилось число работающих, уменьшилось количество техники.

Лишь нескольким крупным хозяйствам республики и в этих условиях удается успешно работать. К их числу относится колхоз имени Петровых в станице Екатериноградской (единственный сохранившийся в республике колхоз) и сельскохозяйственный производственный кооператив «Новоивановский».

Отток русского населения из Кабардино-Балкарии продолжается и в XXI в. Согласно материалам массового опроса, проведенного сотрудниками КБИГИ под руководством С.И. Аккиевой в 2007 г., 24% русских жителей Нальчика и Прохладного, 20% – г. Майского – хотели бы уехать из республики 348. В советское время этот показатель был значительно ниже: в 1987 г. только 13,1% русских жителей Нальчика проявляли желание покинуть Кабардино-Балкарию. Изменились и причины миграции. В советский период преобладали те или иные личные мотивы, особенно – желание жить рядом с родственниками, реже – экономические проблемы (плохое снабжение продуктами и промышленными товарами, трудности с получением жилья). Почти никто не говорил о межнациональных отношениях. Из 43 ответивших на этот вопрос только один назвал причиной своего предполагаемого отъезда из Нальчика национализм в Кабардино-Балкарии и еще один – желание жить в русском городе. В 2007 г. главной причиной миграционных намерений русского населения Нальчика являлась экономическая ситуация (безработица, низкая заработная плата и уровень жизни). Но 20% опрошенных назвали причиной своего желания уехать сложные межнациональные отношения³⁴⁹.

Особенно сильны миграционные настроения у молодежи. Большинство русских выпускников школ Прохладненского и Майского районов покидают республику. В 2011 г. в Кабардино-Балкарский госуниверситет подали документы только 2 русских жителя Прохладненского района. Всего же в университет был зачислен 41 русский абитуриент, что составляло только 3,2% от общего числа первокурсников³⁵⁰.

В постсоветский период происходят важные изменения в политической жизни и в идеологии как страны в целом, так и республики. Уже в 70–80 гг. местные ученые начинают изменять оценку

дореволюционного, а затем и советского периода истории народов Кавказа и их культуры. В 90 гг. переоценка ценностей идет полным ходом. Если в советское время традиционализм воспринимался как отсталость, то теперь он превратился в высшую ценность национальной культуры. Хотя к этому времени в реальном бытовании сохранялись очень немногие из компонентов традиционной культуры, но именно она воспринималась как главное национальное достояние. Современная профессиональная культура такого статуса не имела. Хотя многие современные писатели, художники заняты поисками или конструированием этнической идентичности, все же их работы не воспринимаются народами республики как важная составляющая этнокультурных границ³⁵¹.

Традиционная культура должна была сыграть главную роль в этнической мобилизации, что является общей закономерностью многих национальных движений: «...традиционная культура, к которой сплошь и рядом взывают националисты, в модернизированном обществе уже давно не реальность, а образ, но люди, объединяющиеся вокруг этого образа, являются живой реальностью...» 352.

Трансформации советского периода многими учеными и общественными деятелями стали восприниматься исключительно негативно. Наиболее последовательно эту точку зрения выразил В.Х. Кажаров, который пишет о том, что «культурная революция» в сущности свелась к разрушению адыгской традиционной культуры», что «тоталитарная система в принципе не рассчитана на формирование подлинной интеллигенции», что «национальная государственность кабардинцев не отвечала целям их самосохранения как этноса», что «огромную роль в разрушении прежней исторической памяти и становлении нового исторического сознания кабардинцев, соответствующего потребностям тоталитарного государства, сыграла национальная художественная литература», что «создание национальной письменности и выпуск книг и газет на кабардинском языке (наряду с системой всеобуча) стали мощными инструментами разрушения прежней исторической памяти» 353.

Идеи национального возрождения, сохранения родного языка и традиционной культуры стали главными лозунгами мобили-

зации этничности в Кабардино-Балкарии, как и в других республиках. Под этими лозунгами создавались общественные движения и организации.

Кабардинская общественно-политическая организация «Адыгэ Хасэ» провозглашала одной из своих задач содействие «возрождению и развитию национального самосознания: традиционных доблестей адыгов, их родного языка, культуры и истории, института старших (нэхъыжь), почитания устоев гармонической семьи и нравственных ценностей родного народа»³⁵⁴.

Важными задачами общественной организации балкарского народа «Малкар Ауазы» являлись: развитие национальной культуры, расширение сферы использования балкарского языка как одного из государственных языков КБР, воспитание подрастающего поколения в духе традиционных нравственных устоев и ценностей балкарского народа³⁵⁵.

Одной из основных целей деятельности общества русской истории и культуры «Вече» являлось «выявление и сохранение исторических и культурных ценностей русского и украинского народов, казачества на территории КБР» 356 . Только решение языковых проблем не входило в планы этого общества, в отличие от многих других.

Пункты о сохранении родного языка, расширении сферы его использования имелись в программах едва ли не всех национальных движений и партий. Именно язык играл роль главного этнического маркера.

В 1994 г. был принят закон о языках народов Кабардино-Балкарии, согласно которому кабардинский, балкарский и русский языки объявлялись государственными языками и должны были функционировать во всех сферах государственной и общественной деятельности. Затем была принята государственная программа развития языков народов КБР. Однако многие пункты закона и программы остались невыполненными, а впоследствии в закон были внесены многочисленные поправки³⁵⁷.

И в настоящее время проблема сохранения кабардинского и балкарского языков вызывает большую обеспокоенность общественности Кабардино-Балкарии. Высказывалось мнение о необходимости разработать и принять новый закон о языках

народов республики³⁵⁸. Бурные дискуссии вызвало обсуждение закона «Об образовании». Общественные организации, некоторые ученые предлагали сделать обязательным обучение в школе до 7 класса на родных языках. Однако парламент республики отклонил эти поправки, оставив возможность каждой школе организовать обучение на родном языке по желанию родителей³⁵⁹. Такое внимание к языку показывает, что он по-прежнему воспринимается как один из важнейших, если не самый важный, признак, обозначающий этнокультурную границу.

Материалы переписи населения 2002 г. показывают, что языковая ситуация в КБР принципиально не изменилась по сравнению с 1989 г. Уровень знания русского языка у кабардинцев и балкарцев достиг максимума. Почти все кабардинцы (92,7%) и балкарцы (95,1%) владели русским языком. В то же время только 3099 русских жителей республики (1,4%) знали кабардинский язык и 619 (0,3%) – балкарский, хотя это намного больше, чем в 1989 г. Все попытки расширить сферу применения кабардинского и балкарского языков остались безуспешными.

Почти никто из кабардинцев не знает балкарский язык и наоборот. То есть, кабардинский и балкарский языки играли и играют роль этнического маркера и отделяли эти народы один от другого и от всех остальных народов республики. В то же время язык не является единственным этническим маркером, поэтому языковые границы не полностью совпадают с этническими. В 2002 г. 1,1% жителей КБР, считающих себя кабардинцами, не знали кабардинский язык, и 1,2% балкарцев не владели балкарским. На протяжении многих лет эти показатели оставались стабильными³⁶⁰. Перепись 2010 г. показала совершенно иной результат: 11,7% кабардинцев и 10,5% балкарцев не знали языка того народа, к которому сами себя относили³⁶¹. Едва ли за такой короткий срок (8 лет) могли произойти столь резкие изменения. Скорее, при проведении переписей были допущены ошибки или неточности. Тем не менее несовпадение общей численности кабардинцев и балкарцев и числа владеющих этими языками показывает, что язык является хотя и важным, но не единственным этническим маркером. Можно идентифицировать себя с тем или иным народом, не зная его языка.

Русский язык не служит барьером, напротив, он объединяет всех жителей Кабардино-Балкарии, с его помощью кабардинцы и балкарцы общаются не только с другими народами, но и между собой. Русским языком владеют 95,0% кабардинцев и 96,9% балкарцев.

В настоящее время сохраняются значительные этнические различия не только в языке, но и в поведении людей, в частности, в их отношении к семье. Опрос студентов г. Нальчика показал, что для современной молодежи, независимо от национальности, семья остается одной из важнейших жизненных ценностей.

Однако по сравнению с русскими студентами ответы кабардинцев и балкарцев отличаются большим традиционализмом. Они строже относятся к добрачному поведению девушек, они больше склонны советоваться со своими родителями относительно предстоящего брака, среди них значительно больше желающих праздновать свадьбу дома, а не в ресторане, они (точнее, мужская их часть) чаще хотят жить после свадьбы вместе со своими родителями, они хотят иметь больше детей и т.д. Различия между кабардинцами и балкарцами в большинстве случаев незначительны и не поддаются однозначной интерпретации³⁶².

В постсоветский период усилилась роль некоторых традиционных социальных институтов народов Кавказа, таких как родственные объединения. На такую возможность уже обращали внимание этнографы, которые отмечали, что система родства «в силу своей относительной консервативности дает материал о возможных механизмах, которые могут в критические периоды истории выйти из, казалось бы, небытия и получить повышенную социальную роль, не учитывать которую невозможно» ³⁶³.

Кабардинцы и балкарцы стали собираться на фамильные сходы, а помощь родственников, которая и раньше имела большое значение, стала играть еще более важную роль, помогая пережить трудности постсоветского периода. Русских жителей эта тенденция не коснулась. У них и родственников меньше, и живут они нередко за пределами республики. Роль родственных отношений – это одна из отличительных особенностей народов Кавказа, сохраняющаяся и в настоящее время.

Постсоветский период характеризуется возрождением еще одного признака традиционализма – религии. Строятся много-

численные мечети в кабардинских и балкарских селах, церкви – в русских селах и станицах, новая церковь и мечеть построены также в Нальчике. Религия оказывает значительно большее, чем в советское время, влияние на жизнь всех народов республики. Для большей части русских жителей республики православная церковь является важным фактором интеграции. Посещение церкви во время религиозных праздников, исполнение обрядов объединяет людей разных возрастов и социальных групп, поддерживает их общность. Особенно большое значение это имеет в Нальчике и в других многонациональных поселениях.

Для кабардинцев и балкарцев ислам также играет консолидирующую роль, оставаясь важной составляющей их этнической идентичности. В то же время проявились определенные противоречия между «молодыми мусульманами» и старшим поколением верующих, которые являлись сторонниками «традиционного», «бытового» ислама. Молодые критиковали их за некоторые обряды, не соответствующие нормам ислама (в частности, похоронно-поминальные) и пропагандировали «чистый» ислам³⁶⁴.

Появились в Кабардино-Балкарии и приверженцы радикальных религиозных идей, что обычно объясняют тяжелым социально-экономическим положением республики, финансовой и идеологической поддержкой иностранных государств и репрессивными мерами правоохранительных органов³⁶⁵. Конфронтация с властью и силовыми структурами вылилась в вооруженные столкновения, нападения на силовые структуры³⁶⁶. До настоящего времени проблема религиозного экстремизма в республике не нашла окончательного решения.

Религиозные различия, бесспорно, создают труднопреодолимый барьер между народами, но он не всегда точно совпадает с этническими границами. Православными в Кабардино-Балкарии являются не только русские или украинцы, но также грузины, осетины или цыгане. В то же время часть русского населения республики относится к другим направлениям христианства. Некоторые из них, такие как баптисты или Свидетели Иеговы, имеют значительное количество приверженцев. Численность молокан, проживающих в селении Тамбовском, напротив, существенно сократилась. Многие из них переселились

в города, потеряли связь со своей религиозной общиной и перешли в православие.

Не говоря уже о Моздокских кабардинцах-христианах, отдельные кабардинцы и балкарцы по разным причинам принимают христианство, чаще всего это не православие, а другие христианские деноминации. Активную работу в этом направлении ведут евангелисты, пятидесятники, адвентисты, свидетели Иеговы³⁶⁷. В то же время есть примеры того, что русские жители Кабардино-Балкарии переходят в ислам³⁶⁸.

Возрождение традиционной национальной культуры кабардинцев и балкарцев выразилось в попытках воссоздать некоторые ремесла и промыслы. В балкарских селах сохраняется и возрождается изготовление узорных войлоков, а в кабардинских – циновок, сплетенных из камыша³⁶⁹.

Еще не полностью исчез такой промысел как изготовление бурок. Причем, если раньше этим занимались только женщины, то теперь среди мастеров есть и мужчины (например, Х.З. Гедгафов из с. Атажукино). Точно так же и золотым шитьем, и изготовлением золотой тесьмы занимаются мужчины (В. Мастафов), хотя в прошлом это было исключительно женским делом. Это само по себе свидетельствует о возросшем престиже национальных художественных промыслов и национальной одежды.

В республике есть известные дизайнеры одежды, которые занимаются изготовлением традиционных или стилизованных под традиционные сценических и свадебных костюмов³⁷⁰.

Для того, чтобы поднять престиж старинной народной одежды, в Кабардино-Балкарии 25 сентября 2009 г. был проведен праздник национального костюма. Многие жители республики, особенно школьники и их учителя, самодеятельные артисты надели национальные костюмы – кабардинские, балкарские, русские, украинские и другие. Этот праздник совпал с Международным фольклорным фестивалем «Танцы над Эльбрусом». В Нальчике в этот день прошли праздничные шествия, концерты.

Костюмы участников праздника представляли собой стилизацию национальной одежды. В научной литературе уже отмечалось, что сценические костюмы самодеятельных артистов, исполняющих национальные танцы, состоят из «сильно упрощенных

элементов деталей и орнаментов» национальной одежды³⁷¹. Это было очень заметно и во время праздника национального костюма. Естественно, что в точности воспроизвести старинный праздничный кабардинский или балкарский костюм, особенно женский, очень сложно и очень дорого. Золотое шитье, украшавшее когда-то одежду, отличается большой трудоемкостью, поэтому его практически всегда заменяют более простыми и дешевыми способами декорирования, стараясь, все же воспроизвести традиционный орнамент. По той же причине большие металлические застежки нагрудника заменяют имитацией из ткани. Покрой платья часто отличается от традиционного. Нередко нагрудник не надевается под платье, а бывает пришит к нему, на спинке в таком случае делается застежка, которой не было в аутентичном варианте, платье шьют отрезным по линии талии и т.д. Цветовая гамма также не всегда соответствует традиционной. И эти костюмы, и сам праздник соответствуют тому явлению, которое в науке носит название «вторичные формы культуры» или «фольклоризм». Но для того, чтобы играть роль этнического маркера, сценический или праздничный костюм не обязательно должен быть аутентичным. Главное, чтобы он был узнаваемым, мог исполнять функцию знака, символа этничности.

Еще одним проявлением национального самосознания можно считать одежду с национальной символикой. Это может быть самая обычная современная одежда, например, футболки, но на них изображен адыгский флаг, гора Эльбрус, стилизованные детали традиционного национального костюма, могут быть надписи на кабардинском или балкарском языке. Такие вещи продаются на нальчикском рынке, и их носит, хотя и не часто, молодежь.

Этнические особенности в современной одежде могут заключаться в предпочтении тех или иных цветов и фасонов. Так, кабардинки и балкарки носят длинные юбки чаще, чем русские женщины. У русских принято повязывать платок не так, как у народов Кавказа. Впрочем, это относится только к пожилым женщинам. Молодые могут завязывать платок самыми разными способами.

Некоторые этнические традиции, касающиеся одежды, сохраняются и у мужчин. В прошлом кавказские горцы постоянно носили шапку. Русские мужчины также носили головные уборы, но

в торжественных случаях, в знак уважения, почтения к кому-либо они снимали его. В современных условиях эти традиции проявляются в том, что на похоронах кабардинцы и балкарцы должны находиться в головных уборах, а русские – напротив, должны их снимать.

Обряды жизненного цикла, несмотря на все изменения, все же сохраняют и в настоящее время этнические особенности, поэтому тоже могут играть роль в поддержании этнокультурных границ. И хотя на свадьбах, как и на похоронах, могут присутствовать люди разных национальностей, все же эти ритуалы выполняют этноинтегрирующую функцию. У русских жителей Нальчика это особенно ярко проявляется в день Пасхи, когда сотни людей собираются на кладбище.

Ту же функцию выполняют и календарные обряды. В некоторых станицах и селах накануне Рождества дети, как и в прошлом, носят своим родственникам ужин – вечерю. Во многих селах, в г. Прохладном и даже в Нальчике сохраняется новогодний обряд посевания. Он давно уже приобрел шуточный характер, исполняется чаще всего детьми, но иногда и взрослыми, рассчитывающими на угощение. Пытаются возродить также празднование Масленицы с блинами, катанием на санях. Но возрождают нередко не местный вариант праздника, а тот, что был характерен для других регионов России, например, сжигают чучело, чего раньше не делали.

В балкарских селах проводятся праздники с национальными играми, песнями, с угощением национальными блюдами и напитками³⁷². В кабардинских селах еще сохраняется старинный обряд вызывания дождя, хотя и в виде, скорее, детской обрядовой игры³⁷³. Делались попытки возродить кабардинские традиционные праздники и игрища³⁷⁴. А. Ципинов, доктор филологических наук, работавший в Институте гуманитарных исследований и в университете, реконструировал некоторые старинные праздники и обряды кабардинцев, но его работа вызвала неоднозначную реакцию. Он пользовался большим авторитетом у народа, однако нашлись у него и идеологические противники. В 2007 г. А. Ципинов организовал в центре Нальчика празднование в день весеннего равноденствия. Этот день празднуется во многих мусульманских странах, несмотря на то, что некоторые из сопровождающих его обрядов имеют явно доисламское

происхождение. В ходе этого праздника в Нальчике была принесена в жертву огню черная курица. Едва ли кто-то из участников или зрителей этого праздника всерьез верил в то, что огонь является божеством, которому следует делать подношения. Цель праздника заключалась в том, чтобы познакомить собравшихся с полузабытыми традициями их предков. Тем не менее, в газете «Кабардино-Балкарская правда» была напечатана статья под красноречивым названием «Кто ведет нас назад к язычеству?», в которой А. Ципинов был назван одним из «активных организаторов языческих мероприятий» и обвинялся в стремлении «во что бы то ни стало вернуть кабардинский народ в дремучее прошлое» ³⁷⁵. Если принять точку зрения автора статьи, то значительный пласт традиционной культуры оказывается недостойным сохранения и возрождения, а заслуживает лишь скорейшего забвения как пережиток язычества.

В 2010 г. А. Ципинов был убит экстремистами, обвинившими его в возрождении язычества. С его гибелью работа по воссозданию традиционных обрядов фактически оборвалась.

Процессы глобализации, которые не обошли Кабардино-Балкарию, способствовали унификации ее культуры. Появились новые предметы материальной культуры, которые зачастую являются одинаковыми не только у всех народов республики, но и у большей части населения земного шара. Мебель и домашняя утварь, одежда и продукты, которые покупают жители Кабардино-Балкарии, производятся далеко за ее пределами. То же самое относится и к духовной культуре: литературе, кино, средствам массовой информации. Распространение массовой культуры постепенно нивелирует этнические границы.

Глобализация оказывает влияние и на самоидентификацию жителей республики, особенно молодежи. Как показал проведенный еще в 90 гг. опрос студентов, этническая идентичность для многих из них не являлась единственно возможной или даже самой важной. 18,25% кабардинцев, 24,24% балкарцев и 37,75% русских ответили, что считают себя, прежде всего, гражданами мира, т.е. космополитами. Для 14,29% кабардинцев, 6,06% балкарцев и 25% русских важнее всего быть гражданами России. 25,14% кабардинцев, 18,18% балкарцев и 12,5% русских ощущают себя кавказцами.

И только для 34,14% кабардинцев, 27,7% балкарцев и 12,55% русских самое главное – быть представителем своего народа³⁷⁶.

Еще один опрос студентов, проведенный в 2006 г. сектором этнологии КБИГИ, тоже дал интересные результаты, касающиеся этнической идентичности. Из 1600 опрошенных – 6 человек не указали ни свою национальность, ни национальность своих родителей, причем, как минимум, в 3 случаях из 6 это была не случайная ошибка, а осознанная позиция респондентов. Один из них написал, что затрудняется определить свою национальность, а вместо национальности родителей поставил прочерки. Второй – на вопрос о своей национальности ответил – «интернационал», вопрос о национальности отца оставил без ответа, а вместо национальности матери написал – «гражданка РФ». Одна студентка свою национальность не указала, а вместо национальности родителей написала: «Есть одна национальность – человек!». Таким образом, для нескольких респондентов вопросы об их национальности и национальности их родителей оказались затруднительными или неактуальными.

Подавляющее большинство респондентов (1575) ответило на вопросы и о своей национальности, и о национальности обоих своих родителей. У 1392 из них отец и мать — одной национальности. Эти респонденты не испытывают трудностей с этнической самоидентификацией: их национальность всегда совпадает с национальностью их родителей.

У 183 человек родители — разных национальностей. Из них 138 или 75,4% выбрали национальность отца, что вполне соответствует традиционным представлениям народов России, особенно — народов Кавказа. 24 студента или 13,1% отдали предпочтение национальности матери, что можно считать нарушением традиции. Но этническая самоидентификация детей, выросших в межнациональных семьях, не сводится к выбору между национальностью отца и национальностью матери. Она может быть значительно сложнее. Так, 4 респондента, у которых отец кабардинец, а мать русская, и 2 респондента, у которых отец русский, а мать кабардинка, при ответе на вопрос об их национальности выбрали сразу два варианта. Они считают себя одновременно и кабардинцами, и русскими. Один студент, у которого отец

кабардинец, а мать «русская казачка», написал, что он «кабардинец + кабардинский казак». Еще один респондент считает себя одновременно и кабардинцем, и балкарцем (отец кабардинец, мать балкарка). Такой же вариант ответа выбрал респондент, у которого отец черкес, а мать карачаевка.

Студент, у которого мать балкарка, а отец русский, выбрал ответы – и балкарец, и русский. Также есть варианты – и кабардинец, и осетин (отец кабардинец, а мать осетинка), кабардинец и абазин (отец кабардинец, а мать абазинка), кабардинец и шапсуг (отец шапсуг, а мать кабардинка), осетино-балкарка (отец осетин, а мать балкарка).

Еще 4 респондента назвали себя метисами. У 3 из них и родители выросли в национально-смешанных семьях: 1) отец «украинец с русской кровью», а мать – «армянка с русской кровью»; 2) отец «осетин (наполовину)», а мать «кабардинка (наполовину)»; 3) отец «метис (черкес/осетин)», а мать «балкарка/татарка)». У четвертого «метиса» отец таджик, а мать осетинка. Еще одна студентка, у которой отец кабардинец, а мать русская, считает себя и кабардинкой, и русской, и еще метиской.

Один из опрошенных, у которого отец осетин, а мать русская, не ответил на вопрос о своей национальности. Еще одна студентка, написала, что затрудняется ответить на этот вопрос. Ее отец «русский/монгол», а мать – «кабардинка/украинка/полячка».

Возможно, что отсутствие обозначения национальности в паспортах в последние годы способствует тому, что современная молодежь не видит необходимости идентифицировать себя с одним и только с одним народом. Есть люди, которые живут непосредственно на этнических границах или над ними. Однако подобные случаи являются все же исключением, а не правилом.

В целом же этнокультурная граница, разделяющая русское население с кабардинцами и балкарцами, оказалась очень устойчивой. В XX в. народы России пережили революции, войны, модернизационные процессы, полностью изменившие их социальный состав и культурный облик. Но этнокультурные границы при этом остались неизменными. Случаи изменения этнической принадлежности если и происходят, то являются большой редкостью.

In the second

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этнокультурные границы между русским населением и народами Северного Кавказа в XIX – начале XX в. отличались устойчивостью. Несмотря на то, что их материальная и духовная культура постепенно сближались, этническая идентичность оставалась неизменной. Ни приобщение к русскому языку и культуре, ни даже принятие христианства сами по себе не приводили к изменению этнической самоидентификации народов Кавказа. Оно могло произойти лишь в исключительных случаях. То же самое относится и к русскому населению региона.

Этнокультурная граница, разделявшая русских и украинских жителей региона, в начале XX в. постепенно размывалась. Этому способствовала изначальная близость культуры восточнославянских народов, их конфессиональное единство. В духовной культуре консолидационные процессы протекали значительно медленнее, чем в материальной, в которой общие русско-украинские формы выработались и стали преобладающими уже к концу XIX – началу XX в. В языке, обрядности и фольклоре некоторые этнические особенности сохранились до настоящего времени. Несмотря на интеграционные процессы, украинская идентичность и русско-украинская этнокультурная граница еще сохранялись на Северном Кавказе в начале XX в.

Казачество в XIX в. отделялось от других групп русского и украинского населения не этнокультурными, а социальными границами, связанными с его сословной принадлежностью. Этнокультурные границы проходили не между терским казачеством и восточнославянским крестьянством Северного Кавказа, а внутри каждой из этих групп.

Социальные границы между сословиями и социальные границы между различными народами имеют ряд общих характеристик. И в том, и в другом случае они связаны с определенной территориальной обособленностью, с ограничением контактов, с некоторыми культурными различиями, с особой идентичностью.

Если в дореволюционный период казачество имело четко определенный статус в обществе - оно было сословием, то после отмены сословий оно этот статус потеряло. Перед казачеством встал вопрос о самом его существовании как обособленной группы. Поскольку сословные барьеры, отделявшие казаков от других групп населения, исчезли, то оставалась единственная возможность: определить себя как этническую общность того или иного уровня. Среди одной части казачества получили распространение представления о том, что казаки – это отдельный народ, но другая часть присоединилась к официальной точке зрения Советского государства о том, что казаки являются неотъемлемой частью русского народа. Из попытки согласовать два этих мнения появилась концепция советских этнографов о том, что казаки – это часть русского народа, этнографическая группа или субэтнос. Политические реформы конца XX в. вновь сделали проблему казачества актуальной, но и в этот период как власть, так и сами казаки не могли определиться с тем, считать ли казачество народом, этнографической группой или войсковым сословием. При решении этого вопроса все стороны руководствовались не столько научными представлениями, сколько своими политическими задачами и интересами.

Этнокультурная граница между русскими и украинцами в Кабардино-Балкарии оказалась легко преодолимой. В XX в. не отдельные люди, а многие тысячи украинцев пересекли ее и превратились в русских. Главную роль в этом процессе сыграла политика государства, которое своей властью объявило потомков украинских переселенцев на Северном Кавказе русскими. Это решение было подкреплено соответствующими документами и записью в паспорте. Постепенно и сами бывшие украинцы тоже стали считать себя русскими. Этому, бесспорно, способствовала близость языка и культуры восточнославянских народов. Но остатки украинского языка и культуры все еще сохраняются во многих русских селах Кабардино-Балкарии.

Тем не менее, граница между русскими и украинцами в Кабардино-Балкарии не исчезла. Но теперь украинцами стали считаться лишь те, кто переселился на Кавказ в советское время. Однако и граница между ними и русскими жителями республики постепенно размывается. Будучи оторванными от Украины, переселенцы постепенно забывают родной язык и культуру, и во втором-третьем поколении многие из них начинают считать себя русскими.

Этнокультурная граница, разделяющая русское население с кабардинцами и балкарцами, оказалась более устойчивой, несмотря на то, что в XX в. народы России пережили революции, войны, модернизационные процессы, полностью изменившие их социальный состав и культурный облик. Эти процессы оказывали разнонаправленное влияние на этнокультурные границы. С одной стороны, модернизация, сопровождавшаяся разрушением традиционной культуры, процесс урбанизации, ослабление роли религии приводили к сближению социокультурных параметров всех народов республики, к уменьшению значимости этнокультурных границ.

С другой стороны, институализация этничности, создание автономии кабардинцев и балкарцев, фиксация национальности в паспортах и других документах приводили к укреплению этнокультурных границ, повышению их роли. Такое же воздействие оказывала политика советского государства, нередко разделявшего людей по их национальной принадлежности («коренизация» в 20–30 гг., депортация ряда народов).

Особенно большое значение имело формирование национальной интеллигенции, которая уже в последние годы существования советского государства выдвинула лозунги сохранения родного языка и возрождения традиционной культуры. Под этими лозунгами создавались общественные организации, а затем и политические движения и партии, т.е. проходила мобилизация и политизация этничности, что способствовало сохранению и укреплению этнокультурных границ. В то же время процессы глобализации оказывали противоположное влияние, делая этничность неактуальной для отдельных жителей Кабардино-Балкарии.

Но при всех социально-экономических, политических и идеологических трансформациях конца XX – начала XXI в. этнокультурные границы между кабардинцами и балкарцами, с одной стороны, и русским населением республики – с другой, остались неизменными. Случаи изменения этнической принадлежности если и происходят, то являются большой редкостью.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта. М., 2006. С. 16.
 - 2. Там же. С. 16-17.
- 3. *Брубейкер Р., Лавмэн М., Стаматов П.* Этничность как познание // Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012. С. 127.
- 4. *Брубейкер Р., Купер* Φ . За пределами идентичности // Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012. С. 89–101.
 - 5. Там же. С. 90-91.
 - 6. Там же. С. 91.
 - 7. Тишков В.А. Реквием по этносу. М., 2003. С. 124.
 - 8. Брубейкер Р., Купер Ф. Указ. соч. С. 109.
- 9. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. С. 591.
- $10.\ Tuшков\ B.A.\$ Устойчивость и подвижность этнокультурных границ. М., 2008.
- 11. Дзамихов К.Ф. Адыги: борьба и изгнание. Нальчик, 2005; Бгажноков Б.Х. Воинский класс и демографическое пространство Черкесии в XVII середине XVIII в. // Вестник КБИГИ. Вып. 11. Нальчик, 2004; Кажаров В.Х. К вопросу о территории феодальной Кабарды // Там же. С. 3–26; Кучмезов Б.Х. К вопросу об этнических ареалах и этнических границах на Северном Кавказе (Рец. на: Кажаров В.Х. К вопросу о территории феодальной Кабарды в XVI–XVIII вв. // Вестник КБИГИ. Вып. 11. Нальчик, 2004) // Кавказский сборник. Т. 4 (36). М., 2007. С. 394–403; Алоев Т.Х. Феномен Будая и «исторические» импровизации Б.Х. Кучмезова // Вестник КБИГИ. Вып. 15. Нальчик, 2008. С. 450–473; Кожев З.А. Динамика численности населения Кабарды (XVIII первая четверть XIX в.) // Этнографическое обозрение. 1998. № 2. С. 116; Кузьминов П.А. Этнографическая карта народов Терека: размещение, численность и миграция населения в конце XVIII первой половине

XIX века // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века / сост. П.А. Кузьминов. Нальчик, 2004. С. 641-759; Кожев З.А., Прасолов Д.Н. Территория и численность населения Черкесии // Адыгская (Черкесская) энциклопедия / гл. ред. М.А. Кумахов. Москва, 2006. С. 116-120; Кажаров В.Х. Территория феодальной Кабарды // Там же. С. 120-128; Прасолов Д.Н., Губжоков М.Н. Численность населения Черкесии в XVI – первой половине XIX в. // Там же. С. 128–130; Кипкеева З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение. 60-е годы XVIII в. – 60 гг. XIX в. М., 2006; Ошроев Р.Г. Творец истории З.Б. Кипкеева // Исторический вестник. Вып. 6. Нальчик, 2008. С. 457-465; Кожев З.А. Отзыв на книгу З.Б. Кипкеевой «Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение. 60-е годы XVIII в. - 60 гг. XIX в.» // Там же. С. 466-474; Бабич И.Л., Степанов В.В. Историческая динамика этнической карты Кабардино-Балкарии. 1860-1990 годы. М., 2009; Варивода Н.В., Кажаров А.Г., Калмыков Ж.А. Бабич И.Л., Степанов В.В. Историческая динамика этнической карты Кабардино-Балкарии. 1860-1990 годы. М., 2009. Исторический вестник. Вып. 9. Нальчик, 2010. С. 449-465; Варивода Н.В. Терское казачество во второй половине XVIII - первой половине XIX в.: состав, динамика численности, расселение // Материалы международной юбилейной научной конференции «Россия и Кавказ», посвященной 235-летию присоединения Осетии к России, 150-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова, 225-летию основания г. Владикавказ. Владикавказ, 2010. С. 35-40.

- 12. Сопов А.В. Динамика социально-политического и этнокультурного статуса казачества. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д. ист. н. М., 2012. С. 58.
- 13. *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (вторая половина XIX 60-е годы XX века). Нальчик, 1971.
- 14. Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1986.
- 15. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII первой половине XIX века. Нальчик, 1994; Калмыков Ж.А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII начало XX века). Нальчик, 2007; Муратова Е.Г. Социально-политическая история Балкарии XVII начала XX в. Нальчик, 2007; Абазов А.Х. Административно-судебные реформы 1793 г. в Кабарде и их последствия //

Исторический вестник. Нальчик, 2010. Вып. 9 ; *Кушхов Х.С.* Социально-политическое и этнокультурное развитие Кабарды в пореформенное время. Нальчик, 2011; *Прасолов Д.Н.* Интеграция кабардинского общества в состав Российской империи: этнокультурные процессы // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. № 4 (42) 2011; *Он же*: Трансформация традиционной хозяйственной культуры кабардинцев в XIX – начале XX в. // Культура как фактор стабильности на Северном Кавказе. Материалы региональной научно-практической конференции в рамках XVI фестиваля мастеров искусств «Мир Кавказу». Нальчик, 2013. С. 70–79; *Абазов А.Х.* Из истории интеграции традиционных социальных институтов кабардинцев в судебную систему Российской империи (на примере посреднических судов) // Там же. С. 91–100.

- 16. Дзагов Р.Н. Взаимодействие культур в процессе формирования многонационального населения Кабарды (XIX начало XX века). Нальчик, 2009; Варивода Н.В. К истории взаимоотношений казаков Терека и кабардинцев во второй половине XVI–XIX вв. // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2009. Вып. 4. С. 42–47; Дзагов Р.Н. Экономическая и этнокультурная адаптация русских в Кабарде (конец XVIII начало XX в. // Там же. С. 53–61; Он же: Традиции межэтнического взаимодействия в Кабарде: экономические связи русских и кабардинцев // Культура как фактор стабильности на Северном Кавказе. Материалы региональной научно-практической конференции в рамках XVI фестиваля мастеров искусств «Мир Кавказу». Нальчик, 2013. С. 109–117.
- 17. Налоев З.М. Из истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1978; Адаб Баксанского культурного движения / разыскал, исследовал и подготовил к печати Налоев З.М. Нальчик, 1991.
- 18. Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик: Эльбрус, 2002; Туганов Р.У. История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX века. Нальчик, 1998; Кажаров В.Х. Альтернативы общественной мысли кабардинцев в первой половине XIX века // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. 4. С. 500–511.
- 19. Базиева Г.Д. Художественная культура Кабардино-Балкарии в полиэтничном пространстве России. Нальчик, 2010; Идентичность в системе современной культуры // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 1 (19). Нальчик, 2012. С. 96–101.
- 20. Прасолов Д.Н. Исламский фундаментализм и проблема смены религиозной идентичности // Исторический вестник. Нальчик, 2008.

- Вып. 7. С. 230–256; *Сабанчиева Л.Х.* Христианские организации в КБР: проблема прозелитизма и религиозной идентичности кабардинцев и балкарцев // Там же. С. 257–275.
- 21. Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). Нальчик, 2007.
- 22. Аккиева С.И. Изменение национальной идентификации народов Северного Кавказа за последние 10 лет // Федерализм и этническое разнообразие России. Сб. ст. под ред. И. Бусыгиной и А. Хайнеман-Грюдера. М., 2010; Она же: Русское население Кабардино-Балкарской республики: современные миграционные процессы // Научно-практический ежегодник Запад-Восток. 2012. № 4–5. С. 101–108; Она же: Русские в Кабардино-Балкарии: миграционные установки и этнокультурные потребности // Белые пятна российской и мировой истории. 2013. № 5–6. С. 9–20; Аккиева С.И., Улаков М.З. Этноязыковая ситуация в Кабардино-Балкарской республике и проблемы реализации этноязыковой политики // Известия КБНЦ РАН. 2013. Т. 1. № 6 (56). С. 138–143.
- 23. *Кажаров В.Х.* Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX начале XXI в. Нальчик, 2012.
- 24. Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии. 1917–1940 гг. / под редакцией Н.Ф.Бугая, А.М. Гонова. Нальчик, 1999; Русские на Северном Кавказе. 20–30-е годы. Документы, факты, комментарии / предисловие, составление, комментарии Гонова А.М. 1995. С. 272.
- 25. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. 2. С. 72.
- 26. *Ткачев Г.А.* О казачьем землепользовании. Владикавказ, 1917. С. 17.
- 27. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 33; Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М., 1974. С. 117, 226.
 - 28. Заседателева Л.Б. Указ. соч. С. 104.
- 29. *Сагнаева С.К.* Казаки // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. C. 169.
- 30. Русские / отв. ред. В.А. ААлександров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М., 2003. С. 123.
 - 31. Сопов А.В. Указ. соч. С. 58.
 - 32. ПСЗ (1825–1881). T. 20. Ч. 1. С. 218 (№ 18739).
 - 33. Там же. Т. 45. Ч. 2. С. 151. (№ 48607).
 - 34. Там же. Т. 20. Ч. 1. С. 199. (№ 18739).

- 35. Там же. С. 223.
- 36. Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. Владикавказ, 1881. С. 430.
- 37. Урусов С.М. Станица Екатериноградская Терской области Моздокского отдела // СМОМПК. Тифлис, 1904. Вып. 33. Отд. 2. С. 9.
 - 38. Там же. С. 331.
 - 39. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 15. Ед. хр. 152. Л. 6 об.
- 40. Востриков П.А. Станица Наурская // СМОМПК. Тифлис, 1904. Вып. 33. Отд. 2. С. 192; Семенов П. Несколько страничек из жизни казаков станицы Слепцовской Сунженского округа Терской области // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. 16. Отд. 1. С. 169–170.
 - 41. ПС3. Т. 20. Ч. 1. С. 195 (№ 18739).
 - 42. ПСЗ. Т. 20. Ч. 1. С. 197.
 - 43. Там же. Т. 31. Ч. 2. С. 50 (к №50242).
 - 44. Там же. С. 51.
 - 45. ΠC3. T. 28. C. 1303 (№ 29682).
 - 46. Там же. С. 1302.
 - 47. ΠC3 (1825–1881). T. 7. C. 883 (№ 5796).
 - 48. Там же. Т. 17. Ч. 2. С. 8 (№ 16058).
 - 49. Там же. Т. 20. Ч. 2. С. 187 (№ 18739).
 - 50. РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 26.
 - 51. Там же. Т. 35. Ч. 2. С. 164 (№ 36204).
 - 52. Там же. Т. 44. Ч. 2. С. 416-417 (№ 47849).
 - 53. ПС3. Собр. 2. Т. 32. Ч. 2. № 36327.
- 54. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. С. 76.
- 55. Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. 1763–1774 гг. Сборник документов. Нальчик, 1996. С. 262.
- $56. \ Kapayлов \ M.A.$ Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912. С. 107.
 - 57. Яковлева Г.А. Словарь русских Терских говоров. Нальчик, 1985. С. 6.
- 58. *Гребенец Ф.С.* Из быта гребенских казаков // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 40. С. 17.
- 59. Афанасьев М. Станица Терская Сунженского отдела Терской области. // СМОМПК. Вып. 16. С. 116.
- 60. *Гребенец Ф.С.* Из быта гребенских казаков. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 40. Тифлис, 1909. Отд. 2. С. 9–47.

- 61. См. напр.: *Головчанский С.Ф.* Станица Прохладная Терской области Пятигорского округа // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 15. С. 8, 33–36; *Гусев А.* Поверия, праздники, песни и сказки в ст. Ардонской, Терской области // СМОМПК. Тифлис, 1893. Отд. 1. Вып. 16. С. 338; *Урусов С.М.* Станица Екатериноградская Терской области Моздокского отдела // СМОМПК. Тифлис, 1904. Вып. 33. С. 22, 31–32; *Харламов М.А.* Свадебные обряды и песни г. Ейска // СМОМПК. Тифлис, Отд. 2. Вып. 36. С. 53–54, 67–68; *Васильков В.В.* Народные обычаи казаков станицы Бекешевской (Баталпашинского отдела, Кубанской области) // СМОМПК. Тифлис, Отд. 2. Вып. 36. С. 94, 111–112; Кубанские станицы. Этнические и культурнобытовые процессы на Кубани. М., 1967. С. 223; *Невская Т.А.* Традиционная и современная свадьба сельского населения Ставрополья // Этнографическое обозрение. 1982. № 1. С. 92, 94; *Тхамокова И.Х.* Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2000. С. 124.
 - 62. Гребенец Ф.С. Указ.соч. С. 13.
 - 63. Там же. С. 18-20, 44.
 - 64. Русские. М., 2003. С. 385-386.
 - 65. Гребенец Ф.С. Указ. соч. С. 30.
- 66. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. С. 36.
 - 67. Гребенец Ф.С. Указ.соч. С. 18.
 - 68. Русские. С. 481.
 - 69. Гребенец Ф.С. Указ. соч. С. 19
 - 70. Там же. С. 20, 44.
- 71. Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 202.
 - 72. Там же. С. 14, 32.
 - 73. Гребенец Ф.С. Указ. соч. С. 20-23, 45.
 - 74. Там же. С. 31.
- 75. Бутова Е. Станица Бороздинская Терской области Кизлярского округа // СМОМПК. Тифлис, 1889. Отд. 1. Вып. 7. С. 39–40; Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске / сост. А. Ржевуский. Владикавказ, 1888. С. 225–229.
- 76. Русские: История и этнография / ред. И.В. Власова и В.А. Тишков. М., 2008. С. 589.
- 77. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX начало XX в. М.: Наука, 1979. С. 51–52.

- 78. Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Виноградов В.Б. Календарная обрядность терских казаков // Этнографическое обозрение. 1996. № 2. С. 59.
 - 79. Там же. С. 60.
 - 80. Там же. С. 59.
- 81. Беломорские былины / записаны А. Марковым, предисл. В.Ф. Миллера. М., 1901. С. 429–433.
- 82. Полное собрание законов Российской империи. (ПСЗ) СПб., 1830. Т. 22. С. 270 (№ 16113).
 - 83. IIC3 (1825-1881). T. 13. H. 2. C. 34 (11446).
- 84. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905. Т. 68. С. 58–59.
- 85. Сообщение Н.А. Артемова (р. 1907) и Н.В. Акоповой (р. 1924), ст. Солдатская; Е.Д. Шевченко (р. 1914) и А.Т. Захарченко (р. 1909), ст. Екатериноградская.
- 86. Сообщение Т.И. Лызь (р. 1914), с. Новоивановское; П.М. Бессчастной (р. 1906), с. Кременчуг-Константиновское.
- 87. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809. С. 495–496.
 - 88. Сообщение Е.К. Авдеевой (р. 1906), с. Прималкинское.
 - 89. Сообщение П. Жабиной (р. 1920), с. Тамбовское.
 - 90. Сообщение Л.В. Красиной (р. 1918), г. Прохладный.
- 91. Л.Л. (Лопатинский Л.Г.) Заметка об особенностях нальчикского говора // СМОМПК. Тифлис, 1904. Отд. 2. Вып. 34. С. 42.
- 92. Урусов С.М. Станица Екатериноградская Терской области Моздокского отдела // СМОМПК. Тифлис, 1904. Отд. 2. Вып. 33. С. 9.
- 93. Головчанский С.Ф. Указ. соч. С. 19, 26; *Васильков В.В.* Указ. соч. С. 101–106; *Невская Т.А.* Указ. соч. С. 94.
- 94. Чистов К.В. Типологические проблемы изучения восточно-славянского свадебного обряда // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 227.
 - 95. Урусов С.М. Указ. соч. С. 29-31.
 - 96. Сообщение Кривко В.В. (р. 1907), ст. Екатериноградская.
 - 97. Обрядовая поэзия. М., 1989. С. 53–54, 61–62.
- 98. Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря (очерк по истории народных верований) / Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XL. М., 1957. С. 144.
- 99. Сообщение О.Д. Мироненко, 1928 г.р., ст. Котляревская, М.К. Сагайдак, 1909 г.р., г. Майский.

- 100. Колядки та щедрівки: зимова обрядова поезія трудового року / упоряд., передмов. і примітки. О. І. Дей; ред. М.Т. Рильський. Київ, 1965. С. 538–539.
 - 101. Чичеров В.И. Указ. соч. С. 70.
- 102. Сообщение Сагайдак М.К. (р. 1909) и Олистратенко Д.К. (р. 1913), г. Майский; М.А. Маляр (р. 1913), с. Прималкинское.
- 103. Яцимирский Б.М. «Маланка» как вид святочного обрядового ряжения // Этнографическое обозрение. 1914. № 1–2. С. 53–55; Колядки та щедрівки... С. 576–594.
- 104. Сообщение Кошик М.Ф. (р. 1904), Хауст М.И. (р. 1894) и Кошик П.Т. (р. 1902), г. Майский; Клюй А.М. (р. 1914), г. Прохладный
- 105. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта. М., 2006. С. 17.
- 106. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869. Ч. 1. С. 327, 336.
 - 107. Там же. Ч. 2. С. 41.
 - 108. ΠC3. T. 21. C. 784 (№ 15619).
 - 109. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 170.
 - 110. AKAK. T. 1. C. 81.
- 111. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 52–59; Афаунова М.И. Документы по проблемам русско-кабардинских отношений в 1778–1779 гг. // Исторический вестник. Нальчик, 2008. Вып. 7. С. 325–336.
 - 112. AKAK. T. 2. C. 940; T. 4. C. 868.
 - 113. КГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Ед. хр. 202. Л. 2-4.
- 114. АКАК. Т. 8. С. 658; Записки А.П. Ермолова 1798–1826 гг. / сост. подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. М., 1991. С. 415. *Потто В.А.* Кавказская война. Т. 2. Ставрополь, 1994. С. 473–475.
 - 115. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Ед. хр. 233. Л. 2.
 - 116. ЦГА КБР. Ф. И-1. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 125.
 - 117. ЦГА КБР. Ф. И-1. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 85.
- 118. Головчанский С.Ф. Станица Прохладная Терской области Пятигорского округа // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. 15. С. 2.
- 119. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823. С. 107.
 - 120. Дзамихов К.Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик, 1994. С. 95.
- 121. Адыгские песни времен Кавказской войны. Издание второе, дополненное / составление А.М. Гутова, В.Х. Кажарова, М.А. Табишева, Н.Н. Шериевой. Нальчик, 2014.

- 122. AKAK. T. 3. C. 636-637.
- 123. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 59; Афаунова М.И. Указ. соч. С. 335.
- 124. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 108.
- 125. Дзамихов К.Ф. Адыги... С. 93.
- 126. РГВИА. Ф. 13. И-54. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 13-13 об; Ед. хр. 223. Л. 2.
- 127. AKAK. T. 2. C. 1109-1110.
- 128. РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 22. Ч. 4. Л. 230.
- 129. РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Ед. хр. 300. Л. 43.
- 130. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 10.
- 131. Броневский С.М. Указ. соч. С. 118-119.
- 132. Там же. С. 128.
- 133. Там же. С. 129.
- 134. *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII начало XX века). Нальчик, 2007. С. 36–37.
 - 135. AKAK. T. 2. C. 1123.
 - 136. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 58.
- 137. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2 томах. Т. 2. Нальчик, 2007. Вып. XVIII. С. 511.
 - 138. Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 61.
 - 139. AKAK. T. 1. C. 747.
- 140. *Абазов А.Х.* Административно-судебные реформы 1793 г. в Кабарде и их последствия // Исторический вестник. Нальчик, 2010. Вып. 9. С. 54–55.
- 141. *Кажаров В.Х.* Кабарда в период «духовного правления» (1807–1822) // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. 4. С. 257.
 - 142. AKAK. T. 3. C. 659.
 - 143. Броневский С.М. Указ. соч. С. 91.
- 144. Дельпоццо И.П. Записка о Большой и Малой Кабарде // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Севеверо-Западного Кавказа. Т. 1. Нальчик, 2001. С. 22.
 - 145. Броневский С.М. Указ. соч. С. 141-142.
- 146. Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1977. С. 241–243.
 - . 147. *Броневский С.М*. Указ. соч. С. 141.
 - 148. Кабардино-русские отношения ... С. 328-335.
 - 149. Дельпоццо И.П. Указ. соч. С. 17.
 - 150. AKAK. T. 2. C. 958.
 - 151. Там же. С. 981.

- 152. Там же. С. 978.
- 153. Там же. Т. 4. С. 875.
- 154. Дельпоццо И.П. Указ. соч. С. 17.
- 155. Бутков П.Г. Указ. соч. С. 59.
- 156. Там же. С. 280-281.
- 157. Муратова Е.Г. Указ. соч. С. 184.
- 158. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 1. Д. 266. Л. 177, 211.
- 159. Записки А.П. Ермолова... С. 428.
- 160. Муратова Е.Г. Указ. соч. С. 176.
- 161. РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 456. Л. 43 об. 44, 48 об. 49.
- 162. ЦГА КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 769. Л. 10.
- 163. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 383. Л. 13-16 об.
- 164. *Кажаров В.Х.* Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик, 2014. С. 324.
 - 165. AKAK. T. 7. C. 364.
 - 166. Там же. С. 190.
 - 167. Там же. С. 223.
 - 168. Калмыков Ж.А. Указ. соч. С. 40, 206-207.
 - 169. Муратова Е.Г. Указ. соч. С. 186.
 - 170. Бейтуганов С.Н. Кабарда в фамилиях. Нальчик, 1998. С. 487.
 - 171. ЦГА КВР. Ф. И-49. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 1.
 - 172. Там же. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 769. Л. 11-12 об.
 - 173. ЦГА КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 15 об.
 - 174. Там же. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.
 - 175. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1015. Л. 3.
- 176. Дубенский Д. Конские породы, табуны и заводы Кавказа, их прошлое и настоящее. СПб., 1896. С. 12.
 - 177. Прасолов Д.Н. Интеграция кабардинского общества... С. 47.
- 178. Фадеев А.Р. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 100; Дзагов Р.Н. Взаимодействие культур... С. 81.
 - 179. Кажаров В.Х. Избранные труды... С. 201.
- 180. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 206, 212; *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М., 1823. С. 133.
 - 181. Бейтуганов С.Н. Указ. соч. С. 174-180.
 - 182. Там же. С. 168.

- 183. Там же. С. 487.
- 184. Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 337.
- 185. *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX начале XX в. Нальчик: Эльбрус, 2002. С. 350, 352.
- 186. Тишков В.А., Шнирельман В.А. Введение // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 11-12.
- 187. *Налоев З.М.* Из истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1978. С. 144–145.
- 188. Ногмов Ш.Б. История адыхейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1982. С. 47, 49.
 - 189. Там же. С. 56.
- 190. *Туганов Р.У.* История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX века. Нальчик, 1998. С. 129–130.
 - 191. Там же. С. 345-346.
 - 192. Там же. С. 143.
 - 193. ЦГА КБР. Ф. И-1. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 3-5.
- 194. Бейтуганов С.Н. Указ. соч. С. 336–338, 488; *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII начала XX в. Нальчик, 2007. С. 191–192.
 - 195. Бейтуганов С.Н. Указ. соч. С. 349-350.
 - 196. ЦГА КБР. Ф. И-14. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 28 об.
 - 197. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. 210. Л. 55.
 - 198. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 514. Л. 5.
- 199. Адыгская публицистика конца XIX начала XX века (Избранное) / составитель Р.Х. Хашхожева. Нальчик: Эль-Фа, 2005. С. 172.
 - 200. Статистические топографии... С. 421.
 - 201. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 514. Л. 50 об. 53.
- 202. Кипиани М. От Казбека до Эльбруса (Путевые заметки о нагорной полосе Терской области) Владикавказ, 1884. С. 45.
 - 203. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 884. Л. 13.
 - 204. Прасолов Д.Н. Интеграция кабардинского общества... С. 53.
- 205. *Тепцов В.Я.* По истокам Кубани и Терека // СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып. 14. С. 130, 154.
 - 206. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 455. Л. 9 об. 10.
 - 207. Калмыков Ж.А. Указ. соч. С. 76-77.
 - 208. Прасолов Д.Н. Интеграция кабардинского общества... С. 49.
- 209. *Прасолов Д.Н.* Из опыта организации сельского самоуправления в пореформенной Кабарде» // Вестник Института гуманитарных

- исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2007. Вып. 14. С. 48–51.
- 210. Тульчинский И.П. Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 190.
 - 211. Статистические монографии... С. 418.
 - 212. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 514. Л. 88 об. 107.
 - 213. Дзагов Р.Н. Экономическая и этнокультурная... С. 54.
- 214. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 27; Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М., 2003. С. 174.
- 215. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 14–15; Русские / отв. ред. В.А. Александров... С. 164–165.
 - 216. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 96-98; Ед. хр. 514. Л. 21.
 - 217. Сообщение Тасенко Л.Д., р. 1910, с. Кременчуг-Константиновское.
- 218. *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (вторая половина XIX 60-е годы XX века). Нальчик, 1971. С. 133–134.
 - 219. Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 101.
 - 220. Мамбетов Г.Х. Указ. соч. С. 145.
 - 221. Там же. С. 151.
- 222. Тульчинский И.П. Указ. соч. С. 201; Караулов Н.А. Болкары на Кавказе // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 137–138.
 - 223. Мамбетов Г.Х. Указ. соч. С. 292.
 - 224. Там же. С. 284.
 - 225. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 514. Л. 19.
 - 226. Дзагов Р.Н. Взаимодействие культур... С. 142.
 - 227. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 620. Л. 13.
 - 228. Дзагов Р.Н. Взаимодействие культур... С. 152.
 - 229. Кумыков Т.Х. Указ. соч. С. 358, 362, 372.
- 230. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. 233. Т. LXVIII. СПб., 1905. С. 97.
 - 231. Тепцов В.Я. Указ. соч. С. 154.
- 232. *Миллер В., Ковалевский М.* В горских обществах Кабарды // Вестник Европы, 1884. Т. 2. Кн. 4. С. 583.
 - 233. Калмыков Ж.А. Указ. соч. С. 81.
- 234. Этюды о Балкарии / составление, статьи об авторах, примечания и комментарии Биттировой Т. Ш. Нальчик, 2007. С. 167.
 - 235. Там же. С. 195.
 - 236. Терские ведомости. 1870.

- 237. Там же. С. 99.
- 238. Адаб Баксанского культурного движения / разыскал, исследовал и подготовил к печати Налоев З.М. Нальчик, 1991. С. 15–16.
 - 239. Адыгская публицистика... С. 131-132.
 - 240. Адаб... С. 99.
 - 241. Этюды о Балкарии... С. 226.
 - 242. Там же. С. 31-93.
 - 243. Адаб... С. 281-282.
 - 244. Налоев З.М. Указ. соч. С. 162-264.
 - 245. Там же. С. 181.
 - 246. Там же. С. 176-177.
 - 247. Там же. С. 185.
 - 248. Этюды о Балкарии... С. 138.
 - 249. Там же. С. 145-146.
- 250. *Ткачев Г.А.* О казачьем землепользовании. Владикавказ, 1917. С. 17.
- 251. *Харламов П.К.* Казаки. Париж, 1956. С. 4; *Губарев Г.В.* Казачий словарь-справочник. Сан-Ансельмо, Калифорния, США, 1968. Т. 2. С. 24–29. (Репринтное воспроизведение. М.: Созидание, 1992).
- 252. Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии. 1917–1940 гг. / под редакцией Н.Ф. Бугая, А.М. Гонова. Нальчик, 1999. С. 244–245.
- 253. Цит. по: *Трут В.П.* Истребить поголовно. Как организовать расказачивание // Родина. 2004. № 5. С. 96–97.
- 254. Русские на Северном Кавказе. 20–30-е годы. Документы, факты, комментарии / предисловие, составление, комментарии Гонова А.М. 1995. С. 272.
 - 255. ЦГА КБР. Ф. Р-99. Оп. 1. Д. 11. Л. 71.
 - 256. Русские на Северном Кавказе... С. 90.
 - 257. Там же.
- 258. *Скорик А.П.* Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: Очерки истории. Ростов-на-Дону. 2008. С. 35–36.
 - 259. «Карахалк» от 26 июля 1925 г.
 - 260. ЦГА КБР. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 50. Л. 2.
 - 261. Там же. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 321. Л. 10.
 - 262. Там же. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 18. Л. 16.
 - 263. Там же. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 194. Л. 4; Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 296. Л. 91.
 - 264. Там же. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 45. Л. 1-23.
 - 265. Скорик А.П. Указ. соч. С. 88.

- 266. Там же. С. 334.
- 267. Там же. С. 217.
- 268. Там же. С. 177-178.
- 269. Там же. С. 343.
- 270. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 33.
- $271. \, 3аседателева \, Л.Б. \,$ Терские казаки (середина XVI начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М., 1974. С. 117, 226.
- 272. Первая всеобщая перепись Российской империи, 1897 г. Т. LXVIII. Терская область. СПб., 1905. С. 210–211.
 - 273. Казачество России... С. 19.
 - 274. Там же. С. 32.
- 275. *Каламиец В.Г.* Очерки истории и культуры терских казаков. Нальчик, 1994. С. 84.
 - 276. Клевцов М.М. Записки атамана. М., 2008. С. 20.
- 277. *Такова А.Н.* Истоки и динамика процесса политизации этничности в Кабардино-Балкарии в конце 80 гг. XX начале XXI в. // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2009. Вып. 16. С. 86–87.
 - 278. Там же. С. 21.
- 279. *Нахушев З.А.* Прецедент противопоставления народов // Кабардино-Балкарская правда. 1996. № 175.
 - 280. Клевцов М.М. Указ. соч. С. 188.
 - 281. Нахушев З.А. Указ. соч.
- 282. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Кабардино-Балкарской республики. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Официальное издание. Нальчик, 2005. С. 12; Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // URL:http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (Дата обращения 15.01.2013).
- 283. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 1. Отд. 1. С. 262.
 - 284. ЦГА КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 499. Д. 81–88.
- 285. Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии. 1917–1940 гг. Нальчик, 1999. С. 175.
- 286. *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX–XX вв. СПб., 1996. С. 112.
- 287. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги / сост. Ю.А. Поляков и др. М., 1992. С. 66.

- 288. Долженко Н.С. р. 1949 г. ст. Екатериноградская; Кулик В.Г. р. 1953 г. ст. Александровская; Косарева З.И., р. 1935 г. с. Кременчуг-Константиновское.
 - 289. Этюды о Балкарии... С. 352.
 - 290. Там же.
- 291. *Казаков А.В.* Поэты, воины и патриоты Серебряковы-Даутоковы // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2007. Вып. 14. С. 16–17.
- 292. Жанситов О.А. Антибольшевистское движение и деникинский режим в Кабарде и Балкарии (1917–1920 гг.). Нальчик, 2009. С. 41.
- 293. Сообщение Донченко С.Ф., р. 1909, х. Петропавловский (с. Благовещенское); Кононенко О.Е., р. 1911 г., х. Гробовец; Корчагиной П.А., р. 1914, г. Баксан.
 - 294. Мартин Т. Указ. соч. С. 614.
 - 295. Там же. С. 615.
 - 296. Там же. С. 616.
- 297. *Гонов А.М.* Северный Кавказ: актуальные проблемы русского этноса (20–30 годы). Ростов-на-Дону, 1997. С. 59.
- 298. *Калмыков Б.*Э. Статьи и речи. Издание второе, дополненное. Нальчик, 1983. С. 130–131.
- 299. Бербеков Х.М. Советская автономия Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1961. С. 82–83.
 - 300. Русские на Северном Кавказе... С. 112-113.
 - 301. Бербеков Х.М. Указ. соч. С. 90.
 - 302. Калмыков Б.Э. Указ. соч. С. 125.
 - 303. Русские на Северном Кавказе... С. 113.
 - 304. Калмыков Б.Э. Указ. соч. С. 219.
 - 305. Бербеков Х.М. Указ. соч. С. 89.
 - 306. Русские на Северном Кавказе... С. 249.
 - 307. Там же. С. 254-255.
 - 308. Всесоюзная перепись населения 1939 г. С. 158.
 - 309. Калмыков Б.Э. Указ. соч. С. 156.
 - 310. ЦГА КБР. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 230. Л. 77.
 - 311. Всесоюзная перепись населения 1939 г. С. 159–160.
 - 312. ЦГА КБР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 1810. Л. 58.
 - 313. Всесоюзная перепись населения 1939 г. С. 24, 66.
 - 314. Боров А.Х. Указ. соч. С. 121-122.
 - 315. Всесоюзная перепись населения 1939 г. С. 51, 159-160.
 - 316. Калмыков Б.Э. Указ. соч. С. 85.

- 317. Мартин Т. Указ. соч. С. 577.
- 318. Там же. С. 627.
- 319. Калмыков Б.Э. Указ. соч. С. 80.
- 320. Там же. С. 193.
- 321. Там же. С. 111.
- 322. Базиева Г.Д. Художественная культура Кабардино-Балкарии в полиэтничном пространстве России. Нальчик, 2010. С. 84–89.
 - 323. Мартин Т. Указ. соч. С. 591.
- 324. Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР. Статистический сборник. Нальчик, 1964. С. 131.
- 325. 50 лет Кабардино-Балкарской АССР. Статистический сборник. Нальчик, 1971. С. 126.
- 326. История многовекового содружества народов КБР. Нальчик, 2007. С. 428.
 - 327. Там же. С. 429.
- 328. Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 447.
 - 329. Новое и традиционное... С. 91.
 - 330. Там же. С. 98.
 - 331. Там же. С. 226-227.
 - 332. Там же. С. 246.
 - 333. Там же. С. 114.
 - 334. Там же. С. 128, 160.
- 335. *Тазиев Р.Х.* Распределение ролей и обязанностей в рабочих семьях КБАССР (по материалам г. Тырныауза) // Этносоциальные процессы. Программа исследования и некоторые результаты. Нальчик, 1989. С. 52–54.
 - 336. Думанов Х.М., Тазиев Р.Х. Указ. соч. С. 66.
- 337. *Кешоков А.П.* Народное образование // Кабардинская АССР. Посвящается 25-летию автономии Кабарды. Нальчик, 1946. С. 196.
- 338. Теунов Х.И., Магдебург И.Я. Литература и искусство // Кабардинская АССР... С. 220.
- 339. История Кабардино-Балкарской АССР с Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Т. 2. М., 1967. С. 189–190.
 - 340. Там же. С. 232.
 - 341. Там же. С. 300.
 - 342. Там же. С. 405.
 - 343. Там же. С. 405.

- 344. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 55.
- 345. *Губогло М.Н.*, *Думанов Х.М.*, *Аккиева С.И*. Панорама этнополитической жизни Кабардино-Балкарии // Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии / авт.-сост. С.И. Аккиева, Х.М. Думанов. Москва-Нальчик, 2001. Т. 1. С. 87.
- 346. *Такова А.Н.* Динамика экономического развития Кабардино-Балкарии в 1985–2005 годы // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2007. Вып. 14. С. 39, 45.
- 347. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Кабардино-Балкарской республики. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Нальчик, 2005. С. 12–13.
- 348. *Аккиева С.И*. Русское население Кабардино-Балкарской республики: современные миграционные процессы // Научно-практический ежегодник Запад-Восток. 2012. № 4–5. С. 103.
 - 349. Там же. С. 104.
 - 350. Газета Юга. 2012. № 8.
 - 351. Базиева Г.Д. Идентичность в системе... С. 96–100.
 - 352. Тишков В.А., Шнирельман В.А. Указ. соч. С. 9.
 - 353. Кажаров В.Х. Указ. соч. С. 17–19, 23, 69.
- 354. Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии. Т. 2. С. 146.
 - 355. Там же С. 176.
 - 356. Там же. С. 197.
- 357. *Тазиев Р.Х.* Материалы языковой политики в КБР // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2009. Вып. 16. С. 24–34.
 - 358. «Газета Юга», 2013. № 31.
- 359. «Газета Юга», 2014. № 5, 8, 10, 26; Кабардино-Балкарская правда. 2014. № 66.
 - 360. Национальный состав... С. 16-17, 80.
- 361. Тома официальной публикации итогов переписи населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство С. 186// http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf.
- 362. Тхамокова И.Х. Семья и этничность в КБР в условиях глобализации // Четвертые Ковалевские чтения. Материалы научно-практической конференции. СПб., 2009. С. 346–348. http://window.edu.ru/resource/672/66672/files/IVKov_tezis.pdf.
 - 363. Алгебра родства. СПб., 1999. Вып. 3. С. 95.

- 364. Ярлыкапов А.А. «Народный» ислам и мусульманская молодежь Центрального и Северо-Западного Кавказа // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 59–74; *Мукожев А.Х.* Внутриконфессиональный конфликт и проблемы исламского радикализма в современной Кабардино-Балкарии // Исторический вестник. Нальчик, 2009. Вып. 8. С. 304–305.
 - 365. Мукожев А.Х. Указ. соч. С. 311-313.
- 366. *Аккиева С.И.* Ислам в Кабардино-Балкарской республике. М., 2009. С. 86–99.
- 367. Сабанчиева Л.Х. Христианские организации в КБР: проблема прозелитизма и религиозной идентичности кабардинцев и балкарцев // Исторический вестник. Нальчик, 2008. Вып. VII. С. 262–266.
- 368. *Прасолов Д.Н.* Исламский фундаментализм и проблема смены религиозной идентичности // Исторический вестник. Нальчик, 2008. Вып. VII. С. 236.
 - 369. Газета Юга, 2011. № 29; 2012. № 43.
 - 370. Газета Юга, 2011. № 28; 2012. № 40.
- 371. *Кешева З.М.* Экология современной танцевальной культуры кабардинцев // Исторический вестник. Нальчик, 2007. Вып. VI. С. 362.
 - 372. Газета Юга, 2011. № 21; 2012. № 39.
 - 373. «Газета Юга», 2010. № 32.
 - 374. «Газета Юга», 2010. № 48.
 - 375. «Кабардино-Балкарская правда», 2007. № 321.
- 376. *Шанибов Ю.М., Кочесоков Р.Х.* Ценностные ориентации студенческой молодежи // RES PUBLICA. Альманах социально-политических и правовых исследований. Нальчик, 2000. Вып. 1. С. 148.

Научное издание

Ирина Хасановна Тхамокова

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XXI в.: ДИНАМИКА ЭТНОКУЛЬТ УРНЫХ ГРАНИЦ

Макет и техническое редактирование 3.3. Сокуровой Корректор 3.В. Черкесова

Подписано в печать 10.12.2014 Формат 60 х 84 $^1/_{16}$. Гарнитура Minion Pro Усл. печ. л. 8,8. Тираж 500 экз. (1-й завод 100). Заказ № 113

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований» 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел.: 8 (8662) 42-46-97, 42-50-94 E-mail: kbigi@mail.ru